

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Э.А. ТАЙСИНА

С Е М И О Т И К А

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Казань 2019

УДК 003
ББК 87.4
Т14

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Т.М. Шатунова;

кандидат философских наук, профессор кафедры истории и педагогики
ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»
Ф.М. Нуриахметова

Т14 Тайсина, Э.А. Семиотика: учеб. пособие / Э.А. Тайсина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2019. – 140 с.

Учебное пособие подготовлено на основе авторской монографии «Философские вопросы семиотики» (победитель международного конкурса «Университетская книга» в номинации «Лучшее учебное издание по семиотике», 2014). Пособие состоит из девяти глав и Приложения, в котором наиболее сложные проблемы освещаются подробнее на материале оригинальных текстов. Каждая из глав отражает основное содержание семиотики – учения о знаковых и символических системах, существующих в природе, обществе и мышлении, служащих познанию и коммуникации. Реконструируется история семиотики, в сжатом виде освещены ее основные этапы, анализируются ее истоки в историко-философском плане; даются общие и логически непротиворечивые определения знака, символа и значения; показаны новые моменты в диалектике процесса познания, раскрывается последовательность возникновения важнейших эпистемологических проблем по мере экспликации семиотических категорий. Получает законченную трактовку интригующая проблема значения, имевшая в XX веке статус «вечной».

Пособие предназначено для студентов всех форм обучения по образовательной программе направления подготовки 42.03.01 Реклама и связи с общественностью, направленность «Реклама и связи с общественностью в коммерческой сфере», для более углубленного изучения дисциплины «Семиотика рекламы».

УДК 003
ББК 87.4

© Тайсина Э.А., 2019

© Казанский государственный энергетический университет, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Внимание к развитию семиологии, или семиотики, – общей теории знаков, – прежде всего, языковых, – в наше время не исчезает, а усиливается. Семиотика подчиняется общим теоретико-познавательным законам и служит фундаментом для множества дисциплин: теории коммуникации, теории и практики информации, этики, публич рилейшнз, политологии и социологии, психологии, педагогики, эстетики, философии языка, философии науки и социальной философии, составляя для них и своеобразную методологию.

Семиотика разрабатывается начиная с XIX столетия, в трудах лингвистов, логиков, философов. С тех пор семиотика, исследующая знаково-символические системы, функционирующие в природе и обществе, стала приоритетным методом для ученых разных направлений, от математической логики до искусствоведения, от аналитической философии до лингвистики. Она состоит из трех частей: синтактики, изучающей отношения между знаками, семантики, посвященной проблеме знака и значения, и прагматики, погруженной в мир человека. Однако, несмотря на значительные приложенные усилия, эта междисциплинарная теория еще находится «на марше», ее возможности выявлены не до конца, и потенциальная сила ее пока не служит в полной мере самой философии. С другой стороны, не прояснены и все философские аспекты самой семиотики.

Может быть, в практическом смысле еще более важен прикладной аспект семиотики. Это царство прагматики – жизнедеятельности человека и общества. Интернет и телевидение, дипломатия и повседневное существование, психология, конфликтология, рискология и т.д. требуют умения и даже искусства общения. PR-специалист, осуществляющий обширную практику прикладных коммуникаций, в то же время находится на более высоком мета-уровне, что позволяет управлять информационными процессами. Коммуникативный стиль определяет смысловое «поле», фон, на котором в когнитивном фокусе располагаются «частицы», биты информации. Социальное значение знаков, прежде всего языковых, содержится не в словарях; оно живет в двойной связи коммуникации. Селекция и комбинаторика основных средств конструирования посланий представляет нам необходимый и достаточный механизм перехода, или переключения, от «чистого» познания к общению, а в самом общении устанавливает баланс между когнитивным «ядром» информации, богатыми языковыми модальностями и глубинным стремлением человека к одновременному существованию и в качестве самодовлеющей личности – и в прочном кругу общения с себе подобными.

Глава 1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ СЕМИОТИКИ

Семиология, или, как чаще ее называют, *семиотика*, подобно логике и диалектике, является и самостоятельной наукой, и методом познания.

Теоретический статус семиотики, и ее главные проблемы – символизм, его происхождение и сущность, познавательная и общекультурная роль, а также природа, структура и функции знака, связь знака, значения и объекта – являются предметом обсуждения много лет. Ценностный статус знаково-символических средств в мире человека, возможность изучения языка как системы знаков, взаимосвязь семиотических объектов с формами познания, материализация абстракций, проблема смысла и интерпретации, взаимодействие языка и мышления, социальная преобразующая роль символики, наконец, сущность истины традиционно являлись важнейшими эпистемологическими и общетеоретическими проблемами. Они стояли в центре теоретико-познавательного знания или даже исчерпывали собой философские системы отдельных мыслителей.

В течение полутора столетий семиотика претендует на то, чтобы быть не просто новой академической дисциплиной в долгом ряду существующих наук, но универсальной наукой и универсальным методом, равным самой философии, поскольку семиотика находит свои объекты и в реальной действительности, и в человеческой культуре, и в сознании, интерпретируя весь мир как систему знаков, всегда *обозначающую нечто*.

Задолго до новейшего времени, когда семиотика обрела свою нынешнюю силу и популярность, великий английский философ Джон Локк считал *Semeiotike*, *σημιωτική*, или учение о знаках, одной из трех основных ветвей *науки вообще*, наряду с «физикой» и «практикой»; он писал в «Опыте о человеческом разумении»: «...Человек может направлять свои мысли только либо на рассмотрение самих *вещей* – для открытия истины; либо на вещи, которые находятся в его собственной власти, т.е. на свои собственные *действия* – для достижения собственных целей; либо на *знаки*, которыми ум пользуется в том и другом случае, и на упорядоченное их расположение – для более ясного познания. *Это есть первичное разделение предметов познания...*»¹. Локкова эта классификация наук восходит к античности, поэтому история семиотики поистине совечна истории самой философии – если не старше нее.

¹ Локк, Джон. Сочинения в 3-х т. – Т. II. Кн. IV. / Ред. и авт. вступит. статьи И.С. Нарский. Пер. А.Н. Савина. – М.: Мысль, 1985. – С. 200–201.

Учение о знаках Локк также считал, при надлежащей разработке, и всемогущим *методом* познания, некоей *новой логикой*. Он писал в «Опыте»: «И так как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также *λογική*, «логика». Задача логики – рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для уразумения вещей или для передачи своего знания другим... В качестве таковых всего удобнее оказались и потому всего употребительнее членораздельные звуки. Вот почему рассмотрение *идей* и *слов* как великих орудий познания составляет не надлежащую пренебрежению часть в рассуждениях того, кто обозревает человеческое познание во всем его объеме. И если бы они были взвешены отдельно и рассмотрены как следует, они, быть может, дали бы нам логику и критику, отличную от той, с которой мы были знакомы до сих пор».²

В действительности статус семиотики – общенаучный: она обладает гносеологической, но не онтологической универсальностью.

В настоящее время обсуждение семиотической проблематики контролируется и программируется следующими вопросами: правомерно ли вообще говорить о философском статусе теории знаков, т.е. достигает ли она хотя бы в одном из аспектов уровня всеобщности для культуры и науки, всех сфер человеческого бытия и сознания? Является ли понятие смысла философской категорией? Является ли таковой понятие информации или коммуникации? Можно ли, допустим, проблему взаимосвязи знака и значения называть важной для гносеологии, ведь она – лишь модификация «подлинно теоретико-познавательной» проблемы взаимосвязи языка и сознания? (С другой стороны, это модификация «подлинно диалектической» проблемы формы и содержания). Подобно этому, – может ли специально интересоваться теорию познания, скажем, проблема условности знака? Ведь существует «истинно философская» проблема взаимосвязи необходимости и случайности, – и т.д.?

Многообразие проблем, идей, модификаций знания, полученных в результате применения семиотического подхода к познанию и общению, языку, науке и культуре, богатство концептуальных средств, которые при этом используются, таково, что среди них нелегко выделить основные аспекты.

В данном учебном пособии преследуются четыре основные цели:
1) устранить, насколько возможно, пробелы в истории семиотики с точки

² Там же.

зрения теории познания; 2) показать, как поиск решений мировоззренческих вопросов привел к открытию семиотических законов, формулировке принципов и категорий семиотики; 3) избавиться от логических противоречий в определениях знака и значения как главных категорий семиотики; 4) показать, как, последовательно разворачиваясь, исследования разных сторон и свойств знака поднимают центральные философские проблемы: взаимоотношение реального и идеального, диалектика процесса познания, сущность истины.

Для достижения этих взаимосвязанных целей в данном учебном пособии решается ряд задач. Показана связь семиотики и истории науки с целью продемонстрировать, как именно происходит символизация и смена парадигм в научных картинах мира. Для этого рассматриваются примеры из самых разных дисциплин и сфер знания: логики, теории музыки, психологии, истории, географии, этнографии, информатики, но в наибольшей мере – лингвистики. По-новому ставится задача соотносить, анализируя феномен значения, традиционный для материалистической философии принцип отражения, классический для позитивизма тезис «конструктивизирующей деятельности сознания» («нет объекта без субъекта») – и характерный для историков науки принцип дополнительности любого явного знания. Это делается при помощи теории и практики перевода, а также гипотезы лингвистической относительности.

Единство семиотических и философских проблем не исключает возможности различить, во-первых, те из них, которые исследуются в силу их важности для частной науки; во-вторых, проблемы, от решения которых зависят совершенствование и плодотворность самого семиотического подхода к разным сферам жизнедеятельности человека, а также других общенаучных подходов – теоретико-информационного, кибернетического, системно-функционального и др.; в-третьих, что самое важное, это проблемы, обладающие большим философским смыслом.

Проблемы первого рода могут приобретать с течением времени универсальное значение, и наоборот, самые общие философские выводы могут заинтересовать исследователя, занимающегося специальной наукой. А экспликация семиотических понятий, расширение их слоя, становление семиотического подхода в связи с тенденцией интеграции науки позволили отечественным ученым в 70-е гг. XX в. использовать соответствующие методики для построения общенаучных информационных моделей, языка тернарного описания, разных вариантов теории систем и т.д. Без сомнений, опираются на результаты семиологических исследований логики, лингвисты и философы.

Признание большой информационной емкости и ценности основных семиотических понятий знака и значения, а также предельной широты предмета семиотики в силу актуального или потенциального символического характера человеческой культуры, способности субъекта к познанию лишь на основе опосредования действительности при помощи символов и знаков, инструментального их характера (а зачастую и их сакрального смысла), которыми полны наука, мораль, религия, искусство, говорит о *рефлексивной, презентативной сущности самого сознания*.

Мало указать, что предмет семиотики имеет универсальный характер, и даже изучить основные свойства знаковых систем разного рода. Необходимо раскрыть закономерность возникновения и смены этих систем, причины самого символизма и смысловой трансформации символики, показать ценность этих знаний, способность семиотики служить написанию целостной научной картины мира, предвидению развертывания законов человеческого бытия на основе понимания сущности человека, его мышления и практических действий, которое дает семиотика.

Природа семиотических понятий требует исследования и уточнения. Часто они имеют интуитивно ясное содержание и философский смысл (например, известный треугольник Фреге, он же треугольник Огдена-Ричардса или триада Пирса). В действительности, однако, они весьма сложны и нуждаются в анализе с использованием всей мощи теории познания. Например, диалектика образа и знака представляет собой важнейший философский аспект семиотики, и ее решение зависит от знания диалектики субъекта и объекта познания. Проблема условности знака – видовая по отношению к диалектике необходимости и случайности, условий познания. Принципы селекции и комбинаторности в синтактике, первой части семиотики, недостаточны (например, для объяснения законов фонологии), они нуждаются в опоре на теории полноты и неполноты знания. Центральная проблема семантики (второй части семиотики) – природа и сущность значения – зависит от решения проблемы идеального. Третья часть семиотики, прагматика, изучающая отношение знаков к человеку, всегда принципиально демонстрирует зависимость ее изложения от типа мировоззрения ученого; кроме того, она предельно зависит от повседневности и зачастую предстает не как теория, но как эмпирическое обобщение, то есть требует усилий для повышения ее абстрактности и общности.

Лучше изученными являются семиотические аспекты разных видов, уровней и форм познания и культуры в целом (лингвосемиотика,

семиотика искусства и литературы, машинное моделирование, символическая логика, герменевтика), нежели философские характеристики самой семиотики.

Остановимся на эвристических возможностях и ограничениях семиотического подхода.

Он действует в общих рамках классического принципа системности, хотя и не исчерпывает его, а с другой стороны, включает в себя герменевтические прозрения, не подчиняющиеся системности.

Языки науки и естественный разговорный человеческий язык, формы культуры и генетический код, технические устройства и средства массовой информации, сигнальные ситуации в животном мире и рафинированные эстетики элитного сознания, всевозможные шифры и структуры могут быть интерпретированы как знаковые системы. (Т. Себеок). Вдумываясь в сущность объектов, человек любой из них делает знаком или даже символом, приписывая, вкладывая во фрагмент реальности некий смысл. На основе такого подхода к объектам начинают формироваться семиотические методы, причастные к процедуре творчества, делающие творческий процесс эффективным. В общем случае происходит следующее: вслед за представлением объекта в качестве знака или системы знаков стараются установить особые параметры, которые могут принимать различное число значений; концептуализировать их; вычленив набор компонентов, между которыми устанавливаются отношения сигнификации (денотации); интерпретировать акт семиозиса.

Ограничения возможностей применения семиотического подхода являются разнородными. Например, известный современный философ и культуролог У. Эко, один из классиков семиотики, говорит о «политических» и «естественных» ограничениях.

«Естественные» ограничения объясняются незнаковой природой множества объектов.

«Политические» ограничения подразделяются на «академические» ограничения, связанные с тем, что семиотика стала отдельной университетской дисциплиной сравнительно недавно; «товарищеские» ограничения со стороны сопредельных наук, достигающих важных для семиотики результатов, так сказать, «попутно»; «эмпирические» ограничения, связанные с недостаточным развитием самой теории знаков.

Существуют и ограничения философского характера, ибо категории семиотики не достигают онтологической всеобщности. Мир сам по себе не представляет системы знаков, не «заряжен», вопреки расхожему мнению, информацией, ничего не «говорит» субъекту познания;

лишь сам человек может придать смысл явлениям природы. Упорядоченность космоса – это только упорядоченность; она не означает ни осмысленности, разумности, ни «знаковости». Поэтому семиотика не в состоянии подменить философию.

Наконец, особая грань, сквозь которую можно рассматривать семиотику, – логика и методология науки, это «государство в государстве» гносеологии.

Свое освещение получают семиотические понятия и законы в связи с постановкой относительно новых для логики и методологии науки «ценностных» проблем, призванных смягчить былой ригоризм и радикальный сциентизм этой дисциплины.

В данном учебном пособии принят взгляд на символизацию как на *процесс включения и активного использования символики в познавательных операциях*. Символику надо понимать широко, как инструмент познания и общения, манифестации эмоций и абстракций, получения, фиксации, хранения и передачи информации. Частью данной концепции символизации является признание возможности приобретения черт символики *самими чувственными и умственными образами сознания*.

Основные философские принципы, на которых основывается отечественная семиотика, это *материализм* (достаточно гибкий, немеханистический), *«эссенциализм»* (в противоположность методологическому номинализму и релятивизму) и *рационализм*, насколько он согласуется с материализмом. Это, далее, признание *объективности* как характерной черты научного исследования, достижимости познания *сущности* объекта в акте интеллектуального созерцания и существования *абсолютной истины*.

Семиотика появилась в России, в отличие от Европы, относительно недавно – не более полувека назад, и она развивалась до последнего времени исключительно на прочном фундаменте диалектического материализма. «Наша» семиотика игнорировала, и, быть может, недаром, культурологический фон, каковым для континентальной Европы и во многом для США являлся постмодернизм. Исключением была Тартуская школа и работы отдельных философов. (Справедливости ради, надо заметить, что аналитическая философия на западе также игнорировала постмодернизм). Символическими (или знаковыми) явлениями на этом пути можно считать, кроме «Антологии» Ю.С. Степанова, выход в свет работ Л.А. Микешиной, И.Т. Касавина, С.В. Никоненко, трудов ростовских авторов В.П. Кохановского, В.И. Пржиленского, Е.В. Золотухиной-Аболиной, Т.Г. Лешкевич, Т.Б. Фатхи, дагестанского философа М.И. Билалова и других отечественных и зарубежных ученых. Автор причисляет к этим вехам и свои труды.

Вопросы для самоконтроля

1. Каков предмет семиотики как науки и университетской дисциплины?
2. Каково значение семиотики в качестве научного метода?
3. Что такое символизация?
4. Из каких частей состоит семиотика, и каковы ее основные «ветви»?

Темы рефератов

1. Сущность семиотики и ее основные законы.
2. Проблема знака и значения.
3. Эвристические возможности и ограничения семиотического подхода.

Глава 2. ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ СЕМИОТИКИ

Без осмысления истории возникновения и развития в рамках разных наук (логики, лингвистики, филологии, психологии, но прежде всего философии) семиотических идей невозможно понять и оценить семиотику в целом, ее продуктивность и ценность для современной науки. Нельзя сказать, что это неразработанная область в нашей науке; примером являются ранние труды А.Г. Волкова, Ю.С. Степанова, И.А. Хабарова. Хорошо изучен вклад в семиотику Гегеля (А.Г. Волковым), Канта (И.А. Хабаровым), Локка, Гоббса и Юма (И.С. Нарским), Г. Фреге (А.А. Ветровым, В.А. Суровцевцевым), Ч. Пирса и Ч. Морриса (А.М. Коршуновым, В.В. Мантатовым, Ю.С. Степановым), Э. Гуссерля и других феноменологов (А.Н. Портновым) К. Маркса (В.А. Колеватовым), В. Гумбольдта (А.Г. Волковым), де Соссюра и других классиков. Тем не менее, многие периоды требуют более внимательного и углубленного изучения. Поэтому в данном учебном пособии мы остановимся подробнее на недостаточно исследованных трудах.

Необходимость разработки истории семиотики продиктована, прежде всего, желанием установить научные приоритеты и найти источники современных концепций и теорий знаков в самых разных областях. Кроме того, эта необходимость вызвана определенными мировоззренческими переменами – переоценкой роли позитивистских исследований XX в., апологией экзистенциализма в самосознании европейской культуры, новым – нейтральным или заинтересованным – отношением к религии, ее культу и образности. Излишне напоминать, что для современной экранной культуры семиотика и ее история представляют не только теоретический, но и профессионально-практический интерес.

§ 1. Семиотические идеи в античной философии

В контексте любой сложной философской системы содержатся семиотические идеи, но до XIX в. они не выделялись в самостоятельную область исследования и соответствующую научную теорию. Исторически первой европейской формой семиотики была лингвосемиотическая концепция естественного языка, развивавшаяся философами античного мира.

К числу специфических характеристик этой эпохи, определявших содержание основных философских концепций, относится слабое развитие техники, а отсюда плохие возможности и даже нежелание постановки

экспериментов и моделирования. (Хотя слово *techné* греческого происхождения, оно означало не технику в нашем понимании, а искусство). По этой причине основными методами научного исследования были наблюдение, гипотеза, дедукция, аналогия. Наблюдение над языком – основной источник семиотических идей древних греков.

Следует вспомнить, что в гораздо более раннюю культурную эпоху, в древнеегипетском тексте, называемом Мемфисским богословским трактатом, манифестируется осознанное сведение воедино *творящего слова, мысли и сформированного этими силами мира*. Этот подвиг, описанный строем чеканных иероглифов на базальтовой стеле, принадлежал богу Птаху. Мысль о существовании данного единства вообще является одной из первых, если не самой первой, философской идеей, наряду с бессмертным «всё есть одно».

Тем не менее, остается непреложным, что подлинной родиной философии *как философии* был не Древний Египет – то было лишь ее преддверие, – а Древняя Греция, великая Эллада.

В качестве центральной знаковой системы эллинами изучалась речь. Философия рассматривала ее знаки – слова и высказывания – как действительную, творящую силу, проявление высшего существа. О связи речи и «всеобщего» вот что писал, например, Гераклит: «[Все] желающие говорить разумно должны опираться на это всеобщее, подобно тому... как государство [зиждется] на законе... Ибо последний господствует насколько ему угодно, довлеет всему и все побеждает»³. Этот правящий миром закон и есть «логос», и люди имеют с ним постоянное общение.

«В условиях невозможности экспериментальной проверки в умах различных мыслителей, принадлежавших к высокоодаренному народу, возникали различные гипотезы об одних и тех же явлениях»⁴. Они часто приобретали характер *антиномий*-проблем (неразрешимых противоречий) или даже *апорий* (недоразумений): известны апории, отрицающие движение; антиномия природы и культуры; противопоставление знания и мнения – *epistéme* и *doxa*.

Особый интерес для семиотики представляет антиномия существующего «по природе» – *physei* и «по установлению» – *thesei*.

Анализ этой оппозиции есть важнейшее направление семиотической мысли античного периода. Например, один из самых сложных для комментария диалогов Платона «Кратил» в основном посвящен данной теме.

³ Цит. по: Асмус В.Ф. Античная философия. – М.: 1976. – С. 41.

⁴ Асмус В.Ф. Античная философия. – С. 5.

В «Кратиле» имеется четыре важных для семиотики выводы: 1) анализ диалектики *условности и обусловленности* языкового знака; 2) утверждение о том, что отражение (изображение), в том числе и мысленное, имеет разной степени *сходство* с объектом, но никогда не может и не должно сравниться с ним: это диалектика образа и знака; 3) рассуждение о *главных функциях* языка и знака, диалектика коммуникативной и познавательной, номинативной и модальной функций; 4) представление знаков как *эвристических орудий мысли*, фиксирующих и выражающих главные состояния и законы природы и общественной жизни: движение и покой.

Устами Сократа Платон напоминает о диалектической концепции Гераклита – концепции вечного становления.

Но можно ли правильно именовать сущность, если она будет всегда ускользать и меняться? Ведь в таком случае она не могла бы быть никем познана, говорит Сократ. Никакое познание не познает того, о чем известно, что оно вечно меняется. «Если же оно вечно меняется, то оно вечно – незнание» (440в, с. 490). Это один из совершенных афоризмов Сократа.

Примирительно звучит такой тезис: «Я думаю, что если бы кто-нибудь как следует постарался, он смог бы найти много других имен, которые бы показывали, что присвоитель имен обозначал не идущие или несущиеся, но пребывающие в покое вещи» (437с). А дальше? «Что же из того, Кратил? Подсчитаем имена, словно камешки при голосовании, и в этом-то и будет состоять правильность? С каким значением окажется больше имен, те имена и будут истинными?» (437д). Диалог заканчивается истинно сократовским: «Дело обстоит, может быть, так, а может быть, и не так. Следовательно, здесь надо все мужественно и хорошо исследовать и ничего не надо легко принимать на веру» (440д, с. 490–491).

Заслуги Платона в истории семиотики несомненны, хотя и менее известны, чем идеи Аристотеля.

Творчество Аристотеля с указанных позиций освещено лучше. Поэтому основное значение необходимо придать здесь взглядам Аристотеля на сущность языкового знака – имени и глагола, а также оригинальному воззрению на некоторые скрытые ходы мысли как знаковые процессы.

В работе «Об истолковании» сказано: «То, что в звуко сочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письмена – знаки того, что в звуко сочетаниях. Подобно тому, как письмена не одни и те же у всех [людей], так и звуко сочетания не одни и те же. Однако представления в душе,

непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же, точно так же одни и те же предметы, подобия которых суть представления»⁵. Аристотель подчеркивает, что сами по себе звукосочетания – имена и глаголы – хотя и обозначают что-то, но обозначение это не истинно и не ложно, ибо истина или ложь появляются при связывании и разъединении в мысли: «Ведь и “козлоолень” что-то обозначает, но еще не истинно и не ложно, когда не прибавлен [глагол] “быть” или “не быть” – либо вообще, либо касательно времени» (там же). Так Стагирит задает магистральное направление в исследовании проблемы истины: она – удел высказывания, а не имени и не глагола. Вне суждения и высказывания нет истины. Смысл вместе с истинностью появляется лишь на уровне речевого высказывания.

В «Категориях» Стагирит вводит понятия «одноименный» (омонимия), «соименный» (синонимия) и «отыменный» (паронимия). В трактате «О софистических опровержениях» подробно анализируются явления омонимии, амфиболии – двусмысленности, диэреза – двусмысленности союза «и». Оригинальная семиотическая идея Аристотеля разворачивается в «Первой аналитике» – это определение энтимемы как силлогизма из вероятного или из *знака*. Во всех знаках содержится нечто истинное, но достовернее всего знак-показатель, взятый как средний термин в первой фигуре.

Эти и многие другие закономерности, открытые Аристотелем, легли в основу логико-семиотических исследований целых столетий. Ниже мы остановимся на некоторых из них, в частности, на комментарии сирийско-римского неоплатоника Порфирия из Тира (III в. н.э.) и «последнего римлянина», философа и логика Аниция Манлия Торквата Северина Боэция (V в. н.э.).

§ 2. Развитие символизма в эпоху средневековья

От древнегреческой мысли средневековая Европа восприняла два важных семиотических положения: единицы языка (слово и предложение) являются знаками; они связаны с понятиями и суждениями условной связью.

От арабоязычной философии IX–XI веков, в частности, от течения суфизма, от мистики букв и чисел Каббалы Европа унаследовала идею знакового универсализма, или фетишизма. Исследователи эпохи

⁵ Аристотель. Сочинения. В 4-х т. – Т. II. – М.: 1976. – С. 93.

средневековья подчеркивают высокий уровень символичности в восприятии действительности. Исключительной пышностью отличались обряды и обычаи, символика пронизала всю культурную жизнь. Каждая вещь воспринималась как нечто значащая; природа была «отдана во власть духовного и даже духовной субъективности; так, например, течение природы повсюду прерывается чудесами»⁶.

Философско-теологические тексты не понимались прямо, а толковались. Схоластическая философия, как писал Гегель, была предоставлена на произвол бесконечной подвижности определенных понятий. Категории возможности и действительности, свободы и необходимости, свойства и субстанции и т.д. носят характер «чистого движения»; нечто, определенное как возможное, превращается в противоположное, и от него приходится отказаться, так что определение можно спасти лишь посредством нового различения. Общим ключом служило убеждение в том, что вещи представляют собой воплощение символов Ветхого завета; а символы Ветхого завета, первоначально воплотившись в событиях Нового завета, свидетельствуют о грядущем армагеддоне, последней битве христианского добра и зла.

Обозревая это время, Гегель полагает, что в течение почти тысячи лет – с IV по XIV век – вся схоластическая философия выглядит совершенно однотонно, на содержании ее не стоит останавливаться, она вообще не является философией в смысле *системы*, а разве что представляет собой некую общую манеру. (Это не помешало ему назвать «великими» схоластов Дунса Скота и Фому Аквинского).

Понятно, что творец самой развитой и подвижной системы категорий мог смотреть пренебрежительно на логику комментаторов Аристотеля. Но это не вполне справедливо. Основа семиотики совпадает с основой лингвистики и логики; история семиотики XX в. неотделима от анализа языка, от успехов символической и иных логик, от изучения правил селекции и комбинаторики. А современный стиль научного мышления определяется использованием таких понятий, как «проблема», «объект», «субъект» и «проект», «субстанция», «рациональность» (и «иррациональность»), «персональный», «интеллектуальный», «формальный», «натуральный», «дефиниция» и др. Надо знать, что истоки этой научной парадигмы и терминированной лексики заложены именно в ту эпоху трудами Боэция.

К Боэцию восходит знаменитый спор об универсалиях, который

⁶ Гегель. Сочинения. Т. XI. Лекции по истории философии. – М.Л.: 1935. – С. 110.

вылился в XVII веке в «философскую грамматику» и из которого родилась основная философская дилемма Нового времени – рационализм и сенсуализм, а также символическая логика. Боэций – автор не дошедшего до нас учебника геометрии, содержавшего комментарии к трудам Евклида. Но более всего Боэций известен как логик; его «Комментарий к Порфирию», а именно, к «Ведению» Порфирия к Категориям» Аристотеля, был в течение тысячи лет основным учебником логики для европейцев.

Следуя аристотелевскому делению на растительную, животную и разумную душу, Боэций считал, что уже животное различает ощущения (которые числом достигают пяти); оно не только воспринимает те формы вещей, которые исходят из присутствующих тел, но и после удаления этих тел сохраняет в памяти их образы. К разъяснению образов способна лишь разумная человеческая душа.

В «Комментарии к Порфирию» Боэций пишет: «В воображении она (душа) может составить себе понятие о том, чего не воспринимает в данный момент, и о том, что вообще недоступно чувствам, и дать этим образам *имена*; она дает названия также и тому, что постигает рассуждением разума, тем самым делая это понятным»⁷. Имена – первые и главные знаки. «А в рассуждении на такое полагаться нельзя: далеко не все, что может быть установлено на словах, имеет место в действительной природе» (с. 7).

Из этих соображений, а вовсе не из типичного для христианства пренебрежения к природе Боэций считает необходимым правильно сочетать символы в умозаключении, дабы укрепиться в умении правильно рассуждать: «Только после этого сможем мы перейти к достоверному познанию самих вещей» (с. 8). Найденная логикой истина должна служить философии в ее исследовании *природы вещей*.

Теперь рассмотрим более пристально важную причину знакового универсализма средневековой Европы. Она кроется в особом характере и необычной эволюции христианской религии, слившейся в ту эпоху с философией.

Вообще говоря, рассматривать историю символизма вне религиозного мировоззрения можно лишь в абстракции, и это касается не только христианства и не только средневековья. Универсальное и символическое долгое время было возможно лишь как религиозное или ведущее к таковому. В этом аспекте заслуживает внимания, например, оценка

⁷ Боэций. Комментарий к Порфирию // Утешение философией и другие трактаты. – С. 6.

истории культуры Н.А. Бердяевым, считавшим, что путь культуры – это путь дифференциации религиозного культа. Она начиналась в храме, ее первые творцы – жрецы. Культура связана с культом не только богов, но и предков, с преданием и традицией. Все достижения культуры символичны, а не реалистичны. «Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобия иной, духовной действительности»⁸. Философия и наука, все виды искусства и мораль – все заключено в целостной форме (церковного культа). Из этого следует пессимистическое: «Существует как бы противоположность между культурой и «жизнью»... И так всегда, всегда бывало! *Культура всегда бывала великой неудачей жизни.*

Так или иначе, стиль мышления европейского средневековья определялся символикой и семантикой христианства, так же как и стиль самой жизни. Символичность унифицированного, канонизированного мировоззрения породила тот высокий уровень знаковости, на который поднялись и обыденное сознание, и наука – логика и философия, и нравственные требования и предписания (скажем, каноны рыцарства), этикет, и литература (толкование текстов, моралите), и цеховые уставы, и регламент всех сторон общественной жизни. В связи с этим важно подчеркнуть не только то, на что указал Н.А. Бердяев – связь символизма и религии в смысле внешней символики, – но и особый, глубокий характер условности, конвенциональности религиозного культа и игрового поведения, вызванных, как полагал В.С. Соловьев, извращением сути христианства самой церковью в итоге упрочения ее господства.

В одном из своих выступлений на заседании Московского психологического общества В.С. Соловьев развил идею о том, что ранняя христианская община успешно боролась с языческим мирозерцанием, пока была в опале. Прекращение гонений и официальное признание привели к тому, что при Константине Великом, Констанции, и окончательно при Юстиниане «к христианству привалили языческие массы не по убеждению, а по рабскому подражанию или корыстному расчету. Явился небывалый прежде тип христиан притворных, лицемеров... Образовалось множество оттенков поверхностного и равнодушного христианства. Но все это без всякого различия было прикрыто общей организацией внешней церкви»⁹.

⁸ Бердяев Н.А. Смысл истории. Приложение. Воля к жизни и воля к культуре. – М.: 1990. – С. 166.

⁹ Соловьев В.С. Соч. В 2-х т. – Т. II. – М.: Мысль, 1976. – С. 342–343.

Следствием такого христианско-языческого компромисса в средневековом мировоззрении было то, что вместо подвига перерождения «языческий мир захотел попробовать легкого, дешевого спасения, спасения мертвою верой и делами благочестия, *делами*, а не *делом*. И притом делами внешними...» (с. 344). Поэтому истины христианской веры потеряли главный жизненный смысл – нормы и закона человеческого бытия, оставшись лишь «при одном отвлеченно-теоретическом содержании. А так как это содержание мало кому понятно, то истины веры превратились в обязательные догматы, т.е. в *условные знаки* церковного единства и послушания народа церковным властям» (с. 346). Произошла непоправимая подмена: традиционное условное поведение заменило собой подлинно богоугодную жизнь. Знак вместо репрезентанта стал фетишем, заместителем, что связано в данном случае с этическим преступлением, считает В.С. Соловьев. Спасение приравнивали к вере в догматы.

Такое притворство и лицемерие в главном, соединяясь с общедоступностью потерявших истинное значение и фетишизированных таинств, обусловили высшую возможную степень символизации общественного и индивидуального сознания и культуры в целом, уровень, оставшийся непревзойденным в последовавшие эпохи.

Возможность фетишизации знаково-символических образований существует всегда, и она обусловлена относительной самостоятельностью, активностью и вместе с тем закономерно наступающей консервативностью любой формы.

Вернемся теперь к истории семиотики.

Традиции номинализма средневековой философии дали для семиотики не меньше, а может быть, больше, чем традиции реализма или собственно богословия. Например, Уильям Оккам, лучший логик высокого средневековья, (сведший, кстати сказать, десять аристотелевских категорий к трем – субстанции, качеству и отношению), дал такое определение семиозиса: «Точно также, как произносимое слово по условному соглашению подставляется вместо вещи, так и акт сознания по своей собственной природе и без всякого условного соглашения подставляется вместо вещи, к которой оно относится»¹⁰. (На нем, вероятно, основывался и Чарльз Сандерс Пирс, «отец» семиотики как отдельной дисциплины, с его абстрактнейшим определением знака: “Something which stands to somebody or something in some respect or capacity”).

¹⁰ Ockham W. Philosophical Writings. A selection ed. & transl. by Ph. Boener. Nelson. – Edinburgh, 1957. – P. 43.

Великий францисканец Вильгельм (Уильям) Оккам, родившийся в Англии в графстве Сэррей, способствовал возрождению утихшего спора с доминиканцами (томистами) и получил титул «непобедимого», *doctor invincibilis*. В политическом аспекте оккамисты поддерживали европейских монархов против претензий папства. Сам Оккам был в конце концов отлучен и умер в Германии.

Гегель комментировал Оккама, поясняя, как возможно для общего объективно реальное существование в душе в отличие от объективно реального существования внешней вещи. Ум, воспринимавший некую находящуюся вне души вещь, образует подражательно подобную вещь в душе. (Оккам прозорливо считал акт сознания подстановкой, *презентацией* вещи). Если бы дух этот обладал продуктивной силой, он бы воплотил эту вещь как художник, поместив ее вовне. Очень важное место у Гегеля: «Кому не нравится то, что я называю это представление *сделанным*, тому я могу сказать, что представление и всякое общее родовое понятие есть некое субъективно существующее в душе качество, которое по своей природе есть *знак* находящейся вне души вещи, подобно тому как слово есть знак вещи, произвольно изобретаемый обозначающим ее».

Сам же Уильям Оккам похожим образом в «Логике» объяснение своей семиотической позиции начинает так: «...Звуки суть вторичные знаки, обозначающие то, что претерпевания души, или понятия, переносят первичным образом ...»¹¹

Строго говоря, речь здесь идет о презентации и *репрезентации*: знаки представляют то, что уже было представлено формами сознания.

Более важное место: «...некоторые слова в первую очередь обозначают претерпевания души, или понятия, обозначающие во вторую очередь иные интенции души...»¹² Здесь референтом является понятие, а не фрагмент объективной действительности, каковое понятие получает смысл также в понятии, но более высокой степени абстрактности. Для такой знаковой ситуации, где референт идеален, подходит термин «сигнификат» (а «денотат», возможно, лучше оставить для материально-реального референта). Впрочем, общепризнанных решений в этом аспекте пока нет.

Оккам уделял много внимания и проблеме условности знака. «...Понятие, или претерпевание души, природным образом обозначает все, что обозначает; а произносимый или письменный термин ничто не обозначает иначе как по вторичному произвольному установлению».

¹¹ Уильям Оккам (1280-1347). Избранное /ред. и вступительная статья А.В. Аполлонова / РАН ИФ Едиториал УРСС, М.: 2002. – С. 4.

¹² Там же, с. 5.

Из этого проистекает то заключение, что «произносимый или письменный термин может произвольно менять свой сигнификат, а ментальный термин этого не может»

Сам термин «знак» имеет два значения. Во-первых, он «обозначает все то, что, будучи познанным, приводит к познанию чего-то иного. Но при этом знак не дает познания ранее неизвестного... [И при таком понимании] слово обозначает по природе, так же как следствие обозначает, по крайней мере, свою причину... «Знак», во-вторых, обозначает то, что приводит к познанию чего-то иного и предназначено для того, чтобы по природе быть подставляемым вместо него или быть добавленным... в высказывании... И при таком понимании термина «знак» слово не является естественным знаком чего-либо»¹³.

Это лишь введение в грандиозную философскую систему Оккама, включающую и метафизику, и теорию познания, и этику; и система эта основана на *семиотике*.

Мировоззренческим антиподом средневековой схоластики в следующую историческую эпоху стала гуманистическая философия.

§ 3. Обогащение семиотической концепции в эпоху Возрождения и Новое время

В следующую за средневековьем эпоху в связи с ростом и усложнением искусства, науки, культуры в целом интенсивно развиваются всевозможные знаково-символические системы. Возникают и распространяются многочисленные систематики: дипломатика, нумизматика, фалеристика, сфрагистика, закладываются основы палеографии. Происходит становление национальных языков и литератур. Появляется книгопечатание со всеми далеко идущими возможностями.

Мировоззрение эпохи Возрождения радикально отличалось от средневекового. Определяющая его черта – гуманизм. Термин *humanitas* (человечность) заимствован у Цицерона, для которого он означал возрождение человечности, выработанной в древнегреческом полисе и привитой на римской почве. Гуманистическое движение началось в Италии. В мировоззрение эпохи Возрождения и особенно эпохи Просвещения проникает убеждение в необходимости замены символического отношения к жизни и действительности вообще – реальным, прямым. Возникает неприязненное отношение к двойной, лицемерной сущности символики, не раскрывающей людям своего тайного смысла. «Пансимволизм» целой тысячи лет отстывает: «И культура

¹³ Цит. соч., с. 7.

античная», и культура западная европейская переходят через процесс «просвещения», которое порывает с религиозными истинами культуры и разлагает символику культуры»¹⁴.

Эпоха Чинквеченто и особенно последовавшее за ней время ранних буржуазных революций колоссально увеличили запрос на умственный труд; расширились границы мира и, соответственно, познания. Шел активный поиск и популяризация античных текстов, быстро росли естественнонаучные знания. Природа теперь предстала как эталон прекрасного, образец для познания и подражания. Постепенно в европейском самосознании сложилось представление о превосходстве над античностью, особенно во времена, отмеченные успехами в развитии математического и естественнонаучного знания. Появление ученых-гуманистов в ренессансной Италии положило начало возникновению светской интеллигенции.

Взаимосвязь философии, литературы и искусства, возникшая в это время, дала себя знать и в истории семиотических идей и концепций. Мощный импульс получила семиотика пространства (его особое членение и видение), главной причиной которой явилась разработка в изобразительном искусстве закона линейной перспективы. Леонардо да Винчи ввел ее в изобразительное искусство на правах универсального художественного метода. Оно становится действительно нелицемерной, лишенной мистики системой знаков; при этом гений Леонардо не дает ему превратиться в анатомический учебник, а напротив, превращает реализм в неменьшее чудо, чем религиозный символизм приписывал и продолжает приписывать Творцу.

Коснемся и важнейшего для судеб семиотики искусства книгопечатания.

Милан был для Италии главным центром этого искусства, а Леонардо – великим книжником. «Книгопечатание подвижным шрифтом привело к стандартизации шрифтов, образовало новую область графического изображения букв. Тем самым европейский читатель оказался в ином, с точки зрения семиотики, мире письменных знаков. Создание печатной книги... вывело ее из предела монастырских скрипториев... Вместе с этой индустриализацией, ростом книжного богатства происходила дальнейшая дифференциация письменных текстов по содержанию... Все это создало предпосылки для становления новой науки и новой философии»¹⁵.

¹⁴ Бердяев Н.А. Воля к Жизни и воля к культуре. – С. 166.

¹⁵ Хабаров И.А. Философские проблемы семиотики. – М.: 1978. – С. 10–11.

Итак, европейское Возрождение обратило внимание на неязыковые знаковые системы, и семиотика отделилась от логики и лингвистики (хотя эта связь никогда не прерывается). Спор об универсалиях был постепенно вытеснен дилеммой эмпиризма и рационализма. Последующая эпоха характеризуется попытками создания, наряду с национальными языками, интернационального языка (языков) прежде всего для ученого мира. Предпосылки для этого заложил Раймунд Луллий, ученый драматической судьбы, монах, алхимик и проповедник, известный в истории семиотики как первый изобретатель подобия счетной машины, способной комбинировать понятия так, что результат получается необходимо истинный и не зависит от субъекта. Грамматика Пор-Рояля, универсальная пазиграфия Лейбница, попытки создания особого символического языка мнемонических знаков Д. Бруно, введение буквенной записи в алгебру Ф. Виеттом, – все это вехи на пути к современности.

Новое время и его наука подробно изучены, вообще мысль XVII–XVIII столетий необыкновенно богата и превосходит в интересующем нас отношении мысль средневековья и античности. Материалистическая гносеология и семиотика Джона Локка является классическим стартовым эталоном в силу своей развернутой системности: это «Опыт о человеческом разумении».

Высшим видом (уровнем) познания Локк считал интуитивное, именно применительно к нему он пользуется понятием истинности как «соответствия» (*соглашения*) между идеями. Что недоступно интуиции – доступно «демонстрации». Одна важная мысль повторяется Локком несколько раз: «...Истина относится только к высказываниям, а высказывания бывают двух видов – мысленные и словесные, так же как двух видов бывают и наши обычные знаки, а именно идеи и слова». (Кн. IV. Гл. V. «Об истине вообще». § 1. С. 52).

В этой книге фигурирует также и методологически ценный семиотический треугольник знак-смысл-объект: «...так как... отвлеченная идея является в уме чем-то находящимся между существующей вещью и данным ей названием, то в наших идеях заключается и правильность нашего знания, и точность и понятность нашей речи». (§ 8. С. 441).

Другой философ XVII в., Иоганн Готлоб Фихте¹⁶, также был последовательным семиологом, хотя это менее известно. Не только слова и выражения (что традиционно) он называет знаками, но и элементы созерцания: «Наша самость погружается при философствовании не в сами эти основные определения сознания, которые суть сами восприятия,

¹⁶ Фихте, И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. – М.: 1937.

а в копии и знаки этих определений» (с. 34). Это своеобразные «идеальные знаки».

Важные мысли для понимания диалектики образа и знака: «созерцающий человек» не сознает ничего другого, кроме тождества мыслящего «Я» и мыслимого «Я»; Фихте заставляет увидеть, что это своеобразное идеальное представление представления, *Vorstellung* (мы сказали бы – сигнификативная репрезентация). «И при этом все же (ты) отвлекался от чего-то иного, что ты одновременно мыслил при мышлении себя самого» (с. 45). Это есть (идеалистически понятый) акт семиозиса.

В XVIII в. великий Гегель намного опережает введение в семиотику от лингвистики Ф.де Соссюра и от логики – Ч.С. Пирса.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель истинный философский отец семиотики, поскольку он во всей глубине определил специфику речи и ее отличие от письма и впервые теоретически обосновал необходимость науки о языке как самостоятельной дисциплины, отличающейся от психологии и логики. Он первым осуществил конкретный анализ природы языкового знака и значения, показав, как деятельная сила сознания проявляет себя «вовне» при помощи знаков¹⁷.

Знак и значение связываются только «интеллигенцией», т.е. сознающим себя разумом: «Если интеллигенция что-нибудь обозначила, то она тем самым покончила с содержанием созерцания и дала чувственному материалу в качестве его души чуждое ему самому значение. Так, так, кокарда, флаг или надгробный камень означают нечто совсем иное, чем то, на что они непосредственно указывают»¹⁸.

Языковой знак – средство обобщения, он позволяет уйти от единичности созерцания, чувственности. «Так как *язык* есть произведение мысли, то нельзя посредством него выразить ничего, что не являлось он всеобщим. То, что мне *мнится*, есть *мое*, принадлежит мне как этому особому индивидууму; но если язык выражает только всеобщее, то я не могу сказать того, что мне только *мнится*... Если я говорю *единичное*, это единичное, здесь, теперь, то все это – всеобщие выражения... Точно так же, когда я говорю «я», я *имею в виду* себя как это, данное «я», исключаящее все другие «я»; но изреченное «я» есть именно всякое «я»...¹⁹

¹⁷ Эти характеристики высказаны в: Волков А.Г. Язык как система знаков. – М.: 1966. – Гл. II.

¹⁸ Гегель. Философия духа. Соч. Т. III. – М.: 1959. – С. 265.

¹⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Соч. Т. I. § 20. – М.: 1975. – С. 114.

Гегель видел способность языка одновременно выражать противоположное, схватывать противоречие, движение, взаимное превращение – то, что не удалось платоновскому Сократу, ибо тот останавливался на именах, Гегель же говорит о самой речи. «Кто не знаком с определениями субъективности и объективности и захочет их удержать в их абстрактности, тот найдет, что эти абстрактные определения ускользают у него из рук раньше, чем он успевает оглянуться, и каждый раз он будет говорить как раз противоположное тому, что хотел сказать»²⁰. Гегель предупреждает о том, как важно в этой игре, или борьбе, перетекании одной категории в другую не путать необходимое и случайное: «Следует... остерегаться, чтобы само по себе прекрасное стремление к разумному познанию не ввело нас в искушение попытаться представить явления, которым на деле присущ характер случайности, как необходимые, или, как обыкновенно выражаются, конструировать их [a priori]. Так, например, в языке, хотя он представляет собой как бы тело мышления, случай все же, несомненно, играет значительную роль, и точно так же обстоит дело с правовыми, художественными и иными формами»²¹.

После Гегеля филология начала самостоятельное, отдельное от философии существование. Гегелевский анализ языка воспринял В. Гумбольдт, хотя и лишил его диалектики. Много в семиотике связано с именем Г. Фреге: по сути, он создал семантику как часть семиотики. Но настоящим творцом семиотики был американский философ и логик Чарльз Сандерс Пирс.

Вопросы для самоконтроля

1. Какова основная конструирующая идея семиотики?
2. Каков вклад в развитие семиотики античных авторов?
3. Каковы особенности средневековой семиотики?
4. Что нового привнесла в теорию знаков эпоха Ренессанса?
5. В какой формулировке предстал предмет семиотики в XIX в.?

Темы рефератов

1. Мемфисский Трактат как первое выражение семиотических идей.
2. Основные семиотические проблемы в «Кратиле» Платона.
3. Вклад Аристотеля в логику, лингвистику и семиотику.
4. Особенности схоластического этапа развития семиотики.
5. Эпоха Возрождения и переосмысление роли знаков.

²⁰ Гегель. Энциклопедия философских наук. Соч. Т. I. § 194. – С. 384.

²¹ Там же. § 145. – С. 320.

Глава 3. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СЕМИОТИКИ

Ч.С. Пирс занимался преподавательской деятельностью в Кембридже (штат Массачусетс) и Гарварде. При жизни его философские труды не были опубликованы, рукописи хранились в Гарвардском университете. Впервые собрание его сочинений было опубликовано лишь в 30-х годах XX в., а восьмитомное издание было завершено к концу 60-х годов. С тех пор он стал известен широкому кругу философов и логиков и высоко оценен как выдающийся ученый, внесший вклад в символическую логику, математику и теорию знаков²².

Его соотечественник Ч.У. Моррис, работавший в основном в сфере бихевиористски понимаемой прагматики, также много сделал для реализации теории знаков. Взгляды Пирса и Морриса не просто исторический материал, они входят в содержание науки семиотики.

В XX в. семиотика долгое время развивается в позитивистском ключе. Традиции отечественной семиотики восходят к работам И.А. Бодуэна де Куртене, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова и его формальной школы. В конце 20-х годов происходит переход от «формализма» к «структурализму»: на западе складывается логический синтаксис (Венский кружок), логическая семантика (Львовско-Варшавская школа), центр интересов перемещается с языка науки на естественный язык (Л. Витгенштейн), возникает «философия анализа», сегодня больше известная как аналитическая философия.

Крупнейшим исследователем знака и символа в отечественной науке был А.Ф. Лосев. Его «Философия имени», написанная в 1923 г. и вышедшая в свет в 1927 г., есть первое диалектическое исследование языкового знака, во многих отношениях непревзойденное. Идеи Лосева также входят в ткань семиотики и относятся не к ее истории, а к новейшему содержанию. По-своему характеризует язык и знак философская антропология (Э. Кассирер).

Другое направление критики «объективизма» и «рационализма» задала вышедшая в 1958 г. в Англии и переизданная в 1962 г. в США работа М. Полани «Личностное знание».

Когда к 70-м гг. XX в. модель научного познания как интерпретированного логического исчисления оказалась в достаточной степени дискредитированной, а на смену ей пришли постпозитивистские

²² Подробнее об этом см.: Степанов Ю.С. Комментарии к работе «Элементы логики» // Семиотика. С. 594–604.

трактовки «исторического подхода» в исследовании научного познания, главным направлением критики «стандартной модели» в лице целого ряда философов оказалось ниспровержение формализма «логических эмпириков», желавших свести теорию к эмпирически фиксируемым базисным высказываниям и тем достичь объективности науки. Речь идет о таких ученых как М. Полани, радикалы Т. Кун и особенно П. Фейерабенд и «реалисты» И. Лакатош, С. Тулмин, Д. Шэпир.

Абсолютизация непосредственных чувственных данных действительно характерна для логического эмпиризма, и часто в его рамках эти данные отождествляются с содержанием эмпирического факта и *языка описания*. Но в ряде случаев у историков науки эмпиризм пострадал вместе с теорией «чувственных данных» и был заменен «теоретизмом».

У отечественных философов существовало полное признание теоретической нагруженности эмпирических данных. Анализ работ М. Полани был проделан В.А. Лекторским, Т. Куна – О.А. Подлишевским, М. Хессе – А. Уйбо, К. Поппера – Н.Е. Никитиным и др. Так, у М. Полани в рамках принятых им попыток «вживания» в теорию, «личного обращения» в науку, воспитания доверия к ней (последняя идея подхвачена в «Философии познания» Л.А. Микешиной) имеются выводы о невозможности доказательства или отвержения научных убеждений, о несуществовании критериев истины и лжи, о схождении или совпадении веры и знания. В.А. Лекторский, анализируя творчество Полани, пишет, что проблематика прогресса знания в его концепции исчезает не случайно. «Ведь в рамках принятых автором посылок принципиально невозможно сформулировать какие бы то ни было критерии прогресса знания, так же как и критерии истины. Остается лишь уповать на то, что знание дает нам истину, позволяет постичь рациональный порядок мира»²³. Сам М. Полани пишет об этом в главе «Объективность» несколько иначе.

Извлекая уроки из коперниканской революции, М. Полани убеждает, что новая система действительно является более объективной, чем система Птолемея, но не потому, что из нее удалена человеческая перспектива, а потому, что она вызывает большее интеллектуальное восхищение и более «теоретична», т.е. удалена от непосредственных, «сырых» чувственных впечатлений. Критерий усиления объективности тогда надо рассматривать как «смещение природы интеллектуального удовлетворения».

²³ Предисловие В.А. Лекторского к русскому изданию: Полани М. Личностное знание. – М: 1985. – С. 13.

Человек может ошибиться, используя теорию, как бы «прочитывая» карту, но сама «карта» не может ошибаться, – она является истинной или ложной сама по себе, безличностно. Последствия истинной теории, лежащие в самом широком и неопределенном диапазоне, демонстрируются в течение многих веков. Провозглашая теорию рациональной, мы заявляем тем самым, что убеждены в ее пророческой силе. «В этом неопределенном диапазоне истинных следствий научной теории и заключена в самом глубоком смысле ее объективность» (с. 23). Полани подчеркивает: «Мы принимаем ее в надежде, что благодаря этому нам удастся войти в соприкосновение с реальностью, с природой, – путем постижения того, что есть в природе рационального» (с. 24). Поэтому объективность, как ее понимал Полани, – это не попытка самоустранения человека из всех исследований; напротив, это преодоление нашего печального несовершенства путем постижения рациональной идеи Вселенной.

Большая роль здесь отведена языку: «Пока мы чувствуем, что наш язык успешно классифицирует объекты, мы удовлетворены его правильностью и продолжаем принимать ту теорию универсума, которая имплицитно выражается нашим языком в качестве истинной» (с. 118).

Апология «теоретизма» представляется оправданной, ибо принимает форму повышения статуса мировоззренческих проблем, возврата к истории науки и связи времен. Становится возможной исключенная логическим синтаксисом и логической семантикой всякая преемственность лингвосомиотической традиции. Надо заметить, что эмпиризм не покушался на рациональность как таковую, объективность как таковую. Более того, думается, что «третий» и «четвертый» позитивизм роднит именно понимание объективности как *интерсубъективности*. Научный вывод, полученный любым путем, должен получить понимание и подтверждение заинтересованного сообщества ученых. Если вместо одобрения научный вывод сталкивается с негативной оценкой, это значит, что он (вывод) не попал в свое социальное пространство, которое, будучи в конце концов обретенным, подтвердит его правильность, объективность и рациональность.

Социальное пространство существует в социальном времени: теория может находить своих приверженцев в течение столетий и тысячелетий; в таком случае она наивозможнейше объективна, одновременно и рациональна.

В качестве методологического ключа для разъяснений можно использовать замечание И.С. Нарского: «...По мере развития науки... активность... познающего субъекта, абстрактность, а значит, *символический характер* формирования, фиксации и трансляции истины *возрастают*»²⁴.

²⁴ Нарский И.С. Диалектика относительности и абсолютности истины // Философские науки. – № 5. – 1978. – С. 29. Сами же разъяснения дает семиотика.

Итак, в позитивизме научное познание – интерсубъективный диалог, обмен семемами, теми самыми «твердыми ядрами» информации, которые либо принимаются, либо отталкиваются. Мах советовал без жалости отбрасывать их при столкновении с новыми фактами; Фейерабенд так же легко возвращает их «на поле» по желанию ученых; Лакатош оберегает всеми средствами от прямого сопоставления с новыми, противоречащими теории фактами. Много спасает принцип дополнительности, принцип неполноты теории, интервальный подход и др. Это вполне оправданные и результативные конвенции, делающие научный поиск эффективным, но не снимающим основные эпистемологические проблемы – понимания, объективности, критериев истины.

Таково категориальное поле, в котором развивалась семиотика XX в. Логика и методология науки рассматривают основные проблемы семиотики – знака, значения, роли символизации, конвенции и другие. Центральной сейчас является все же проблема смысла и значения, она получает разные решения в разных дисциплинах. На передний край выдвинулась, испытав ренессанс, проблема понимания. Герменевтические исследования – серьезная и самостоятельная модификация семиотической проблематики (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр, Ю. Хабермас и другие крупные философы современности, в том числе отечественные²⁵, работают в этой области).

История семиотики не окончена. Сегодня вопрос может быть поставлен следующим образом: является ли семиотика законченным проектом?

Ответ должен быть отрицательным.

В эпистемологическом ключе на это указывают наши философы. Даже предмет семиотики – знак – до сих пор не имел общепризнанного правильно построенного логического определения; не удастся также и логически непротиворечивое деление этого понятия, т.е. построение классификации (наиболее известной остается четырехчастная типология Ч.С. Пирса).

Первым российским автором первой отечественной книги, озаглавленной просто «Семиотика» (1971), был Ю.С. Степанов (*самым* первым трудом в этой области была книга ленинградского философа Л.О. Резникова «Гносеологические проблемы семиотики», 1964). В 80-е и ранние 2000-е гг. Степанов стал редактором

²⁵ См., например: Герменевтика: история и современность / под ред. Б.Н. Бессонова, И.С. Нарского. – М.: 1985; Л.А.Микешина. Философия познания. – М.: 2002 и мн. др.

фундаментальной антологии «Семиотика» (М.: «Радуга», 1983; М.: «Академический Проект»; Екатеринбург: «Деловая книга», 2001). В своей вводной статье к последнему изданию, озаглавленной «В мире семиотики», автор подчеркивает: «Ввиду того, что семиотика... находит свои объекты повсюду, предпринимались попытки как-то классифицировать все знаки. Но они не привели к успеху: каких-либо общих знаков для, скажем, языка, архитектуры, коммуникации животных и т.д. не обнаружено». Свой путь современная семиотика еще не прошла.

Известно, что в 30-е гг. XX в. в австрийском логическом позитивизме, экспортированном в 40-е гг. в США, существовало стремление к унификации наук на основе единой знаковой системы; это представлялось возможным в случае, если такой унифицированный язык будет подобен математически точному научному языку физики (собственно, этой программой задавался еще Лейбниц, а до него – Раймунд Луллий).

Сегодня, например, философ А.Ю. Нестеров справедливо утверждает: «Семиотикой как общей теорией знаков были предложены концепции универсального языка (в виде синтеза идей Г. Фреге, Венского кружка и польских логиков) и единой науки в духе энциклопедического проекта О. Нейрата... В качестве универсального философского проекта семиотика не получила признания...»²⁶ Это выдержки из доклада на первой состоявшейся в России (Санкт-Петербург, май 2012 г.) конференции с международным участием, посвященной аналитической философии.

Надо помнить, что семиотика возникла в России, в отличие от Европы (де Соссюр) или США (Пирс), не более чем 50–60 лет назад, и она долгое время развивалась у нас на мировоззренческой основе диалектического материализма – так же, как лингвистика и психология, как и прочие когнитивные науки. Понятно, что она глубоко игнорировала совпадающий с ней по времени существованию постмодернизм (исключением, как уже говорилось, являлась Тартуская школа). Аналитическая философия англо-саксонского «запада» игнорировала его так же глубоко, хотя и исходя из противоположных (позитивистских) посылок. Но философская семиотика уже добила много. Например, тот же А.Ю. Нестеров указывает, что семиотика «внесла некоторый вклад в постановку и разработку ряда общеполитических проблем, среди которых

²⁶ Нестеров А.Ю. Семиотика в контексте аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России / тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 173.

проблема семантики, проблема общей логической формы и проблема вымысла (или «нового» как такового)²⁷. Этот триплет вполне можно рассматривать как полезные результаты или стадии развития общей семиотики.

Существуют и другие, более устоявшиеся, «триплеты» семиотики. Хорошо известны три основные ветви этой науки, а именно: лингвосемиотика, семиотика культурных форм и семиотика техническая (компьютеры и пр.) Еще одно тройственное деление: это структурные части семиотики, о которых говорил еще основоположник структурной лингвистики Ф. де Соссюр: синтактика, семантика и прагматика. Эти деления – не только структурные, но исторические, отражающие «складывание» нашей дисциплины. Ю.С. Степанов утверждал, что сначала все лингвосемиотические исследования «вращались» главным образом вокруг *синтактики* (синтаксиса, композиции, «морфологии текста»), затем они перешли в область *семантики* (отношения элементов к внешнему миру, означивания мира, его категоризации, статичной «картины мира») и, наконец, переключились в сферу *прагматики*.

Предложен такой проект: осуществлять поиск в формате логического позитивизма. Поскольку все, что есть общего у всех знаков, – это системность, или *принципы организации знаков*, постольку важнее всего для семиотики изучать их комбинаторику. Лингвосемиотика есть центральная ветвь теории символов и знаков, и ее законы – матрица для всех прочих семиотических систем.

Ю.С. Степанов обоснованно утверждал: «В сущности, синтактика «в чистом виде», как формальный синтаксис, семиотику никогда не интересовала (это область математики). Семиотика занималась синтактикой в той или иной связи с семантикой. Первые работы в этой области были овеяны духом логического позитивизма»²⁸. Однако проблемное поле семиотической синтактики довольно быстро «расслоилось на две проблемы»:

1) описание формальных преобразований одного предложения в другое – трансформационный, или генеративный, синтаксис,

2) соотнесение исходных, первичных термов и предикатов с внеязыковой действительностью – это уже проблема семиотической семантики»²⁹.

²⁷ Нестеров А.Ю. Цит. Соч., с. 173.

²⁸ Степанов Ю.С. Цит. соч., с. 8-9.

²⁹ Там же, с. 9.

Позже семиотический анализ переходит к прагматике. Это не только изучение говорящего и пишущего субъекта, отношений между говорящим и слушающим, отправителем и адресатом, словесного воздействия, убеждения и т.п., – то есть не одна лишь *лингвосемиотика*. К прагматике относится весь мир знаков в их взаимосвязи с миром человека. Проблемное поле семиотики вторично расширяется до универсума, ее предмет становится экстра-объемным «предметом вообще», а потому неопределенным.

Стараясь справиться с этим затруднением, отечественные семиологи предпринимали терминологический категориальный анализ, останавливаясь на понятии денотации в отношении вещей реальной действительности и сигнификации в отношении образов идеального мира. Другим выходом было применение термина «обозначение» по отношению к семиотическим объектам и «выражение» по отношению к гносеологическим образам. Это помогало, однако не решило основную проблему семиотики: проблему знака и значения.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы современные достижения в области семиотики со стороны западных ученых?
2. Каковы современные достижения в области семиотики со стороны российских ученых?
3. Как соотносятся семиотика и позитивистская философия науки?
4. Какие стадии развития прошла семиотика?

Темы рефератов

1. Творчество Ч.С. Пирса и его вклад в семиотику.
2. Творчество А.Ф. Лосева и его вклад в семантику.
3. Тартуская школа – форпост семиотики в России.

Глава 4. ЗНАК КАК ОБЪЕКТ СЕМИОТИКИ

Известный семиолог Чарльз Уильям Моррис своему главному философскому труду «Основания теории знаков» предпослал в качестве эпитафии слова Готфрида Лейбница: «*Nemo autem vereri debet ne characterum contemplatio nos a rebus abducat, imo contra ad intima rerum ducet*». (Никто не должен бояться, что размышление о знаках нас уведет от вещей, наоборот, [оно] приводит к сути вещей). Этот эпитафия имеет универсальное значение для любой науки.

Предметом изучения семиотики являются все знаки и знаковые системы, существующие в культуре. Семиотика использует в своем анализе данные разных наук, иначе провозглашенное многообразие семиотических средств и ситуаций лишь постулируется, а база данных для философских выводов в таком случае будет узкой.

Подлежит обсуждению прежде всего сама знаковая ситуация, затем, подробнее, ее основные элементы, в первую очередь, – знак. В трех основных частях семиотики, в которых заметны следы средневекового «тривиума» гуманитарных наук – грамматики, логики и риторики, – знак понимается по-разному. В синтактике это наименьшая формальная часть кода, в семантике – носитель значения, в прагматике – текст, или дискурс, включающий в себя не только лингвистические, но и экстралингвистические компоненты.

§ 1. Общая характеристика семиотической ситуации

Семиотика, как и логика (и в какой-то степени лингвистика и математика), имеет двойственный характер. С одной стороны, это инструмент, органон для любой науки, ибо любая наука использует знаки. Каждая наука – «в словах и о словах». Но инструментальный характер семиотики не мешает ей быть научной теорией, раскрывающей причины явлений, законы развития своего предмета, выстраивающей систему собственных принципов и категорий. Семиотике присуща своя аксиоматика, свои деления и определения, с которыми необходимо быть знакомым, чтобы понять, каким образом семиотические проблемы приводят к философским.

Процесс порождения и использования знаков называется семиозисом. В акте семиозиса реализуется классическая знаковая ситуация, композиционные элементы которой, вступая во взаимодействие, позволяют осуществиться особой опосредованной связи субъекта и объекта познания,

где медиумом выступает знак³⁰. «Семиотика, следовательно, изучает не какой-то особый род объектов, а обычные объекты в той (и только в той) мере, в какой они участвуют в семиозисе»³¹. Найти, раскрыть и объяснить необычное в обычном, неизвестное в известном – основная философская задача.

Композиционных элементов знаковой ситуации в классическом варианте всего три: обозначаемый предмет (любой фрагмент действительности), его умственный образ любого порядка, носителем которого является субъект, и медиатор-знак, также любого вида и происхождения. Субъект может рассматриваться эксплицитно, как адресат, респондент, интерпретатор, генератор, демиург, коммуникант и пр., и имплицитно, как обладатель умственного образа, более чем обычно понимаемого как значение знака. Существуют разные варианты уточнения структуры знаковой ситуации, однако сейчас остановимся на ее инварианте.

Объект как предмет познания любого рода (вещь, свойство, отношение, процесс, событие, элемент сознания, сущность, явление, внешнее, внутреннее и т.д.) – необходимый, но недостаточный компонент знаковой ситуации. Это же самое можно сказать и о субъекте (или субъектах), в сознании которого (которых) неким способом совмещается и связывается образ познаваемого объекта и образ «подходящего» посредника знака. Однако субъект может присутствовать и участвовать в акте семиозиса не раз, а дважды или трижды, в разных ролевых включениях: обязательно как обладатель умственного образа объекта, информации о нем (познавательная ситуация), *плюс* как получатель, адресат, интерпретатор переданной кем-то информации (коммуникативная ситуация), *плюс* как создатель, генератор знака или систем знаков и как их передатчик.

Связь объекта и субъекта в акте *познания* – первоочередная и первородная. По ней можно судить о первичности идеального образа объекта по сравнению с его последующим, дальнейшим знаковым закреплением. Интерсубъективная же связь (связь субъекта и субъекта) с «изъятием», снятием, «вынесением за скобки» объекта и его последующей репрезентацией в акте *коммуникации* – вторичная. Нельзя, конечно, разрывать их.

³⁰ Фреге, Пирс, Моррис, Огден, Ричардс, Ветров, Степанов, Резников и многие другие.

³¹ Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. – М.: 1983. – С. 40.

В коммуникации предмет, о котором информируют, непосредственно не присутствует, его именование произошло раньше, о значении условились, и объективно новое в процессе коммуникации, в отличие от исследовательской ситуации, не возникает. Это позволяет абстрагироваться от первоначальной зависимости, идущей от объективно-реального (предмета) к идеальному (смыслу), и сконцентрироваться на связи смысла и материального, чувственно воспринимаемого «тела» знака. Тогда точкой отсчета становится знак как таковой, как форма выражения и транспортировки смысла. Ему приписывается значение; связь эта объясняется всеми возможными способами, включая и явные мистификации, связанные с первобытной или средневековой фетишизацией символики (имени, амулета, герба, изображения мифического предка и т.д.), или же античными (и новейшими) воззрениями на, допустим, математические величины как обладающие собственным бытием, срединным между вещами и идеями. Способность «иметь значение» начинает рассматриваться как дефинитивное, субстанциональное свойство знаков, а коммуникативная функция – как первичная функция знаков вообще.

Для языка как центральной (но исторически не первой) системы знаков эта функция действительно главная, но не в силу генетических причин, а логически, по своему центральному положению. Ведь наиболее сложное является для исследования наиболее простым, ибо оно есть лучшим образом выраженное, развернутое и совершенное. В нем генетически вторичное оборачивается доступным для изучения и исходным. Поэтому язык рассматривают прежде всего как систему связи, а затем уже как форму жизни.

Математически познавательную ситуацию можно рассматривать как циклоиду, а коммуникативную – как ее эволюту. Эволюта $[L_1]$ циклоиды $[L]$ есть циклоида, конгруэнтная с исходной, но смещенная на половину основания и опущенная под него на расстояние, равное высоте. Это значит, что познавательный нуль (когда объективно новое отсутствует) совмещен с коммуникативным наивысшим значением на оси координат. Субъекты максимально включены в обмен имеющейся информацией; объективно нового нет, но присутствует субъективно новое. (Исключение составляет познавательный диалог). И наоборот, высшее напряжение ума – нуль коммуникации.

Наивысшее напряжение познавательной ситуации А.Ф. Лосев назвал «умным экстазом» – обретением объективно нового при коммуникативном нуле. Такой умственный экстаз – обретение чего-то поистине

и действительно нового в зените напряжения мысли – немотствует, до времени молчит...

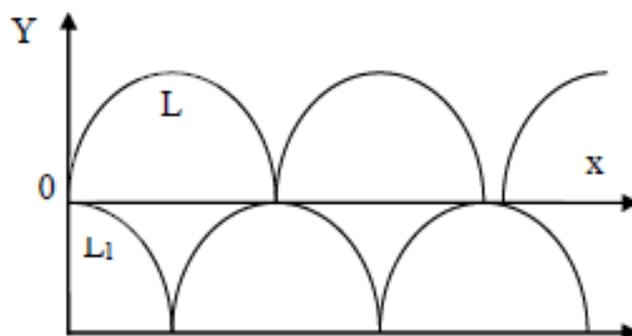

Рис.1. Схема соотношения коммуникативной и когнитивной ситуации.

Эта схема не учитывает, правда, еще одной сферы существования знаков – сигнальной и еще одной функции языка – модальной, самой «старшей».

Рассмотрим исключительный случай – познавательный диалог.

Этот метод интеллектуального исследования существенно отличается от естественно-разговорного диалога: он есть средство выстраивания и реконструкции научной картины мира. Некоторые элементы этой картины являются невербализированными: это формы, содержащие континуум операций донаучного или ненаучного характера. Однако сама научная картина мира в плане содержания является вербализированной.

Диалог как метод интеллектуального исследования существенно отличается от естественно-разговорного: 1) по цели (ясная, *осознанная* цель); 2) по результату (блок научного знания в виде *проблемы*, идеи, гипотезы, теории, закона и т.д.); 3) по характеру (*предвидение*, предвосхищение результата в отличие от спонтанной беседы: так аргументация отличается от силлогистики); 4) по структуре (реализуется принцип дополнителности вместо или наряду с «цепями Маркова», описывающими обычный диалог: это реагирование *лишь на каждую предыдущую ремарку*); 5) по форме (познавательный диалог ученых – это ближайшим образом *монолог*, рассеченный горизонтально и допускающий встраивание между своими «этажами» слоев так же структурированного чужого монолога); 6) по содержанию (фрагмент научной картины мира).

В познавательном диалоге обуславливаются о системе объяснительных принципов, о приемах выявления и включения новых объектов в научной картины мира, об оценках нового материала и о нормах соотношения его

с мировоззрением. Познание объективно нового требует не только распространения на него конвенций (правил), но и изобретения самих правил. Мы имеем парадоксальную ситуацию, в которой выражение должно быть установлено в соответствии с содержательной моделью, которая еще не существует. Это и есть контекст открытия: классическая познавательная ситуация, когда символизация включена также классически: один объект – один субъект – один код. Она лежит в основе познавательного диалога или научного «многоголосного» обсуждения; основная сложность состоит в том, как унифицировать код.

Язык играет роль точки (или области) соприкосновения таких феноменов, как идея и ее знаковая манифестация, и в минимальном, предельном случае познавательной ситуации человек пользуется им один, и к тому же оперирует временными, ему одному понятными знаками, которые нужны лишь на короткий период. Об этом писал, например, Н. Винер: «Если существует какое-то одно качество, которое отличает действительно талантливого математика,... то оно состоит в умении оперировать временными, только ему понятными символами, позволяющими выражать возникшие идеи на некоем условном языке, который нужен лишь на определенный отрезок времени»³².

В познавательном же диалоге эта инвенция кодирующей системы для вновь обретаемого мыслительного материала будет совместной. Язык, таким образом, позволяет выходить из сферы собственного, узко личного бытия. Он играет также роль точки (или области) соприкосновения таких феноменов, как фрагмент действительности и элемент научной картины мира, предоставляя возможность *познавательного диалога*. Если бы нужен был график – это была бы тангенсоида или последовательность тангенсоид.

Интуитивно чувствуется, что знак – не обычный объект, он привлекает внимание не только и не столько к себе, сколько к чему-то другому; знак как-то рядоположен значению или «заклучает его в себе»; «быть знаком» может любое образование, и обозначить тоже можно все, что угодно. Отсюда – семиотический подход увенчивается провозглашением *всей культуры*, а то и *всей природы* как значимой и значащей, «говорящей» нечто, информирующей о чем-то.

Для выхода из этого философского затруднения важно понимать, что исходная семиотическая категория – знак – это именно *абстракция*, продукт мышления, это *определенная квалификация* объекта в рамках

³² Винер, Норбет. Я – математик. – М.: 1967. – С. 81.

определенного подхода к познанию. То же самое надо сказать и о категории значения: «значение» не дано нам в ощущениях, это абстракция, некоторая квалификация *идеального*: ни знак, ни значение, ни их референт (как *их* референт) не могут функционировать вне сферы человеческого бытия и сознания.

Интуитивно понимаемый, знак (и сигнал, и индекс, и символ) «выручает» психологов и педагогов, кибернетиков и этологов, литературоведов и этнографов. Они дают свои характеристики и описания, даже определения. Эти дефиниции могут быть и часто бывают правильными, но частичными. Однако семиотике необходимо адекватное *логическое*, то есть самое общее и самое существенное, определение, своеобразный логико-гносеологический паспорт основному семиотическому феномену, каким является знак.

§ 2. Основные подходы к определению знака

Правилом является, что многочисленные дефиниции знака содержат логические ошибки «слишком узкого» или «слишком широкого» определения, а приводимые признаки пересекаются или перекрывают друг друга; это справедливо и в отношении собственно семиотических и философских определений.

Примеры. В *Collected Papers* Ч.С. Пирса содержится знаменитое определение знака: “Something which stands for somebody or something in some respect or capacity”.

Структурно непревзойденное, оно нуждается в объяснении: что же стоит за всеми неопределенными местоимениями? (Забегая вперед, скажем, что у Пирса имеется незаменимый термин для уточнения большинства признаков знака – *prescission*, пресциссия, отсечение)³³. Под подобное определение подпадает вся действительность, ибо *что же*, в самом деле, не «стоит» для кого-то или чего-то в некотором отношении или способности? Тогда и предмет семиотики неоправданно расширяется до «науки вообще». Такой проект предусматривает охват всей человеческой культуры и рассмотрение неисчислимого ряда объектов и явлений в качестве знаков.

Еще пример. В удачном рабочем определении, данном Б.В. Бирюковым, знаком называется «материальный предмет (явление, событие), выступающий

³³ Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики» // Семиотика. – М.: 1983. – С. 188.

в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний)»³⁴. Здесь перечислены, как в характеристике, собственные (материальность, коммуникативность) и акцидентальные признаки знака, но не назван дефинитивный признак; *какой именно* это представитель? Ведь и идеальный образ представляет нечто, и не только как вторичное отражение в сознании уже существовавшего знака, но и как таковой. Да само гносеологическое представление (*Vorstellung*) есть именно вид презентации!

Еще более дробными и нелогичными являются определения, даваемые иностранными словарями³⁵: знак есть движение или жест, выражающие мысль, приказ или желание; сигнал; единица языка, имеющая чисто синтаксическую функцию.

Знак есть метка, имеющая конвенциональное значение и используемая вместо слов или сложных понятий.

Знак есть диакритика (нота или математический символ).

Знак есть таблица или доска объявлений.

Знак есть знамение.

Знак есть предсказание или симптом и т.п.

В этом словаре понятие «сигнал» объясняется как знак; индикатор; побуждение; приказ; звук или образ, несущий изображение в теле- и радиопередаче.

Понятие «символ» эксплицируется как воплощение веры; как нечто, имеющее способность «замещать» или «представлять» (а это *разные* вещи!) другое нечто на основании сродства, ассоциативной связи, конвенции или случайного сходства; как нечто, могущее вызвать или обусловить реакцию. Последнее ведет к смешению символа с сигналом.

Среди английских толковых словарей выделяется также словарь Чеймберса. В нем знак определен как «жест, выражающий значение; сигнал; метка; символ; эмблема; знамение... индикатор; вывеска» и т.д.³⁶. Налицо бессистемность отбора признаков и подмена определения разнородными синонимическими рядами со спутанной родовидовой зависимостью. Фактически это неправильно проведенное деление, а не определение, – хотя и достаточно информативное.

³⁴ Философский энциклопедический словарь. – М.: 1983. – С. 191.

³⁵ C.f. Webster's New Collegiate Dictionary, Springfield, Mass., USA.

³⁶ Chambers's 20th Century Dictionary. – London: 1965.

Правильное общее определение знака должно назвать род, к которому принадлежит дефиниендум, – и притом это должен быть ближайший род; назвать вид самого дефиниендума; включить собственные признаки, т.е. те, которые по объему совпадают с видом, но отличаются тем, что говорят не о его субстанции, а о его свойствах, и являются неотъемлемыми, т.е. отделение такого признака влечет за собой разрушение вида; из них в определение нужно включить только «наиболее собственные», дефинитивные; кроме того, в определение входят случайные, акцидентальные признаки. Дефинитивный признак – решающий; его, как считал Аристотель, не может быть «больше или меньше», он только есть (или его нет; тогда нет дефиниендума).

Предварительно познакомившись с имеющимися типами определений и проанализировав их, мы можем дать адекватное общее определение знака. Определение это будет материалистическим, субстанциональным, логико-гносеологическим.

Определение знака

Род: представитель, презентант.

Вид: *Репрезентант* (знак).

Собственные признаки: знак материален; это фиксатор, «оцепенитель», экстериоризатор.

Дефинитивный признак: знак репрезентирует только через идеальный образ, т.е. в разной степени осмыслен.

Акцидентальные признаки: 1) знак – терминатор («отсекает» все свойства объекта, вплоть до того, что передается лишь сущность); 2) знак – генерализатор (отсекает все свойства объекта, вплоть до того, что передается лишь общее); 3) знак – симплификатор (отсекает часть, передает часть: структуры, организации; отдельное свойство или отношение; может передавать форму или содержание, любую его часть).

Не существует «прирожденных», «урожденных» знаков. Правда, в природе мы находим то, что называем признаками – в логике они позволяют сравнивать предметы, отыскивая подобие и различие; частью природы (живого организма) являются и такие виды знака, как симптомы. Но признак, как и симптом, – не знак без интерпретатора, «сам по себе» он ничего не репрезентирует. В произвольно созданном, искусственном знаке смысл присутствует «агрегатно», как сцепление, признаваемое конвенцией; в языке (и симптомах) – органически.

Чем «ближе» к сигналу, тем биологически релевантнее знак, тем он органичнее; чем «ближе» к символу, тем «искусственнее», биологически инертнее.

Символ, важная разновидность знаков, более всего искусственен и субъективен. Это значит, что в символической знаковой ситуации он участвует во всех возможных ролях.

Определение символа

Род: репрезентант.

Вид: символ.

Собственные признаки: символ конвенционален; имеет искусственное происхождение; сходство с репрезентатом; самостоятельную ценность формы.

Дефинитивный признак: синкретичность содержания (целокупность, предельная полнота, наиболее широкий интервал содержания вплоть до притчи и мифа).

Акцидентальные признаки: символ манифестирует идею, событие, состояние или действие; он свертывает, сгущает, уплотняет знание; в абстрактных знаковых системах *идеален* («символический» гносеологический образ, абстрактный объект).

Символ часто имеет нуминозное значение, легко фетишизируется в силу утраты первоначального условного смысла. Общая закономерная трансформация содержания символа – понижение и утрата таинственного, обычно религиозного значения, переход из домена «алтарь» в домен «жизнь», а затем превращение символа в бытовую вещь.

В сферах религиозного, художественно-эстетического и этического сознания символ самое древнее средство освоения действительности; он всегда включен в систему человеческих отношений на условиях договора (хотя бы с самим собой, в случае талисмана).

Еще более древний знак – сигнал. Как и выражаемые им основные эмоции, сигнал генетически «старше» человека. Он транспортирует порядок, организацию вещи, повторяющиеся связи, необходимое (биологически-релевантное необходимое). В сигнальной ситуации субъект участвует лишь как коммуникант. Сигнал существен, он не фиксирует случайного, мимолетного, неважного для жизни. Коррелят смысла сигналов – биологически релевантные состояния психики.

Умственные образы потому сопоставляют со знаками, что вводит в искушение их способность презентации, представления. Но знак – не просто презентант, он – *репрезентант*. Биологические же, нейрофизиологи-ческие и иные «коды» часто также именуют знаками *sui generis*; здесь к этому подводит их упорядоченность и способность матричного моделирования. Считать их знаковыми информационными системами – это метафора, который носит название «перенос по функции», допустимый в качестве научного сленга.

Характер знаковой структуры и качество семиотической ситуации существенно меняются в зависимости от уровня познания, на котором происходит обозначение. Примером могут служить символы математики и логики (в том числе и «мнимая единица»). В них наблюдается совпадение денотата и десигната, т.е. объекта обозначения и его смысла.

Вопросы для самоконтроля

1. Какова структура семиотической ситуации?
2. Каково соотношение между познанием и коммуниацией?
3. Как соотносятся символ и знак?

Темы рефератов

1. Основные подходы к определению знака.
2. Диалог как метод интеллектуального исследования.
3. Отражение и презентация: сходство и различие.

Глава 5. СЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗНАКА

Необходимое повышение организации, общества, развитие культуры и развертывание научно-технического прогресса связаны с функционированием различных видов семиотических образований. Символическая коммуникация занимает одно из важнейших мест, поскольку участвует во всех сферах общественной жизни, обособлении общества от природы, дифференциации его систем и функций, «социальной памяти», гомеостаза, совершенствования и саморазвития.

Необходимо теперь выяснить, какие свойства позволяют некоторому объекту стать знаком и какие раскрываются в итоге такого включения. Нужно указать также на свойства, нейтральные для самого процесса символизации, но актуальные как основа, на которой он только и может разворачиваться. Например: является ли материальность знака его отличительным свойством? Являются ли таковыми системность и повторяемость знака? Или это медиативность, способность быть посредником? Любой ли посредник – знак? Любая ли система «знакова»?

§ 1. Основные свойства знака

Частично мы уже решали указанные вопросы. Знаками могут служить разные по природе объекты – и материальные, и идеальные. Знак в строгом, узком смысле материален, ибо так только и возможны экстерииоризация созерцания, коммуникация, манипулирование и т.д. Однако нет никакого запрета на мысленное оперирование знаками, их отражениями. Поэтому материальность – не то свойство, которое отличает знаки. С одной стороны, оно является у него общим с вещами и явлениями, а с другой – идеальные компоненты сознания тоже могут служить знаками.

По поводу системности знака нужно сказать почти то же самое: это не преимущественное, хотя широко встречающееся свойство. Дело в том, что упорядоченность, организация – свойство самого мира, оно характеризует как взаимоотношения целого и части, иерархию вещей, свойств и отношений, так и структурность самих объектов³⁷, материальных и идеальных, ибо последние отражают реальный порядок явлений и процессов.

³⁷ В этом отношении можно сослаться на теорию диссипативных структур И. Пригожина. Порядок естественным образом рождается из хаоса Вселенной в результате бифуркации, материя способна к самоорганизации. См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: 1986; Бойко В.С. Предпосылки и начало самоорганизации // Философские науки. – № 10. – 1988.

Не организация сама по себе делает нечто знаком, так же как не делает объект знаком повторяемость или редупликация. Повторяемость вообще характеризует закономерную связь в природе и обществе; знаки лишь включаются в нее. Дублирование же как повторяемость вообще не является обозначением: два новеньких «Фиат-124» не являются знаками друг друга (У. Эко).

Знак не дублирует и не замещает объект в точном смысле этого слова; иначе не осталось бы в живых ни одного актера, талантливо сыгравшего Яго.

Наконец, медиативность – тоже не прерогатива знака: орудие, например, – посредник, но не знак (хотя при желании его можно рассматривать как «знак» какой-нибудь культуры; скажем, определять Именьковскую культуру по типу наконечников стрел и т.д.).

Часто, стремясь к полноте картины, семиологи перечисляют в списке функций все, на что «способен» знак. Это неправильно. Пример: утверждается, что знак обладает познавательной, регулятивной, поэтической, эмотивной, металингвистической, презентивной, фатической и конативной функциями³⁸. (А функция есть проявление свойства).

Укажем на ошибки в этом примере.

Двоичный код не обладает коннотацией; не обладает он и поэтической функцией; зато обладает денотацией: о ней в указанном определении не упоминается. «Презентивная» функция принадлежит не только знакам, но и, например, представлениям – *Vorstellungen*, и т.д. Именно свойство презентации, присущее сознанию вообще, делает возможной последующую *re*-презентацию фрагмента действительности знаком. Знак, как уже говорилось, – объект из рода представителей. Его видовой признак – двойная презентация, представление представления, проходящее через стадию идеальной «небулы», т.е. туманности (лат.).

Если гносеологический образ и вторичен по отношению к своему оригиналу, он, тем не менее, первичен по отношению к своей знаковой закреплённости. Он становится архетипом своих знаковых реплик и первой ступенью акта семиозиса. Без существования этой представленности вещи в мысли невозможен и поиск знакового эталона для ее фиксации и транспортировки. Правда, в знаково-символических системах высших порядков наблюдается такая степень опосредованности, что они приобретают относительную самостоятельность; человек начинает

³⁸ Уварова О.С. Некоторые функции средств общения // Знак и общение. – Фрунзе: 1974. – С. 46.

оперировать ими, отвлекаясь от денотатов и руководствуясь лишь десигнатами (смыслами), которые тогда совпадают с правилами оперирования. В математической логике и в теории контекстно свободных языков символам никакого специального смысла вообще не приписывается. Однако и математический символ при всем своеобразии остается репрезентантом и принципиально может быть интерпретирован.

Термин «репрезентация» у нас привычно смешивается, отождествляется с термином «представление». Для многих познавательных ситуаций это допустимо, да и просто широко используется. Например, этимологический словарь Вебстера дает такую экспликацию: to represent – 1.2) служить в качестве знака или символа чего-то; 1.6) занимать или действовать на чьем-то месте по легальному праву; 1.10) формировать имидж или представление в уме; и самое важное для нас – 1.11) воспринимать (объект) средствами идеи³⁹. Здесь, как видим, связаны воедино десигнация (главное значение) и чувственное восприятие. Смешение, отождествление образа и знака, представления и репрезентации, безобидное во множестве случаев, не должно иметь места в строгом гносео-семиологическом анализе.

Разъяснение можно начать с того, чем опасно такое отождествление. Репрезентация признается основным отличительным свойством знака *и приравнивается к представлению*. А что такое представление в философско-психологической номенклатуре? Это чувственный образ высшей ступени. Он может возникать в сознании в отсутствие объекта, «замещая» его, вызывая сенсорную реакцию по памяти. Сущность его – не десигнация, а рефлексия, отражение. *Это не знак, а образ*.

Точная латинская калька – не *representation* (re – !), но *presentation*, презентация. [Re-] – значит повтор, двойная презентация; это адекватный термин для характеристики десигнации.

Так и следует эксплицировать то, что в теории познания и психологии именуется *представлением*. На английский язык, например, это слово переводится не как *re-presentation*, а как *presentation, performance*, и главное – как *notion*⁴⁰: от *note* – метка. По-немецки эта форма сознания называется *Vorstellung*. Буквально, пред-ставление.

Итак, презентация, т.е. образ – первичное отражение объекта и его замещение; репрезентация – знак (символ, сигнал и т.д.) – вторичное фиксирование объекта, обозначение (десигнация).

³⁹ Webster's Seventh New Collegiate Dictionary, – С. 728.

⁴⁰ Или *idea*.

Другое отличительное свойство знаков, хотя и не всех, – условность.

Нетрудно убедиться, читая «Кратил», в приоритете Платона перед признанным авторитетом в области исследования свойства условности языкового знака Ф. де Соссюром.

Часто на де Соссюра ссылаются, когда хотят доказать произвольность знака. Он действительно признавал её, в плане синхронии; но в «Курсе общей лингвистики» минимум в трех местах упомянуто, что лингвистические знаки являются и немотивированными, и одновременно мотивированными: в языке детерминация осознается или переживается как зависимость гнезда родственных слов от корневого слова. Если обычный путь развития символа – от относительно более мотивированного к относительно менее мотивированному, то языковые знаки, развиваясь от простых к сложным, составным и производным, демонстрируют, наряду с повышением условности, и переход от немотивированности к обусловленности, мотивированности. Де Соссюр писал, что «существует непрерывный переход от произвольного к мотивированному и от мотивированного к произвольному» в языковом знаке⁴¹. Отечественные лингвисты считают, что знак немотивирован лишь в низших формах (звуках, морфемах), а в высших проявлениях он стремится к мотивированности.

1) В генетическом плане: когда первые «пра-люди» смогли произнести первые «пра-слова», эти знаки были обусловлены строением неразвитой гортани, способной комбинировать лишь немногие звуки. Кроме того, определенные знаки порождались лишь определенным, достигнутым на тот период уровнем развития общества.

2) В диахроническом плане: знаки языка обусловлены лингвистической непрерывностью своего употребления. Языку как бы говорят: «Выбирай!», но прибавляют: «Ты выберешь вот этот знак, а не другой!» (Ф. де Соссюр).

3) В синхроническом плане: все производные слова – сложные, составные, аналитические – полностью мотивированы, а таких слов в любом языке громадное большинство.

Итак, знак обусловлен, детерминирован заданными правилами. Но не являются ли эти правила сами конвенциональными? Существует мнение, что нет. Если кто-то приходит к мысли, что взаимоисключающие знаки не взаимоисключают друг друга, то это просто значит, что он сменил использовавшийся код. Сами же правила первого кода остались без изменения и просто перестали применяться.

⁴¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: 1933. – С. 129.

Итак: 1) знаки в разной степени мотивированы, выключая крайние случаи – полностью детерминированные (междометия, звукоподражательные слова, схемы, признаки, индексы, «иконические знаки») и полностью произвольные (искусственные слова типа «газ» или «кодак», личные шифры, талисманы и мн. др.); 2) сама условность не сводится ни к сознательной конвенции, ни к детерминированности определенными обстоятельствами, диалектически сочетая то и другое. Генетический подход позволяет выявить детерминацию, но это не отменяет существования вполне произвольных знаков. Они появляются в результате либо свободного решения человека, либо забвения старого смысла символа или знака и трансформации его содержания, приводящей в синхроническом срезе к видимой утрате связи между обозначаемым и обозначающим.

§ 2. Основные разновидности знака

Остановимся на нескольких главных разновидностях знака – признаке, символе и лингвистическом знаке. Строить же адекватные ветвящиеся классификации, исследовав специально черты каждой из разновидностей знака для специальных наук, – дело самих этих наук.

Центральным понятием семиотики является не признак, а знак. Признак – то, что *начинает* функционировать как знак, хотя первоначально это «нечто» не было создано для коммуникативных целей и вообще, может быть, никем не было *создано*. Это не «все на свете вещи», а лишь те, которые вовлекаются в практическую деятельность и познание. И так же как анатомия человека – «ключ к анатомии обезьяны», «анатомия» знака – ключ к пониманию признака.

Медицинский термин для признака – симптом. Известный современный семиолог У. Эко справедливо утверждает: «Первый доктор, который обнаружил род постоянного отношения между областью красных точек на лице пациента и данной болезнью... подметил связь, но как только это отношение было сделано конвенциональным и зарегистрировано как таковое в медицинских трактатах, была установлена семиотическая конвенция. Имеется знак каждый раз, когда группа людей решит использовать и признавать что-то как передатчик (букв. транспортное средство, the vehicle) чего-то другого»⁴².

Симптом призван отразить тревожную оценку, когда речь идет о предвестниках или манифестации надвигающейся болезни или гибели:

⁴² Eco, U. Theory of Semiotics. Эко У. Теория семиотики. – С. 17.

никто не говорит, например, о симптомах радости или счастья. Поэтому из классификаций знаков симптомы можно исключить, подведя их под признаки, кроме тех типологий, которые даются в специальных целях. Признак же – это *вид* знака, это знак, имеющий естественное происхождение, прежде всего в смысле неотъемлемости от своего референта: это деталь события, часть целого, событие в контексте еще более широкого события, свойство или отношение, позволяющее сравнивать, т.е. различать и отождествлять объекты. Признак – часть носителя-референта, который тогда только и становится референтом, когда появляется интерпретатор объекта, познающий субъект. Этот субъект, вообще говоря, тоже референт: он становится таковым в момент интерпретации, т.е. «запуска» акта семиозиса.

Признак может выступать в роли сигнала. Референция есть отношение между субъектом и объектом интерпретации. Признак же – это «транспортное средство», «переместитель», «передатчик», сигнализирующий о событии. Если признак – часть искусственно созданного объекта, то он, разумеется, имеет искусственное происхождение. Так он и понимается в логике. Во всех же других науках и познавательных ситуациях ненаучного свойства признак – это то, что расшифровывается как часть и показатель интересующего нас события. «Событие, – пишет У. Эко, – может быть знаком – транспортатором своего эффекта или своей причины в том случае, если причина или эффект актуально не обнаруживаемы. Дым только тогда знак огня, пока огонь актуально не воспринимается вместе с дымом: но дым может быть знаком-транспортатором, замещающим невидимый огонь...» (Там же).

Например, перед землетрясением в подземных водах, территориально связанных с эпицентральной зоной, возрастает концентрация благородных газов (радон, гелий, аргон), соединений фтора, урана. Важными признаками являются также модуляция высокочастотных шумов, изменение электрической напряженности, энергии акустических сигналов в диапазоне частот от единиц до сотен килогерц, увеличение электропроводности пород горных массивов. Однако все эти признаки как части самого события лишь *становятся* знаками, когда человек научается связывать их с самим землетрясением. Они не *созданы*, чтобы «говорить» о событии.

Итак, признак – это *знак*, его разновидность, знак *pars pro toto* (часть вместо целого). И как ничто не является знаком само по себе, ничто само по себе не является признаком: необходимо присутствие познающего субъекта, замечающего закономерную связь события, его причины и эффекта.

Еще одна важнейшая разновидность знака – символ.

Уже в прошлом веке термин «символ» стал вполне научным, а не просто обыденным понятием или прерогативой религиозного и художественно-экспрессивного отражения действительности. Предшествующие эпохи (в особенности средневековье) отличались высоким уровнем символизма, сопровождавшегося мистицизмом – своего рода недоверием к знакам, символам, знамениям, иносказаниям и толкованиям, которое, усилившись, привело в эпоху Просвещения к своеобразному восстанию против зашифрованного содержания символики. Это ощущалось, например, в языковом строительстве: поиск простого, без украшений, ясного языка был ориентирован на достижение однозначной связи слова и понятия.

В России на рубеже XIX–XX веков (в Европе несколько раньше) символизм был восстановлен как культурное течение, и символ вновь стал пониматься как нечто мистическое, сродни религиозному озарению. В отечественной науке уже ставший было широко используемым термин был дискредитирован, кроме того, резкой критикой т.наз. «теории символов» Г. Гельмгольца В.И. Лениным. Символ стал для многих исследователей «запретной зоной». Его упоминали обычно в связи с задачами типологии знаков либо в рамках исключаящего суждения, что (гносеологический) образ *не* является символом (знаком, иероглифом и т.д.).

Знак и символ иногда рядопологаются; в действительности между ними есть другая, родо-видовая зависимость (знак – род, символ – вид). Родовое сходство знака и символа проявляется в природе, структуре, основных свойствах, функциях. В нестрогой речи термины «знак» и «символ» иногда употребляются как синонимы, первый из которых экстенционально шире, чем второй. В современной литературе существуют развитые классификации символов. В качестве подвидов символа выделены эмблемы, гербы, фалеры, тамги, геральдические и надгробные изображения, знамена, художественные символы, мнемонические и научные символы и т.д.

Генетически символ возник на основе уже существовавших сигналов и знаков. Он был поначалу средством зарождавшегося художественно-экспрессивного и религиозного сознания. В настоящее время символ – неперемный атрибут многих сфер общественного сознания, но он перестал быть самодовлеющей, исключительной сущностью (хотя мифы современного обыденного, массового и научного познания, конечно, относятся к «ведомству» символизма). Э. Кассирер вообще определял человека как *animal symbolicum*, животное символизирующее.

Выше уже говорилось, что термин «символ» греческого происхождения, произведен от глагола «симбалло», что чаще всего переводят как «соединяю, связываю» (на самом деле «сбрасываю» [сюда-и-здесь]). В момент возникновения этим словом обозначался предмет-посредник, вещественный значок, которому придавалось условное, тайное значение: принадлежность к некоему обществу (например, поклонников богини Кибелы). В современном понимании – это пароль. Символ играл тогда ту же роль, что и различные тайные слова, условные жесты и изображения, сигналы во все времена.

Постепенно термин «символ» стал включать разновидности, как фалера, эмблема, герб, печать, геральдическое изображение, знамя, надгробие и т.д., затем аллегория, перенос и др. Часто из обусловленного образования символ, вследствие утраты связи между содержанием и выражением, становился всецело конвенциональным. Так произошло, например, с английским hallo «хэллоу». Никто уже не вспоминает о его происхождении от древнесемитского «хэллох» – «бог», ставшего паролем-приветствием евреев, затем других родственных им народностей, а потом приветствием вообще, особенно превратившись в телефонное «алло» (пример О. Сулейменова, «Аз и Я»).

Та же трансформация значения характеризует крест – символ христианской веры. Этот символ также пережил отрыв выражения от первоначального содержания: у большинства народов в древности крест был солярным знаком. «Когда человек научился сам добывать огонь посредством трения двух перекрещенных брусков дерева, то этот несложный инструмент начал считаться священным», – пишет А.А. Нейхардт в книге «Происхождение креста».⁴³ Происходит опосредование символа: человек начинает поклоняться не самому огню, а его воплощению, вернее, воплощению его порождения. Доказательство тому: и по сей день у большинства (отсталых) народов священный огонь полагается добывать посредством трения.

Крест имеет, таким образом, гораздо более древнее, чем христианство, языческое происхождение. На старинных сосудах бронзового века, на груди древних царей, в формах жертвенников повторяется изображение креста – символа огня. Сюда наложилось значение «солнечного огня» – креста с заломленными по ходу или против хода солнца лучами.

⁴³ Нейхардт А.А. Происхождение креста. – М.: 1975. – С. 5.

Итак, символ – это *разновидность* знака. Он создается для целей освоения действительности в процессах познания, коммуникации, практической деятельности людей. Символ вбирает в себя некую *идею*, манифестирует ее, становится ее воплощением.

Символ более конкретен, чем его содержание. Многие исследователи указывают на синтетический, целокупный характер символа. Знаки других классов (например, индексы) детализируют знание, являются средством расчленения и фиксации изолированных предметов, явлений и свойств. Символы обозначают *классы* событий, притом таким образом, что в них в наглядной форме выражена некая абстрактная идея. Это может быть целое суждение, миф, притча. (Аналитические знаки, со своей стороны, ограничиваются выражением представления или понятия).

Другое специфическое отличие символа от прочих знаков было раскрыто Гегелем в его «Эстетике»: «Символ... является не просто безразличным знаком, а таким знаком, который уже в своей внешней форме заключает в себе содержание выявляемого им представления... В подобных символах чувственно наличные предметы уже в своем существовании обладают тем значением, для воплощения которых они употребляются»⁴⁴. Эта черта, это специфическое отличие – сходство символа с объектом символизации. Надо добавить, что это сходство *любого рода*, которое не сводится только к подобию внешнему, зеркальной «похожести». Оно может быть внешним, контурным, геометрическим; физическим, природным; функциональным; структурным, (математическим); генетическим, топологическим и др.

Что касается *иконических* знаков, для которых сходство с репрезентатом также обязательно, – их отличает от символов первое указанное выше свойство. Символ репрезентирует *идею*, икона – *объект* или его деталь.

О том, что чувственно воспринимаемый символ внешне, контурно структурно или функционально напоминает выражаемое им содержание, пишут большинство исследователей. Действительно, материал «предметного тела» символа небезразличен. У Маркса, например, целые страницы были посвящены исследованию физических, химических и других материальных свойств золота, давших возможность этому благородному металлу стать всеобщим эквивалентом.

Еще одно надо упомянуть: особый *конвенциональный* характер символа, включение его в систему общественных отношений на условиях

⁴⁴ Гегель. Соч. Т. 2. – М.: 1969. – С. 15.

договора (хотя бы с самим собой). В противном случае пониманию символа не поможет и сходство с репрезентантом: так, обезьяна у одних народов – символ ума, у других – глупости. Цвет траура в Европе – черный, в Индии – белый, в Японии – желтый. Единичный, личностный смысл символа имеет свой критерий – общезначимость, т.е. общественное, *социальное* значение.

Сложная проблема – сходство с каким реальным объектом или явлением обнаруживают, скажем, такие символы, как точка или линия? И как вообще возможно «сходство с идеей»? Как взаимодействуют признаки сходства и объектированности?

Известно, что структура знаковой ситуации символизируется треугольником Фреге. В абстрактно-выразительных семиотических системах типа математики происходит упоминавшееся выше обобщение его путем сближения сторон: на уровне теоретического познания мы получаем совпадение сигнификата (объекта) и концепта (значения). Этот закон впервые был описан Ю.С. Степановым еще в 70-е гг. XX в.⁴⁵ Дальнейшее повышение уровня абстрагирования дает сближение остальных вершин: совпадение знака, сигнификата и концепта. Треугольник последовательно превращается в «двуугольник», а потом в «безугольник»: абстракция свертывается и становится символическим образом. В операциях с соответствующей символикой алгебраическая формула, например, есть и то, что обозначает, и то, что обозначается, и то, посредством чего происходит обозначение. Символ приобретает самостоятельное существование. Лишь в интерпретации, например, в применении математического или логического исчисления к физической теории, происходит обратное развертывание треугольника Фреге.

Сходство как сходство с идеей нуждается в глубоком дополнительном анализе; однако можно сразу заметить, что это вопрос не более сложный, чем вопрос о сходстве идеи с объектом, только обратный ему. Что же касается свойства объектированности такой символики, – действительно, за абстракциями, скажем, точки или линии не стоит, как указывал еще Бозций, никакого целого объекта, реальной дискретной вещи. Но существует момент «точечности», прерывности в самой объективной действительности: он и есть «оригинал» точки как образа (абстракции) и математического символа.

Знаки и символы абстрактных семиотик весьма разнородны. В системе они достигают структурно-функционального сходства

⁴⁵ Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: 1971.

с действительностью; они конвенциональны, intersубъективны; в совокупности представляют собой колоссальную абстракцию от природы; имеют синкретический характер, качество особой полноты, богатства содержания.

В целом же символы – это «острова» в «море» знаков. Эвристическая ценность их между тем несомненна: символы помогают добиться необходимой полноты и конкретности знания, они имеют научную, эстетическую и этическую ценность.

Остановимся теперь на языковых знаках, которые, вероятно, изучены наилучшим образом. В познании и практической жизнедеятельности первоначально они складывались стихийно, т.е. и звуковой, и «ручной» язык у людей возникли до всякой конвенциональной символики. В этом смысле знаки человеческой речи являются естественными в отличие от искусственно созданных многообразных коммуникативных систем.

В работах крупных лингвopsихологов XX века обоснованно прослеживается переход от сигнальных форм поведения к знаковым. «Первоначально <звуковые коммуникативные сигналы> были лишь сопутствующими феноменами, возникающими в контексте определенных ситуаций. Их акцентированная выразительность обусловлена вначале преимущественно аффективно-эмоциональной оценкой существующей ситуации»⁴⁶. В процессе предметно-практической деятельности пра-людей происходила семантизация их поведения, которую стимулировало улучшение совместной деятельности группы. Среди врожденных форм поведения и реакций выделяются коммуникативные сигналы. Вторым шагом на данном пути была оптимизация этих сигналов в результате возросшей потребности социальной координации деятельности. Знаки-сигналы приобретали опосредованный характер.

Другим мотивом такого перехода является когнитивное развитие: в результате генетической «оборачиваемости» сознание, являющееся производным от трудовой деятельности, однажды возникнув, активно обратно влияет на нее, стимулирует развитие средств коммуникации, дифференциацию сигналов, отсроченное подражание, возможность обозначать не только наличную, но и прошлую, и будущую ситуации. «В антропогенезе содержание языка создало его форму, в онтогенезе, напротив, форма предшествует содержанию»⁴⁷.

⁴⁶ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта. – М.: 1983. – С. 83.

⁴⁷ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта. – С. 110.

Можно коротко перечислить те свойства звуковых образований, которые изначально позволили им занять центральное место среди прочих видов знаков. Они непрочно связаны с кругом инстинктивных регуляций; диапазон их велик, затраты энергии на производство относительно малы; эффект достигается на расстоянии, в темноте и проч. Самое главное – звуки могут порождаться наряду с телесной активностью, т.е. оставлять свободными от сигнальной деятельности глаза и руки; тогда эта деятельность отходит на второй план, а на первый выступает язык. Звуки произвольно повторяются, связываются в цепи и т.д., образуя оптимальную систему связи.

По указанным причинам языковые знаки являются типичным примером знаков вообще, а не просто знаками *sui generis* (своего рода).

Еще две ступени, воплотившие прогресс архаического мышления – появление систем счисления и письмо.

Прогресс общества характеризуется распространением и умножением всевозможных семиотических систем. Методологи науки указывают, что знание символизируется на всех уровнях существования; все познавательные методы пронизаны операциями со знаками и символами; все формы научного познания воплощаются в них. Поэтому анализ содержательной, семантической стороны символики остается центральной задачей семиотики. Он, в свою очередь, поднимает философские проблемы значения и смысла, языка и мышления, разных видов познания и т.д., и к нему мы переходим теперь.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы основные свойства знака?
2. Что такое треугольник Фреге?
3. Как соотносятся основные свойства знака с основными свойствами (умственного) образа?
4. Какова специфика символа?
5. Какие существуют гипотезы относительно происхождения языка?

Темы рефератов

1. Символизм как культурное течение.
2. Проблема классификации знаков.
3. Сущность репрезентации как дефинитивного признака символики.

Глава 6. ЗНАЧЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ СЕМИОТИКИ

Значение – важнейшая семиотическая категория, равноценная категории «знак». Проблема значения является фокусом встречи многих философских вопросов: общая характеристика диалектической взаимосвязи умственного образа и знака; анализ проблем перевода с языка на язык; сущность знания; условия познания; предпосылки науки и многое другое. В семиотике проблема значения понимается как установление значения *высказывания*.

Синтаксический анализ формальных знаковых структур неизбежно обнаруживает свою неполноту без «выхода» на семантику. Формально-логическое понимание значения как «концепта денотата» мало что дает для диалектической философии, ничего не говорит о его качестве, валентности, связях, ролевых включениях, смысловом поле, не решает практических проблем перевода, семиотики литературы, символизма в искусстве, и т.д. Семантический анализ является в семиотике самым «теоретичным», он имеет дело с идеализированными объектами, вариантами смысла; прагматический анализ «занимательнее», интереснее: он более индивидуален, эмпиричен. Построение полной модели языка невозможно в рамках лишь одного (любого) из этих подходов. Необходимо объединить их.

§ 1. Типы теорий значения

Существует множество теорий значения. Можно разделить их, например, так: теории, в которых значением считается особая *идеальная сущность*, устойчивая и независимая от конкретных мыслительных операций (идушая от Платона линия Гуссерля – Больцано – Brentano); и теории, в которых значением считается *реальный предмет* (линия Фреге – Черча – Куайна).

Для XX столетия была характерна трактовка значения как *отношения*, а не как *сущности* или субстанции. Она была предложена аналитическими философами. В зависимости от того, как понимался анализ – как установление области фактов (Б. Рассел), как раскрытие структуры знания через структуру языка (Дж. Мур), как разъяснение языковых недоразумений (Л. Витгенштейн) – варьировалось и понимание значения. В целом же отказ от субстанциональных теорий был связан с выступлением Б. Рассела против линии Фреге – Черча. Широко известна его теория значения как употребления знаков-высказываний по определенным правилам.

Отечественные ученые также были склонны типизировать теории значения; чаще всего они разделялись на референциальные и функциональные теории. В рамках первого типа существуют теории значения как объекта, обозначаемого знаковой формой; как гносеологического образа – представления или понятия; в составе второй группы «чистые функционалисты», «операционалисты» и «релятивисты», для них значение растворяется в знаковом отношении.

Пограничной можно считать теорию, понимающую значение как инвариант информации, которую несет знак.

Название «референциальный» для первого типа неточно. Reference – значит «отнесенность», от лат. *ferre*, от греч. *pherein* – нести. Лучше назвать их *субстанциональными*, т.е. такими, которые анализируют именно композицию знаковой ситуации, а в ней – субстанцию и морфологию значения. Второй же тип действительно *функциональный*; там значение понимается как функция от включения объекта в знаковую ситуацию. Можно также сказать, что в первом типе отражен синтаксический и семантический, а во втором – прагматический подход.

В западной семиотике знак понимается как знаковая функция, знаковая функция – как «игра» по определенным правилам, а значение как знание правил «игры» или же знание операций определения понятий и применения терминов. Существует, кроме того, широко известная и признанная концепция лингвистической относительности, согласно которой все единицы любого этнического языка таинственным образом несут семантическую нагрузку, даже фонемы, и сознание этноса от них зависит. Это концепция языковой относительности Б. Уорфа, Э. Сепира и У. Вайсгербера.

Для отечественных семиологов значение, с самого начала формирования этой дисциплины в нашей стране, выступало как некоторая сущность: не отношение, а *сторона* отношения. Значение недопустимо было считать ни просто свойством знака, ни отношением знака к объекту (или вообще любого элемента знаковой ситуации к другому элементу), так как отношение обозначения не является натуральным, естественным для предмета, становящегося знаком. «Поэтому сказать, что значение есть отношение знака к предмету, – это значит утверждать, что значение есть отношение, опосредованное... значением, т.е. допускать логическую ошибку»⁴⁸. Получается, что при помощи отношения (значения) и отношения (знака как знаковой функции или как отношения между

⁴⁸ Резников Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. – Л.: 1964. – С. 50.

элементами кода – синтактика), мы обозначаем (то есть соотносим) отношение (ведь понятие или другой образ есть отражение, а оно в свою очередь вид взаимодействия, т.е. тоже отношение), и отношение (гносеологический объект как соотносенный с субъектом предмет познания – семантика), и еще одно отношение (мировоззрение человека как носителя сознания и действительности – прагматика). Сущность растворяется в своих отношениях.

Сторонники субстанциональных теорий считают, что до сих пор не выдвинуты убедительные аргументы против трактовки значения как зафиксированного в знаке *отражения* обозначаемого предмета (в частности, в форме понятия). Противники же указывают на определенный архаизм такой парадигмы. Не отбрасывая субстанциональной концепции, они обращают внимание на то, что при такой трактовке значения многие принципиально важные вопросы остаются за пределами анализа: это больше всего касается прагматики знаковых систем.

Бинарная оппозиция теорий значения слишком схематична. Можно задаться вопросами: какую роль сыграло в возникновении этих теорий время как социальный фактор, как располагаются они в социальном научном пространстве?

Вероятно, «социальное время» линейно расположило теории значения, а «социальное пространство» замкнуло их в своеобразный *круг*. Факторы социального времени подействовали следующим образом.

В диахроническом плане, когда лингвистика отделилась от философии, обособление это стало быстро нарастать.

Развиваясь во многом параллельно, структурная лингвистика и логическая семантика далеко отошли от реальности и человеческой практики. Объяснение механизмов функционирования языка не было получено, взамен этого самостоятельное значение приобрели абстрактные теоретические конструкции. Важный перелом наступил в 60-е годы XX в. Зачинатель лингвистического поворота в науках, Л. Витгенштейн, провозгласил основной целью философии языка анализ «неочищенной», обыденной речи и поставил в центр своей теории изучение не только языкового контекста, но и экстралингвистического опыта, в котором язык предстает как форма человеческой жизни. Родилась знаменитая концепция значения как использования (Gebrauch) слова в языке, мощный импульс получило прагматическое направление.

Дж. Остин, П. Стросон, Н. Малкольм пошли по пути анализа фактического употребления отдельных языковых выражений⁴⁹, другие прагматики стали изучать невербальный, историко-культурный, социальный «контекст», в который встроен сам язык. Возникли представления «фонового знания о мире», «скрытого, неявного знания», организации мира посредством «языковых сценариев» и т.д. Наконец, в 70-х годах М. Даммит, знаток Фреге и Витгенштейна, предпринял попытку решить проблему совмещения абстрактно-семантического и конкретно-прагматического подходов с целью создания полной модели языка⁵⁰. Он предложил рассмотреть знание условий истинности высказываний как эмпирическую способность опознавания. Значение оказалось замкнутым в кольцо наших возможностей опознавания наших обстоятельств использования языка. В 80-е годы Д. Дэвидсон выступил против приравнивания значения и употребления⁵¹; и единственной приемлемой для всех позицией к настоящему времени оказалось объединение вербальных и невербальных знаний, явной и фоновой информации. Философия языка заново трансформировалась в философию сознания. Это оказало влияние и на логику, в которой тоже появились попытки синтеза теоретико-модальной семантики и теории речевых актов.

В синхроническом же срезе, располагая их в «социальном пространстве» науки, теории значения можно выстроить так.

Субстанциональные теории, полагая значение некоей сущностью, обладающей качеством, границей, совокупностью свойств, локализацией в сознании в виде образа и т.д., оставляют в тени тот факт, что, признавая сознание отражением, они признают тем самым и то, что оно есть взаимодействие, которое, в свою очередь, есть отношение (между субъектом и объектом). Функциональные же теории стараются не делать акцента на том, что любая функция есть проявление свойства, свойство же есть свойство *чего-то*; оно означает и качество, и границу, и целостность своего субстрата, и его существенность.

Для наших целей лучше всего провести такую наглядную аналогию.

Все теории значения универсально взаимосвязаны и замыкаются в подобие «квинтового круга».

⁴⁹ См.: Остин Дж. Чужое сознание. Н. Малкольм. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю» // Философия, логика, язык. М.: 1987.

⁵⁰ См.: Даммит М. Что такое теория значения // Там же.

⁵¹ См.: Дэвидсон Д. Общение и конвенциональность // Там же.

Семь октав фортепьянного строя, максимально доступных человеческому голосу и среднему слуху (выше и ниже звуки переходят в шумы, теряя для человека мелодичность) и в силу этого согласованных с нашим голосом, – один из гениальных результатов «поверки гармонии алгеброй», творческой деятельности И.С. Баха. Он, как известно, создал «Хорошо темперированный клавир» на основе изобретения квинтового круга. До Баха не была узаконенной привычная теперь европейцу последовательность интервалов в гамме. Настройка клавиринов до него ориентировалась на обертоновую шкалу (диатонический ряд). Но звуки тональностей с большим числом диезов и бемолей выходили за рамки данной шкалы и поэтому начинали «фальшивить». Выходом стал слуховой обман: искусственно изобретенный полутоновый строй.

Теперь повышение (диез) вводится в следующую гамму через квинту. Малая секунда повышения (диез) и малая секунда понижения тона (бемоль) были выровнены; в результате такой, можно сказать, «абстракции аппроксимации» сомкнулись в один звук диез и бемоль соседних нот, и теперь для пианиста до диез – то же, что ре бемоль. Граница между интервалами была узаконена для европейцев; у других народов она иная.

Открытие Баха можно сравнить с открытием Пифагором тайны целого числа: ведь в интервале от 0 до 1 также лежит бесконечность, и положить в ней границы и некую «середину» – интеллектуальный подвиг.

Можно принять предлагаемую аналогию, применить ту же абстракцию аппроксимации и «подстроить» теории значения друг к другу таким образом: 1) значение как *объект* или класс объектов (так считает большинство логиков); 2) значение как *образ* объекта, обычно это понятие или общее представление (Л. Витгенштейн, как известно, образом называл и сам язык; 3) значение как *свойство объекта*; 4) значение как *атрибут знака*; 5) значение как *способ* определения референтов; 6) значение как *функция* референтов; 7) значение как *использование* (употребление); 8) значение как *игра*; 9) значение как *операция*; 10) значение как *информация*; 11) значение как *отношение* (это до сих пор наиболее модная теория); 12) значение как *интенция*, направленность на объект, гуссерлианская идеальная сущность.

Здесь круг замыкается. Двенадцать нот семантического квинтового круга позволяют «играть» во всех тональностях, хотя сама «настройка» основана на серьезном допущении «сужения» интервалов действия каждой теории – «квинт». Агглютинирующую роль исполняет явление совмещения процессуальности и результативности в познании.

Сознание, как известно, – не только образ (сущность), но и процесс отражения (взаимодействие), не обладающий самостоятельным существованием вне отношения организма и среды, вне нейрофизиологического кода; это «виртуальное бытие», аспект движения. Но дабы не лишать значение самостоятельности и свободы, примем как наиболее основательную следующую позицию: значение есть некая субстанция своего рода (*sui generis*).

§ 2. Сущность и структура значения

Сущность значения, как любая сущность, скрывается, вместе с тем разнообразно проявляясь, проецируясь и экстериоризируясь. В коммуникативной или учебной познавательной ситуации происходит обмен «инвариантами информации», понятиями и суждениями, организованными лексически и грамматически в общепризнанную знаковую форму. Люди вовлекаются в континуум общечеловеческой социальной памяти, происходит как бы их «причащение» к целокупности общечеловеческой истории, в более или менее скромных масштабах. В этой простой и вместе с тем непростой знаковой ситуации не всегда заметно, что передача информации происходит в виде условно-рефлекторного индуцирования в сознании адресата *образа* обсуждаемого объекта при предъявлении *знака*, который тоже воспринимается не иначе, как сознанием.

Значение есть некая целостность, *идеальная субстанция*, – а не отношение и не функция, – сущность которой составляет гносеологический образ объекта. Функция не есть значение знака, и наоборот, значение знака не есть его функция: его функция – *обозначение*, она есть проявление его свойства быть представителем своего значения, поставленного в связь со знаком в определенных познавательных условиях, вернее, *обстоятельствах*. И отношение не есть значение знака, и наоборот, значение знака не есть отношение; оно, как сказано, есть сторона, участник отношения. Отношение между объектом и его значением для субъекта – генетическое, причинно-следственное; отношение между знаком и приписанным ему значением (которое остается идеальным образом объекта!) – смысловое, прошедшее стадию осознания, *awareness*, мысленного произвольного связывания образа и его представителя.

Гносеологический образ связан со своим объектом не только каузальной (и еще двумя-тремя часто упоминаемыми связями типа генетической, геометрической, топологической, структурной и т.д.), но *всеми* существующими связями.

Можно дать следующее рабочее определение значения.

Род: гносеологический образ. (Значение не исчерпывает свой род: некое идеальное образование может некоторое время существовать, и не становясь значением. Интенционально оно подобно постоянному току: DC-direction of fit).

Вид: представитель, презентант.

Собственные признаки: значение идеально; осмысленно; структурировано как органическая система когнитивного, модального и криптокомпонента (см. о нем ниже); оно всегда имеет знаковое воплощение, актуальное или потенциальное.

Дефинитивный признак: значение обладает интенцией ломаной траектории, где направление совмещения меняется в зависимости от роли субъекта в семиотической ситуации – генератор, транслятор, реципиент и т.д., (подобно переменному току: AC-direction of fit).

Акцидентальные признаки: перечислены в семантическом «квинтовом круге».

При этом в подлинно познавательной ситуации *открытия* знаковая форма заранее не дана, а «подыскивается» для возникшей «небулы» смутного понимания; используется ранее существовавшая форма или создается новая. Когда оформление произошло, этот идеальный образ закрепляется за знаком в качестве его значения, индуцируясь при предъявлении данного знака в сознании познающего субъекта. Однако является ли этот образ значением знака? Может быть, это значение *объекта*? *Принадлежит* ли значение знаку? Может быть, оно, будучи копией определенного оригинала, «принадлежит» именно ему, оригиналу, а не условно соединенному с ним знаку? В всяком случае ясно, что отражение объекта в сознании в виде представления, понятия, идеи и т.д. по природе не является содержанием знака. Восприятие же и представление самого «тела» знака без индукции в связи с ним идеального образа (значения?) объекта не служит ни познанию, ни коммуникации, не «запускает» знаковую ситуацию, кроме случаев автономного употребления знаков, остенсивных определений в логике или беседы на манер мудрецов в «Путешествии в Лапуту».

Знак «прозрачен» для значения, кроме случаев знакового фетишизма или специализированного анализа именно знаковой формы. Можно привести в качестве иллюстрации пример современного испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, писавшего: «Пусть читатель вообразит, что в настоящий момент мы смотрим в сад через оконное стекло. Глаза наши должны приспособиться таким образом, чтобы зрительный луч прошел

через стекло, не задерживаясь на нем, и остановился на цветах и листьях. Поскольку наш предмет – это сад, и зрительный луч устремлен к нему, мы не увидим стекла, пройдя взглядом через него. Чем чище стекло, тем менее оно заметно. Но, сделав усилие, мы сможем отвлечься от сада и перевести взгляд на стекло. Сад исчезнет из поля зрения, и единственное, что останется от него, – это расплывчатые цветные пятна, которые кажутся нанесенными на стекло. Стало быть, видеть сад и видеть оконное стекло – это две несовместимые операции: они исключают друг друга и требуют различной зрительной аккомодации»⁵².

«Непрозрачны» или не вполне прозрачны для значения только два вида знаков, но зато самых важных – символы и лингвистические знаки. Дело в том, что значение слова и предложения всегда связано с коммуникацией, хотя бы потенциально; слово не существует, как знаки других видов, независимо от идеального образа того референта, который именуется (например, называется каким-то словом). Поэтому в слове естественным кажется сращивание «знака и значения». Вообще же знак не является «седалищем» значения, не обладает им как своим содержанием. Значением «обладает» сознание, точнее, мозг, а еще точнее – сам человек.носителем значения является тот же субстрат, который есть носитель сознания. «Знак обладает значением» – это метафора, которую перестали замечать, как какое-нибудь «идет дождь».

Однако для философии важно различить, каково действительное качество связи между элементами знаковой ситуации. Важно это и для семантических решений, и для спектра знаковой прагматики.

Отечественные философы и филологи обычно не сомневаются в том, что значение – принадлежность знака, его часть, элемент или атрибут. Строить ось «знак-значение» помогает сам русский язык: это пара однокорневых, а стало быть, родственных слов. Поэтому в русском языке подвергнуть сомнению данную очевидность трудно.

Однако в любом другом европейском языке знак и значение не одного корня: sign-meaning (англ.), Zeichen-Bedeutung (нем.), signo-sentido (исп.). Кстати сказать, значение *слова* по-испански – асерсьон, «принятие» (смысла). Signo-асерсьон еще меньше похожи, еще менее созвучны, чем signo-sentido.

Возьмем теперь английский язык. Ведущие определения: значение (meaning) – вещь, которую намерены передать, в особенности при помощи

⁵² Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: 1991. – С. 234.

языка (словарь Вебстера). Значение – то, что имеется в уме или мысли (словарь Чеймберса). Как видим, здесь представлены первая и вторая субстанциональные теории: 1) значение как предмет и 2) значение как умственный образ, и *нет* никакой прямой родственной связи между значением и знаком. Мало того; вспомним, что в испанском значение слова – это не понятие и даже не представление, а скорее восприятие. Здесь приходится говорить не только о концепте, хотя в целом это хороший термин, но об идеальном образе *вообще*. Надо учитывать и его чувственные формы, или модификации.

Характеристики значения, даваемые влиятельными словарями, перекликаются с тем, что говорилось выше об обозначении как репрезентации и об отражении как идеальной презентации: идеальный образ, прерогатива сознания, способен *обозначать, помечать и т.д.* объект, т.е. вести себя *семиотически*.

Не всегда и не любой образ актуально становится участником семиозиса; он может существовать, и не воплощаясь в знаки, скажем, на уровне нейрофизиологических импульсов или невнятной «небулы» смутного понимания. Если мы хотим избежать тавтологии (образ *отображает*) и вместе с тем отождествления образа и знака в принципиальном вопросе (образ *«обозначает»*), то строгим ответом было бы определение понятия отражения (это вид взаимодействия, в результате которого объекты обмениваются веществом и энергией так, что один из них сохраняет след другого) с указанием на видовые отличия *гносеологического* образа, связанные с его идеальной природой. Если схематически представить себе понятие гносеологического образа в виде кругов Эйлера, мы получим пять концентрических окружностей, обозначающих, начиная с внешнего, «родового» понятия-круга: 1) взаимодействие; 2) объективированность; 3) уподобление; 4) идеальность, или презентативность (презентация есть гносеологический коррелят идеального как онтологического атрибута сознания); 5) конкретную форму мысли, например, понятие. Однако невозможно каждый раз и в каждом тексте пользоваться определением вместо термина, не делая рассуждение громоздким, и вместе с тем нам надо знать, как описать, уточнить характер сигматического отношения между образом и объектом (т.е. той ситуации, в которой образ получает знаковое закрепление).

Рассмотрим позицию современного английского философа и логика Дж. Серла. Идеальные образы сознания он именуется интенциональными состояниями, и в этом уже заключается часть ответа. Полный же ответ, который он предлагает, «чрезвычайно прост: Интенциональные состояния

представляют объекты и положения дел в том же самом смысле, в котором их представляют речевые акты (хотя... речевые акты обладают вторичной формой Интенциональности и поэтому репрезентируют иначе, чем Интенциональные состояния, которым присуща внутренняя форма Интенциональности)». ⁵³ Это в полной мере согласуется с данным выше определением знака.

В том случае, если принимается теория значения как идеального образа, необходимо ответить еще на два вопроса:

1. Как соотносится значение, которое является значением объекта для субъекта, итогом или процессом осмысления объекта, короче говоря – образом объекта, – и то, которое именуется «лексическим значением» слова (чаще всего это понятие)? Иначе говоря, существует ли все же разница между (гносеологическим) образом как таковым и образом в роли значения?

2. Как соотносится наше понимание образа-значения с «идеальными сущностями» Гуссерля и других философов феноменологического направления, даже с кантианским пониманием души как вещи-в-себе?

Значения и понятия более «жестко» привязаны к референтному уровню, чем к знаковому. Их онтологический статус одинаков: принадлежность к миру идеального. Различие лежит в гносеологическом и логическом статусах.

Экстенционально *значение шире*, так как им может быть не только понятие; например, значение пространственных предлогов «из», «от», «в», «с» и проч. – не понятие, а представление. Меньше заметны распределенность терминов и разница *объемов*, но *содержательные* различия заставляют отказаться от определения «понятие есть значение» и вообще от идеи, что значение есть гносеологическая пара объекта, а не знака.

В прагматическом аспекте следует говорить не о значении, а о значимости, или ценности.

Надо помнить, что, взятый как значение, гносеологический образ имеет иную интенцию, чем та, которой он обладал в отношении своего оригинала как его идеальная копия. Представить это помогает *direction of fit* – направление совмещения (термин, заимствованный из теории речевых актов). Интуитивно мы все же связываем образ не только с объектом, но и со *знаком*, хотя и не генетически, не каузально, не физически, а условно.

⁵³ Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // *Философия, логика, язык.* – С. 100.

Чтобы подытожить ответ на первый вопрос, отметим следующее. Идеальный образ может, как уже было сказано, функционировать, и не становясь значением: «образ как таковой». Это значит, что в таком случае из четырех возможных способов воплощения актов сознания три бездействуют (язык, формы культуры, производство), а наличествует лишь система сигналов нейрофизиологического происхождения. Например, ощущения, восприятия, более сложные эмоции, многие виды представления, пока они не концептуализированы, не осмыслены и не обозначены словами, или хотя бы мимикой, или как-то еще, *не* являются значениями. Когда же они осознаны и обозначены, в них меняется направление совмещения, *direction of fit*. Чувственные образы получают повышенную по сравнению с исходной степень абстрактности и могут начать служить компонентами значения.

Сложно ли совершить подобную операцию? Любой, говорящий, например, «маленький», «кудрявый», «зеленоглазый», «сильный», «любимый», совершил уже подобную концептуализацию ощущений и сигнификационное возвышение. При этом надо помнить, что лифт может двигаться и вниз: примером является любой «забытованный» символ, чье сакральное содержание замещено и забыто.

Теперь перейдем к разъяснениям по поводу существования значения в виде идеальной субстанции, подобной «вещи в себе».

Возможно, у истоков этой традиции находится идея Канта о том, что «абсолютную и непосредственную локальность души можно отрицать, но предположительная и опосредованная (локальность) все же может ей быть приписана»⁵⁴. Но теснее всего в XX в. эта традиция связана с феноменологией. Характерно, что «Британника» именуется феноменологию наукой о сущностях.

Интенциональная феноменологическая теория В. Больцано, Ф. Brentano, Э. Гуссерля излагается и комментируется в советской Философской энциклопедии 60-х гг. (т. 2, с. 181) в основном позитивно. Интенциональность есть характеристика «сознания сознающего», т.е. направленного на объект. Феноменолог исключает из рассмотрения вопрос о существовании или несуществовании внешнего объекта (берет его в скобки). Тогда исследованию подлежит только несомненное – существующее в сознании и немедленно подтверждаемое сознанием. На этом уровне имманентное есть адекватно данное (вид дерева), а трансцендентное – цель тяготения адекватно данного (дерево).

⁵⁴ Кант И. Соч. в 6-ти т. – Т. II. – С. 425.

Мысль Гуссерля о первичности интенции как направленности идеальной сущности (значения) на (гносеологический) объект представляется заслуживающей внимания, несмотря на то, что сегодня она является расхожим местом и данью философской моде.

Если у Гуссерля интенция – соотнесение сознания и объекта, то у Дж.Р. Серла интенциональность – имеющая то же направление совпадения (ре)презентация. Для Гуссерля применение знака есть способ вызвать интенцию. Для Серла сами Интенциональные состояния являются знаковыми.

Ментальная интенциональность, не всегда осознанная, она же – сущность значения, объясняется Дж.Р. Серлом с семиотических позиций, как репрезентация.

Отечественные семиологи, дабы дифференцировать значение знака и значение/понятие объекта, обычно ссылаются на различие в значении (знака) предметного и смыслового компонентов. Эта ясная и простая схема позволяет разделяющим ее теоретикам рассуждать о составе, свойствах, роли, узусе значения как идеальной сущности. Негласно оно может начать рассматриваться в качестве идеального объекта, устойчивого и независимого от конкретных актов мышления, каким-то локализовано в сознании.

Идеальные образы с подобными свойствами в сознании, конечно, есть: это абстракции идеализации и абстрактные объекты, отражающие глубокую, непосредственно не воспринимаемую органами чувств сущность в чистом, схематизированном и упрощенном виде. Однако такими свойствами обладают далеко не все элементы сознания, тем более, что далеко не каждый элемент сознания является образом, ни в смысле наглядной изобразительности, ни в смысле абстрактной выразительности. В этой части проблема значения зависит от решения проблемы идеального, является ее аспектом.

Итак, в самом общем смысле значение – это идеальная презентация объекта в акте семиозиса; направление соответствия – на объект. Это как бы «постоянный ток», *direct current, DC-direction of fit*. Знак – материальная репрезентация объекта; направление соответствие значения – ломаная линия: сознание при предъявлении объекта устремляется сначала к знаку, и через его восприятие (или последующее мысленное воспроизведение его) – на объект. Это как бы «переменный ток» коммуникации, *alternative current: AC-direction of fit*. Он меняется в зависимости от роли субъекта в коммуникативной ситуации: важно, *от* него или *к* нему идет информация.

Значение имеет сложную структуру: сущность его составляет когнитивный формально-логический компонент, обычно понятие, но поскольку сущность всегда скрывается, постольку и знаковое воплощение не выражает явным образом своего значения: в нем всегда присутствует скрытый, или даже подсознательный, компонент. Наконец, интенциональный модус – третий компонент значения, и все слои языковой иерархии участвуют по-своему в его воплощении (интонация, аффиксы, порядок слов и т.д.).

Наиболее глубокий анализ сущности (сущностей) значения в философской литературе был проделан А.Ф. Лосевым⁵⁵.

Значение ни на каком уровне проникновения в его сущность не перестает быть элементом семиозиса. «В своем наиболее общем виде проблема значения заключается в выяснении того, каким образом мы переходим от физики к семантике». (Дж.Р. Серл). Значит, проблема значения является онто-гносеологической, зависит, как уже сказано, от решения проблемы идеального, являясь ее аспектом. Соотношение между сознанием и идеальным то же, что между субъектом и предикатом.

Теперь рабочее определение значения надо дополнить необходимыми комментариями.

В такой редакции дефиниция была дана по двум основаниям. Одно из них – сопоставленность определения значения с определением знака, который есть объект из рода представителей, *репрезентант*, и дефинитивный признак его – смысл. Значение тогда – ближайший род для знака, презентант, его дефинитивный признак – *direction of fit* – направленность прежде на свой знак, а затем на свой денотат. Другое основание – идея о том, что явление презентации есть связующее звено, необходимый и ближайший родовой признак *истинности* познавательного образа. Семиотика в этом смысле играет роль конкретизации проблем самой философии, обнаруживая свою методологическую ценность и плодотворность, способность обогатить гносеологию: признак презентативности занимает место между родовым свойством сходства (образа и объекта) и видовым отличием – трансференцией порядка (характеризующего объект как систему), его воспроизведением в истинном образе. Тогда естественно считать значение представителем объекта (своего денотата, репрезентата и проч.).

Более подробный анализ таких свойств гносеологического образа, как презентативность и *идеальность*, обнаруживает совпадение этих понятий в одном из отношений – они описывают один и тот же фрагмент

⁵⁵ Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Академический проект, 2009.

действительности, только в разных измерениях, один и тот же класс объектов, и экстенционально, по объему, совпадают.

«Гносеологический образ» есть субстантивация идеального качества сознания в рамках эпистемологии; в рамках же семиотики гносеологический образ – презентант, опять-таки характеризующий феномен сознательного, ибо в природе презентации нет, есть лишь замещение, к которому презентация не сводится, описывая только мир человеческой культуры со стороны смысла. Тогда в данном выше определении значения графы «род» и «вид» совпадают.

Так или иначе, главные дополнения касаются не столько соотнесения объемов рассматриваемых понятий, сколько уточнения самого подхода к анализу атрибутов и родовых признаков значения: чтобы «развести» последние, необходимо ясно понять, что значение – объект из рода идеальных представителей. Если *идеальное* характеризует происхождение, природу сознания (и значение как его элемент), то есть является его *онтологическим* признаком, то *презентативность* характеризует «работу» сознания и является его *функциональным* признаком. Формы сознания выступают в функции главных компонентов значения.

Добавим некоторые соображения по поводу фонетического выражения значения.

Из всех фонетических альтераций самая яркая, экспрессивная форма – это интонация, музыка речи. Многое в ней объективно обусловлено: слуховыми порогами, тембром человеческого голоса, физическими возможностями голосовых связок и основными эмоциональными, психическими состояниями, общими у человека и животных и выражающимися в похожих звуках. Кроме этих естественных пределов, можно выделить и культурно-этнические устойчивые альтерации, также наследуемые целым языковым коллективом: такой ритмико-мелодический рисунок и имел в виду Б. Шоу в пьесе «Пигмалион». Есть языки, в которых интонация перманентно исполняет смыслоразличительную роль (китайский, японский), и языки, в которых она не так самостоятельна и изменяет значение слова лишь более или менее (индоевропейские языки). Есть языки, в которых и ударение является не динамическим, а мелодическим (шведский). Носителя чужого языка не всегда можно понять не только лексически или грамматически, но и неправильно расшифровав его интонацию.

Индивидуальная музыкальная одаренность человека, накладываясь на генетически и культурно-этнически наследуемую интонацию, делает ритмико-мелодический рисунок его речи неповторимо выразительным и именно семантически и прагматически богатым.

Диалектика объективного и субъективного в интонации не исследована. Но сама репрезентативность речи может быть рассмотрена в связи с другой ритмико-мелодической системой – собственно музыкой.

Когда интонация в речи подкреплена в своей модальной функции средствами других ярусов языка – грамматики, синтаксиса, морфологии (т.е. использованием специальных аффиксов, порядком слов и др.), она репрезентирует значение частично. Но когда интонация остается единственным выразительным средством (при нейтральной лексике, прямом порядке слов, отсутствии специальных словоизменительных аффиксов, стилистических приемов и т.д.), ее репрезентативность резко возрастает. Максимальные возможности для этого имеются у самой музыки, лишенной имманентного дискурсивного компонента по сравнению с языком и репрезентирующей все богатство человеческого сознания только, если можно так выразиться, фонетически. Именно поэтому так полезна для семантики метафора «квинтового круга».

Итак, явления смысла и значения богаты и разнообразны; композиция значения сложна и иерархична; сущность значения лежит глубоко в общественной природе языка, и другие системы знаков являются его деривативами. Можно предложить трехкомпонентную схему, передающую структуру значения. Два из них мы уже разбирали: это когнитивный компонент, ядро информации, и модальный компонент, сам по себе тоже сложный (составной). Он отвечает за социальные связи, передаваемые в мета-посланиях.

Необходимо проанализировать теперь подробнее не только способность знаковой системы раскрывать свою ментальную сущность, но и – принципиально скрывать ее. Речь пойдет о третьем компоненте значения.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие две линии сложились в семантике по поводу определения значения?
2. В чем состоит сходство и различие значения и понятия (представления)?
3. Что такое интенциональность и direction of fit?

Темы рефератов

1. А.Ф. Лосев и его «Философия имени».
2. Дефиниция значения.
3. Образ квинтового круга как модель взаимосвязи семантических теорий.

Глава 7. ФИЛОСОФСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗНАЧЕНИЯ

Рассмотрим спектр идей, охватывающий такую сферу, как существующее в сознании, но до определенного времени неосознанное, неявное знание.

Исторически оно рассматривалось как антитеза осознанному, явному, теоретическому разуму. Все, что имели в виду под ценностными установками практического разума Кант, под «криптотипом» Уорф, под оценочными суждениями, противостоящими причинному пониманию, Риккерт и Виндельбанд, под «личностным знанием» Полани, – все это реальная сторона существования значения. Например, вот как об этом пишет американский философ и психолог Дебора Таннен: «Сигналы, важные для ведения беседы, используются в специальных инструментальных приемах, которые ведут ежедневную работу коммуникации – передавая, что вы слушаете, что вы заинтересованы, упрочивая солидарность – или нет... Четыре инструмента – демонстрация реакции, вопрос, жалоба, извинение – не эксплицитны, а поскольку они не эксплицитны, постольку могут быть неправильно интерпретированы)⁵⁶. Неосознанное, неявное, скрытое, неэксплицированное – но это все-таки *знание*.

§ 1. Значение и концепция скрытого знания

Существует, как было сказано, в структуре значения и третий, неочевидный компонент знания. Он плохо формализуется, если вообще формализуется, и качество его обычно невербализовано, а когда вербализовано, то не полностью, и требуется выход в экстралингвистическую сферу для перечисления нестрого определенных, качественных его параметров. Еще Кант справедливо считал, что область должного (практический разум) и область целеполагания (эстетического) непроницаемы для теоретического разума, автономны, и они не могут быть познаны без специальных средств и методов.

Декомпозиция структуры значения сама по себе, в виде «вычитания» дискурсивного (когнитивного) и модального элементов, не дает еще знания о «скрытом» компоненте. Его необходимо специально изучать.

Первый, предварительный вопрос по поводу такого исследования задавал финский философ-методолог Я. Хинтикка: «Не связана ли

⁵⁶ Tannen, Deborah. That's Not What I Meant! How conversational style makes or breaks relationships. – Ballantine Books Edition: New York, 1987. Таннен, Д. Я не то хотел сказать! Как стиль разговора создает и разрушает отношения. С. 43.

реализация данной программы с принятием философски подозрительных сущностей?» И первый предварительный ответ: это исследование при всех результатах несет углубленные знания о сущности разума и способах познания, о соотношении вербального и невербального, центрального и «фонового» знания, обогащает картину миру и методологию науки, само учение о человеке.

Тенденция к гуманизации логики и методологии науки, анализ ценностных установок привлекательны тем, что расширяют роль субъекта познания, понимаемого не только как персонa, индивидуум, но и как субъект общественного сознания, и не только как личность, но и как научное сообщество, как коллектив вообще, в том числе и человечество в целом.

Остановимся специально на том, как понимается скрытое знание в концепции лингвистической относительности.

Английский ученый Б. Уорф, один из творцов этой концепции (наряду с Э. Сепиром и Л. Вайсгербером), имел для этого собственный термин: *криптотип*. Криптотип представляет собой «глубинное, тонкое и неуловимое значение, которое не находит выражения в реально используемых словах, однако лингвистический анализ обнаруживает его функциональное значение для грамматики»⁵⁷.

В концепции Уорфа язык признается идеальным средством структурировать значение, уловить его и оформить, «набросить» на него сеть лингвистических связей. Грамматика – это идеальная структура мысли, ее внутренняя форма. Язык и выражает, и не выражает значение; но он все же выражает его лучше всего остального. Трудно не вспомнить сократовское: «Но можно ли тогда что-либо правильно именовать, если оно всегда ускользает, и можно ли было бы сначала сказать, что оно представляет собою то-то, а затем, что оно уже такое-то, или же в тот самый момент, когда бы мы это говорили, оно необходимо становилось бы уже другим и ускользало бы и в сущности никогда не было бы таким <каким мы его называли>? – *Кратил*: Именно так. *Сократ*: Но разве могло бы быть чем-то то, что никогда не задерживается в одном состоянии?» (439e, с. 489). Уорф, Сепир и Вайсгерберг считают, что языки – это не просто инструменты для однозначного описания событий; они являются формообразующими матрицами событий, фактов, положения дел. Уорф пишет: «Основа лингвистической системы... каждого языка есть не

⁵⁷ Whorff B.L. Language, Thought, and Reality // Selected Writings. – Cambridge, Mass. – 1956. – P.70.

только система воспроизведения произносимых мыслей, она скорее представляет собой формообразующую основу мыслей, программу и руководство для мыслительной активности индивида, для анализа им впечатлений, для синтеза мыслительных схем деятельности».⁵⁸

Подобную концепцию языка предвидел Ф. Бэкон; подобные идеи высказывали русские ученые Потебня, Выготский и некоторые другие. Грамматика, согласно этой концепции, содержит мировоззрение особого типа – того, который заложен в языке, – и оно оказывает воздействие на мышление, поведение и деятельность людей. Отчасти это мировоззрение *выражается* посредством языковых единиц, но отчасти *скрывается*. Например, род имен существительных английского языка «хотя и не имеет отличительного признака... подобно латинским [-us] или [-a], тем не менее каждое из таких слов устойчиво связано с абсолютно точным словом «он» или «она», которые, однако, лишь подразумеваются до тех пор, пока ситуация не потребует их явного выражения»⁵⁹. (Корабль – «она»; луна, любовь, война и смерть – «он» для англичанина). Эти скрывающиеся «типы», понимаемые только на основе экстралингвистического опыта, скорее интуитивно чувствуются, чем осознаются, хотя, по собственному убеждению Уорфа, могут быть более рациональными, нежели явно выраженные классификации в виде флексий.

Вообще концепция лингвистической относительности представляется эвристически ценной и во многом верной; и несмотря на закрепившийся термин, это *не* релятивизм в том смысле, какой был описан выше: здесь значение *не* отношение, а некая интимная *сущность*. Язык действительно задает картину мира. Правильно и то, что часть семантики слова не выражается ни в лексике, ни в грамматике (морфологии и синтаксисе). Сложнее утверждать, что он задает также и мировоззрение в том смысле, какой сложился в отечественной философии.

По отдельным вопросам необходимо сказать следующее.

Рассмотрим частный пример, принадлежащий Б. Уорфу, в пересказе австрийского философа П. Фейерабенда.

В английском языке звонкий звук [ð] первоначально встречается только в крипто tipe указательных слов (the, this, that, there и т.п.). Поэтому существует *психологическое предубеждение* против употребления звонкого звука [ð] в новых или воображаемых словах: (thig, thay, thob,

⁵⁸ Ibid., p. 121.

⁵⁹ Уорф Б. Language, Thought, and Reality. – С. 68.

thuzzle) и т.д., лишенных указательного значения. Встречая в тексте новое слово (например, thob), мы как бы «инстинктивно» произносим глухой звук [θ] (как th произносится в слове think). Но это вовсе не инстинкт, считает Уорф. Здесь вновь появляется наша старая знакомая – «лингвистическая связь»⁶⁰.

Надо возразить, однако, что русскоязычный читатель «без предубеждения» прочитывает два из воображаемых слов с [ð] – thay [ðei], thuzzle [ðʌzl], а два – с [θ], – thob [θob], thig [θig]. Хотя, пристрастно рассуждая, можно ответить, что этот эмпирический факт не столько подвергает сомнению соображения Уорфа, сколько, может быть, подтверждает их: для англичанина криптотипом будет глухое звучание th для всех слов, не связанных «на вид» с указательными местоимениями и наречием there, «там», где [ð] звучит звонко; а для русскоязычного такого криптотипа «от рождения» не дано. Зато дан криптотип ассимиляции, уподобления, если можно так выразиться, т.е. оглушения концов, как в немецком, и озвончения согласных в соседстве со звонкими согласными и в интервокальном положении. Отсюда [ðei], [ðʌzl], но не [ðig] и не [ðob] – «на вид» конечные «g», «b» по-русски интуитивно чуть оглушаются. Англичане же этого не делают; звонкие согласные в конце слова сохраняют свое качество (и этому достаточно трудно обучить «нашего» человека).

Не будем строить аргументацию на единичном примере. Важно, что пример Б. Уорфа подтверждает больше того, чем он сам хотел подтвердить: а именно, что фонема, единица *синтаксического* плана, несет *семантические* обязанности, и что «криптотип», скрывающееся значение, диалектически одновременно и не проявляет, и проявляет, открывает некое семантическое значение. (В данном случае это звонкое начальное [ð] в указательных местоимениях, наречии there и произошедшем из него определенном артикле the).

В целом концепция неявного знания связывается с именем М. Полани. В отечественной науке она получила достаточно глубокие оценки (см. труды Л.А. Микешиной, В.А. Лекторского и других). Важнее представляется теперь не отличие этой концепции, а ее родство с другими, упоминавшимися выше, по поводу «криптокомпонента» значения.

⁶⁰ Цит. по: Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: 1986. – С. 373.

Прежде всего, хотя М. Полани критически относился к кантовскому априоризму, необходимо отметить, что принятый у нас термин «предпосылочное знание» и ориентация философии науки на соответствующие реалии восходит именно к Канту. Сам Полани употреблял термины «tacit», т.е. «скрытое», «сдержанное» или «personal», «личностное» знание⁶¹. «Tacit» – наилучший термин; он выигрывает по сравнению с «пред-посылочным знанием», ибо не подразумевает *лишь* пред-шествовавшие по времени условия и факторы познания.

Любой термин нагружен скрытым знанием. В эту сферу уходят правила родного языка, соображения здравого смысла, научная рефлексия и вообще экзистенциальные детерминанты (интересно, что логики специально строят «свободную логику», подразумевая под этим свободу от экзистенциальных предпосылок).

«Криптокомпонент» – понятие очень объёмное: это предварительно существовавшие, и доставшиеся субъекту «по наследству» экономические детерминанты, организация науки, управляющие системы, социальные факторы типа национальных традиций, психологических особенностей, этических требований, эстетических ценностей. «Криптокомпонент» – это синхронически, наряду с научной теорией или вообще любым дискурсивным, дескриптивным знанием возникающие, но скрытые до поры от самосознания ментальности вроде методологических «лесов», мировоззренческого «фундамента», идеологических требований, личного таланта, пристрастий и т.д.

Скрытое, имплицитное знание существует в науке как принятая картина мира, стиль мышления эпохи, личности самого творца, всевозможные философские законы (которые, будучи познанными, могут быть интерпретированы и как запреты: академическая наука знает много подобных случаев). «Явное» же, концептуализированное знание – то, которое находится в «фокусе» науки, самосознания вообще. Это не только интересубъективные «ядра» информации, которые кристаллизуются, дедуцируются как логические *выводы* по отношению к (пред-)посылочному знанию. Знание есть единство того и другого, явного и скрытого. Теоретический «импульс» концептуального знания вызывает «возмущения» в имплицитном «поле», так что имеется прямая и обратная связь между ними.

⁶¹ По поводу термина «личный» или «личностный» в качестве модальной оценки Л. Витгенштейн замечал, что использование личных модальностей всегда должно быть связано с некоторыми критериями *общепризнанности*. Утверждения типа «Джон надеется, что придет Мери» должны быть понятны не только Джону.

Попытки постижения и экспликации скрытого знания никогда не прерывались. Интересна, скажем, борьба английского писателя Г.К. Честертон с модной в то время интерпретацией терзаний Гамлета в духе психоанализа. «Изо всех сил пытаются... доказать, что подсознательно Гамлет стремился к одному, сознательно – к другому... И никому не приходит в голову, что не так уж приятно перерезать горло собственному отчиму и дяде. Мораль Гамлета отличается от современной: он знал, что отмщение страшно, и все же считал, что обязан отомстить... Ученый... наделяет Гамлета комплексами, чтобы не наделить совестью»⁶².

Честертон эксплицирует нам «скрытое» Гамлета: его мораль включает предпосылки, от которых современное сознание бежит. Во-первых, нужно поступать справедливо, даже если этого очень не хочется; во-вторых, справедливость может потребовать наказать человека, как правило, сильного и могущественного; в-третьих, это наказание может принять форму борьбы и убийства. И вот «предубежденный современный мыслитель» называет первый принцип идеализмом, второй – насилием, а третий – варварством. А Гамлет счел все три – справедливостью, так же как и сам Шекспир.

Важнейший аспект «криптокомпонента» значения – существующая глубокая «лакуна» между этническими языками, отсутствие изоморфизма в элементах и связях языковых подсистем. Это касается не только стилистических нюансов и оттенков; прямо не переводимы не только семантические тонкости, но и принципиальные, базисные, например, пространственно-временные восприятия и оценки.

Англичанину никогда не понять, почему по-русски говорят «на Кавказ», но «в Крым», «на Украину», но «в Россию». Испанцу не «ухватить» разницы между нашими надеждой и ожиданием: «¡Esperate!» означает и «жди», и «надейся». Немец скажет *unter vier Augen* – «под четырьмя глазами», француз *tête-a-tête* – «голова к голове», русский – «между нами» (не «вами» и не «ними»). С переводами адекватно справляются лишь наиболее талантливые люди – но и это не уничтожает упомянутую «лакуну». Это следствие расхождения «криптотипа» языков.

Хорошо известны «муки слова» людей, причастных к литературному творчеству; эти муки троекратно усилены у литературных переводчиков. Лингвистическая картина мира открывается носителю родного языка иначе, чем иностранцу. Например, болгарский переводчик С. Флорин

⁶² Честертон Г.К. Гамлет и психоаналитик // Самосознание европейской культуры XX века. – С. 220.

рассказывает⁶³, как он искал русский эквивалент американскому прозвищу знаменитого героя Дж Лондона – Смока Беллью.

Герой попадает в романе в неловкую ситуацию – совсем еще «чечако», новичок среди золотоискателей, он, оступившись, с заснеженного холма кубарем влетает в палатку, и к своему несчастью, как раз к приглянувшейся девушке. Чтобы рассеять ее неудовольствие и подбодрить себя, юноша восклицает: Did you see me smoke? Девушку он в итоге располагает к себе; но никогда в подобной ситуации русскому (да и болгарину) не придет в голову назвать поднимавшиеся при падении с холма снежные вихри – «дымом», smoke... Ситуация совершенно непонятная для поверхностно знающего английский; такой человек переведет фразу как «Видели, как я закурил?» В итоге творческого поиска, включавшего изучение всех доступных названий вьющегося в воздухе снега, переводчик остановился на слове «пороша». Фраза звучит теперь по-русски так: «Видели, как я порошу-то всклубил?», а прозвище «Смок» – по-русски и по-болгарски «Пороша».

Перевод – это грандиозный поход по десяткам словарей и энциклопедий, это музыкальный слух, тренированный ум, языковая догадка, глубокие экстралингвистические знания. Его механизм – это перевод скрытого знания в «фокус» сознания, транспортиция этого сфокусированного и концептуализированного значения и «рассеивание» его в сознании коммуниканта для воспроизведения единства явного и неявного уже на другом языке.

Само же познание предстает как постоянное расширение рамок скрытого фонового знания с параллельным включением его компонентов в структуру фокусного знания. Любые определения, считает М. Полани, лишь сдвигают область неявного, но не могут совсем элиминировать его.

Итак, сущность, проявления, структура значения весьма сложны. Один из главных философских вопросов, который приходится решать в связи с проблемой значения, и от которого зависит эпистемологическая «платформа», на коей возводится конструкция семиотической теории, – это проблема идеального.

§ 2. Значение как аспект проблемы идеального

Проблема идеального ставилась в последние десятилетия XX в. В нашей философской науке особенно остро. Особое значение для

⁶³ Флорин С. Муки переводческие. – М.: 1983.

прояснения противоположных позиций в решении проблемы идеального имели труды Д.И. Дубровского, И.С. Нарского, с одной стороны, и Э.В. Ильенкова – с «Вечность» проблемы идеального состоит не в принципиальной неразрешимости ее вследствие перманентной дискуссионности, а в том, что каждая эпоха в науке дает новые, относительно верные решения, причем сама форма оценки меняется от одного этапа к другому в зависимости от уровня практического и теоретического освоения действительности.

Рассмотрим вначале саму традицию деления бытия на материальное и идеальное.

В материалистической традиции существовало приравнивание в рамках основного вопроса философии таких феноменов, как сознание, дух, идеальное, иногда субъективное, и этот ряд составлял антитезу другому ряду синонимов: материя, природа, реальное, объективное. Однако при выходе за рамки этого вопроса и бинарной экспозиции идеальных и материальных феноменов, в результате специального анализа сторон данного отношения, идеальное предстало не как синоним сознания, а как объективированная форма человеческого бытия, или культуры. Ортодоксальный материализм прямо отождествил идеальное с внутренним, материальное – с внешним; «субъективные» материалисты построили операционную, несубстанциональную концепцию идеального.

С течением времени методологической, логико-гносеологической, диалектической анализ становился все скрупулезнее, значений «идеального» появилось все больше; наконец, к 90-м годам XX века окончательно проявилось тормозящее действие плюрализма: ведь он может так же, как и догматизм, задерживать движение познания. Обращение в этих условиях к «старым, добрым» оценкам (например, к «Философской энциклопедии», т. 2, с. 219) возвращает «на поле» поразительное определение идеального опять-таки как субъективного образа объективной реальности (такое понимание пришло в нашу философию через Фейербаха), но – не как индивидуально-психологического факта, не как результата «пассивного» созерцания, а как «продукта и формы активного преобразования природы, т.е. факта общественно-исторического».

Поразительным это определение является, во-первых, потому, что принадлежит тому же Э.В. Ильенкову, который в конце концов заявил нечто совсем иное, а именно: идеальное нельзя считать характеристикой сознания, потому что последнее экстенционально менее объемно,

оно само определяется посредством понятия «идеальное»⁶⁴. Во-вторых, потому, что в таком виде оно дословно совпадает с определением сознания. Так мы опять приходим к неразличимости сознания и идеального (и «духовного», и «субъективного»).

Эпистемологический анализ идеального, однако, необходим, ибо, как бы оно не именовалось, – как «душа» или как «дух», как «логос» или как «Абсолют», как «мнема» или как «эйдос» – оно по-прежнему объединяет весь философский антиматериализм (а не только объективный, иначе пришлось бы именовать субъективный идеализм «ощущизмом», «сознанизмом», «психизмом» или чем-то в этом роде). Нужно дать убедительную характеристику идеального, часто тонущего в своих определениях, и соотнести между собой некоторые члены упомянутых рядов синонимов.

Соотношение между сознанием и идеальным – то же, что между субъектом и предикатом. Сознание идеально. Идеальное есть свойство, или, лучше сказать, качество сознания (неотъемлемое, имманентное, атрибутивное и проч.).

Идеальное есть свойство и качество *и* индивидуального, *и* общественного сознания. Это не какая-то особая «духовная субстанция», обладающая превосходством над психикой человека; говоря «сознание идеально», мы имеем в виду, что у него есть и другие свойства, однако данное свойство, атрибут сознания, означает, что оно ни в каком из своих элементов не материально. Это дефинитивный признак сознания, ближайший образом данный как способность адекватного или превращенного соответствия, соотнесенности элементов сознания с элементами отображаемого объекта, орографическая и генетическая «заданность», детерминированная объективной действительностью. Идеальное не способно существовать вне и до сознания, в виде, например, зафиксированного в различных формах коллективного разума; это всегда либо бывшее, либо будущее идеальное.

Более пристальное рассмотрение обнаруживает связь идеального отображения и репрезентации, символизации. Связь эта многоэтажная, осложненная; репрезентация и отражение находятся между собой в отношении включения, при онтологическом рассуждении, или перекрещивания, при формально-логическом. С одной стороны, это, как уже говорилось, прямое отражение действительности в формах индивидуального сознания, где репрезентации еще нет, хотя есть

⁶⁴ См.: Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. – № 6, № 7. – 1979.

презентация, и нет воплощения ни в речи, ни в формах культуры; с другой стороны, это знаки и символы, обозначающие всевозможные «фикции», – хотя и они, конечно, имеют корни в действительном мире.

«Идеальное» в такой же мере атрибут сознания, в какой «реальное» – атрибут материи. Когда мы берем «идеальное» не как прилагательное, но как существительное, мы начинаем обращаться со свойством (или качеством, или отношением) как с предметом, «вещью». Это классическая логическая операция, устанавливающая относительную самостоятельность признака и его несовпадения со своим носителем. Скажем, пространство и время материальны, но это не сама материя.

Когда-то понятие реального генерализовалось и стало охватывать не только материю, но и сознание, обозначив факт его *бытия*, а возможно, под влиянием философского средневекового реализма. Теперь в действие идут собственные признаки, выделяемые для дефиниций: реальность как тождественная факту бытия признается родовым понятием, объективное и субъективное – видовыми отличиями. В таком случае объективная реальность – материя, субъективная реальность – идея. Или познание.

Все это просто и убедительно лишь по виду. Генерализация и одновременное повышение степени абстрактности привели к утрате признака телесного существования, поскольку если увеличивается объем, уменьшается содержание. В соответствии с этим была утрачена разница между идеальным и материальным существованием.

С точки зрения лингвистики описанная трансформация – результат метафорического переноса по функции (скажем, в исторических романах до сих пор пишут «гусиное перо скрипело по бумаге», хотя никакие другие пишущие орудия, кроме настоящих перьев, до XIX в. «перьями» не называли; «паркерское перо» – перенос по функции; «гусиное перо» в исторических романах современного написания – логически избыточный термин).

Если подойти с позиций лингвосомиотики, – сдвиг и расширение значения интересующего нас термина имеют вид функции от аргумента, каковым был признан или стал *признак бытия*, существования (сознание тоже *существует!*). В настоящее время бороться с устоявшимися словоупотреблением двусмысленного термина «реальность» и избыточного термина «объективная реальность» практически незачем.

Похожая трансформация часто характеризует и понятие «идеальное». Это качество, свойство, *признак* сознания стал рассматриваться как дискретный объект, вещь, самостоятельная субстанция. И совпал при этом со своим носителем. Попытка дифференциации привела в одном

из случаев к увеличению объема понятия: идеальное стало обозначать и материальное – формы культуры, деятельность и проч. Эксплицировалось оно как «духовное содержание» предметов культуры, их «целесообразность», нормативность, превращенная форма и т.д. Увеличение объема – уменьшение содержания. Идеальное утратило признак атрибутивности, неотъемлемости от сознания человека. Другая попытка – «вернуть все на место» – привела к исключению признака intersубъективного, надличностного из самого сознания.

Попутно встал вопрос: если идеальное – атрибут *сознания*, то что сказать о бессознательном? Идеально ли оно? Могут ли существовать неидеальные элементы, процессы и состояния психики?

Термин «идеальное» прочнее всего связан с гегелевской традицией; в то время о бессознательном философия в нашем понимании ничего не говорила. Поэтому сейчас нелегко распространить термин «идеальное» на бессознательное, пред- и подсознательное. Некоторые общие соображения, однако, можно высказать.

Распространение «идеального» при попытке объединения гносеологического и онтологического подходов к его анализу на пред-, под- и бессознательное, так же, как онтологизация понятия «информация», позволяет сильно расширить семиотические претензии, ибо если значение есть специализированное идеальное, то там, где присутствует идеальное, присутствует и значение. Возникает соблазн рассматривать тогда не только ощущения, но и нейрофизиологические «коды», и биологические механизмы наследственности, и другие природные процессы как актуальную семиотическую деятельность.

У. Эко разъясняет использование термина «код» в следующих четырех отношениях.

а) Сет сигналов, управляемых внутренними законами комбинаторики. Они могут идти по каналу просто для того, чтобы проверить механические возможности аппарата, ничего не «передавая»; их можно назвать синтаксической системой.

б) Сет состояний (объекта), принимаемый во внимание как набор понятий об этих состояниях; они могут служить коммуникативными сущностями. Это содержание семантической системы.

в) Сет состояний бихевиористских ответов со стороны адресата. Они независимы от системы б), могут быть вызваны системой а); при рассуждении с позиций коммуникации, ответы есть доказательство того, что послание правильно принято. Но этим можно пренебречь, потому что теперь ответы (реакции) исследуются независимо от несущих элементов.

г) Правило, объединяющее в диаду некоторые кванты системы а) и систем б) или в). Это правило устанавливает, что данная область синтаксических сигналов соотносится с данным состоянием объекта или же данным сегментированием семантической системы; что и синтаксическая, и семантическая единица, однажды объединенные, могут соответствовать данной реакции; или же что данная область сигналов соответствует данной реакции, даже если никакая семантическая единица не сигнализируется. Только этот последний комплекс и есть *код*⁶⁵.

Завоевая важную гносеологическую позицию, согласно которой ощущения, нейрофизиологические импульсы и «биологические коды» можно рассматривать как знаки *suī generis*, семиотика теряет философски еще более важную позицию, завоеванную ранее, а именно: знаковая ситуация включает *сознательного субъекта*; знак есть именно репрезентант именно смысла. Все акцидентальные свойства знаков зависят от гносеологических возможностей, способностей и целей субъекта. Идеальное начинает выступать как значение именно в знаковой ситуации, там, где нечто начинает функционировать как знак; для этого идеальное качество сознания, во-первых, должно *быть*, во-вторых, должно *представлять* объективный мир, и в-третьих, должно пережить спецификацию, став *значением*.

Высшие психические образы могут служить и служат основными компонентами высших знаковых ситуаций – символических, в которых субъект имеет много ролевых включений. Низшие психические образы служат основным компонентом (интегрированным с возможными модальностями) значения *сигналов*, исторически первых знаков. Когда сигнал отделился от биологического реагирования *immedia*, тогда он и стал знаком; тогда и обособились ощущения и восприятия в качестве значений. (И в высших ситуациях они тоже есть: это модальности).

Что условно-рефлекторное поведение является сигнальным (и в этом смысле – актом семиозиса), в настоящее время общепризнано. Но вот матричное самокопирование, дублирование, на котором и основаны «биологические коды», – нет. В них *нет* идеального, ни в какой форме. Хотя разгадка наследственности и «считывание информации», происходящие при появлении способного к этой умственной деятельности субъекта, – это ситуация знаковая. Однако это именно достраивание декомпозированной диады, в которой смысл занимает свое место при интерпретации биологического механизма как знакового, а не просто строго упорядоченного редуплицирования.

⁶⁵ Эко У. Теория семиотики. – С. 36–37.

Какое же звено стоит на границе между матричным самокопированием и условным рефлексом? Это врожденный рефлекс (или инстинкт) подражания, *mimēsis*. На стадии древних рептилий произошел разрыв между непосредственным, наследственным и сигнальным поведением, основанном на подражании, а не дублировании. Это «веха» на пути к сознанию и «идеальному».

Еще одно решающее деление произошло на уровне птиц и млекопитающих, поскольку еще у рептилий сигнал со значением имитации, например, запрета, не был выделен в знак, а сливался с двигательными-механическими реакциями. У более сложных организмов происходит поляризация этих функций. Это врожденная противоположность имитации как согласного действия всего отряда или вида: сигнал «стоп!». Его научное название – инстинкт интердикции: это способность сигнально затормозить у другой особи любое отклонение от стереотипа поведения. Так появляется система первых сигналов в собственном смысле этого слова – знаков, основанных на значениях, психически приведенных с ними в соответствие. Сенсорно-сигнальные системы вырастают из биологически релевантных (отобранных на уровне особей и ушедших в наследственность, став безусловно-рефлекторными) паттернов поведения.

Конечно, возможность семиотических актов заложена в самой природе в виде отношения представления, иначе символическое поведение и вообще сознание действительно пришлось бы объяснять как мистический «высший дар». Эта возможность на базисном уровне живого выступает как взаимоприспособление организмов и среды обитания. Однако это именно и только природные *основы* будущей репрезентации посредством знаковых систем, функционирующих на базе развитого сознания.

Вторая проблема этого круга философских вопросов – о пред-, под- и бессознательном до-идеальном – это механизм самой индукции (идеального) значения при предъявлении знака в коммуникативной или учебной познавательной ситуации.

Г. Фреге сетовал: «Я должен удовлетвориться возможностью представить читателю мысль, саму по себе внечувственную, в чувственной языковой оболочке... Чувственное неизменно вторгается в область внечувственно, сообщая выражениям образность и, следовательно, неточность. Так возникает борьба с языком, вынуждающая меня заниматься лингвистическими проблемами...»⁶⁶. Язык не дает приблизиться к объекту

⁶⁶ Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. – С. 30.

как особенному, уводя от него почти через каждое слово. Метонимии и метафоры, переносы и синекдохи (знаки «часть вместо целого») создают *видимость* научных объяснений.

В действительности, как именно происходит переход от материального к идеальному, – пока загадка. Нейрофизиолог с точностью до иона «на ультраклеточном уровне» объясняет работу мозга, а дальше говорит: «Стоп. Сознание идеально». Механизм индукции значения – некий X.

Нейропсихологи несколько продвинулись в других важных вопросах: например, выяснилось назначение загадочного «тэта-ритма» мозга. Известно, что так называемый «альфа-ритм» – признак функционирования мозга при операциях восприятия, он отражает процесс квантования внешних стимулов. Эти стимулы вызывают разные реакции в левом и правом полушарии и «запоминаются» по-разному: по акустическим, перцептивным, пространственным и т.д. свойствам. Тэта-ритм, напротив, сопутствует квантованию внутренних состояний мозга, воспринимающего и мыслящего.

Выяснилось еще, что, хотя вербализованная информация и кодируется *левым* полушарием, решающее значение имеет появление при этом в кодах *правого* полушария специального знака-метки; это фиксация самого факта запечатлевания. Сличение значений происходит при помощи этой метки. Это один из возможных путей установления корреляции и объяснения механизма индукции значения при предъявлении знака.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое неявное знание?
2. Какие существуют примеры неявного знания?
3. Как возникает и передается смысл?
4. Что такое инстинкт интердикции?
5. Почему так труден литературный перевод?

Темы рефератов

1. Концепция неявного знания М. Полани.
2. Значение и проблема идеального.
3. Специфика литературного перевода.

Глава 8. СИНТЕЗ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ И СЕМИОТИКИ

Проблема идеального (как общественного, так и индивидуального) сознания не может решаться изолированно от центральной гносеологической проблемы – истинного знания. «Можно улучшить теорию значения, если заменить условия подтверждаемости на условия истинности». (Д. Дэвидсон).

Перейдем к этому заключительному вопросу более подробно.

История семиотики демонстрирует нам, как в новейшее время происходило вытеснение классической гносеологической проблемы *истины* знания неклассической эпистемологической проблемой *значения и смысла* выражения и постнеклассической онтологией, трактующей об истине *бытия*. Обе последних стали современной «классикой». В действительности проблема значения и проблема истины не подменяют друг друга и не решают многие вопросы, составляющие прерогативу семиотики или теории познания, соответственно. Однако они тесно взаимосвязаны и сильно влияют друг на друга. Еще Г. Фреге говорил, что область, в которой применимо понятие истинности, – это смысл.

Фреге писал, что отличие представлений от реальности является самым существенным при определении истинности, хотя, по видимому, в этом случае не может быть полного совпадения и полной истины. Но тогда ничто вообще нельзя признать истинным: то, что истинно только наполовину, то, что допускает градации, – уже не истина? Или это вопрос диалектики абсолютного и относительного? «Зависит ли значение предложения от условий его истинности?»⁶⁷

Семиотический подход позволяет по-своему широко и грамотно поставить вопрос о сущности истины, проблематизировать ее и приблизиться к философскому решению, подготовить, хотя и не заменить его.

§ 1. Сигнификация и проблема истины

Поскольку формы чувственного познания привязаны к своему объекту, а мысль свободна, – во всяком случае, мы признаем ее свободой, – чаще всего рассуждают об истинности *суждений, выражающих мысль*.

Английский философ конца XX- начала XXI вв., знаток творчества Фреге и Витгенштейна М. Даммит ввел для объяснений следующий принцип: если утверждение истинно, должно существовать нечто такое, благодаря чему оно истинно. Этот принцип лежит в основе попыток

⁶⁷ Даммит М. Что такое теория значения? // Философия, логика, язык. – С. 127.

объяснить истину как соответствие между утверждением и некоторым фрагментом реальности.

Но и такой уход от конвенций и возвращение к объективному рассмотрению заключен в рамки типичного для логики и лингвистической философии анализа истины как истины высказывания, т.е. *знакового выражения*. Установив условия истинности, мы одновременно устанавливаем значение предложения (А. Тарски). «Условие-истинностная» концепция значения Д. Дэвидсона в сочетании с формальной синтаксической теорией должна была дать теорию значения для любого полноценного естественного языка.

Не подвергая это сомнению – иначе сомнению подвергается эвристическая способность знаков! – необходимо поставить вопрос иначе: может ли быть истинным (соответствовать действительности, согласовываться с ней и т.п.) высказывание само по себе, без того, чтобы было истинным его идеальное содержание, смысл, заключенный в суждении? Именно смысл – субстанция языка; поэтому данная проблема – проблема адекватности идеального и материального.

Не только лингвосомиотические, лингвоаналитические, логико-семиотические исследования порождают и по-своему ставят проблему истины. Изучение символизации в разных формах общественного сознания позволяет сохранить целостность образа науки и культуры, не отменяя при этом разных познавательных моделей и вписываясь в сложившуюся практику научных исследований. Исследования условности моды, символизма в искусстве, религии, юридических кодексов, идеологических ходов и интерпретаций раскрывают, разворачивают проблему истины, и в том случае, когда это только описание нормативов, художественных форм и приемов и т.д., и в том, когда предпринимается объяснение сущности конвенции, подразумевания, аллегории, манипуляции сознанием и языком.

Важен и сам факт понимания символизма как уникального способа материализации абстракций при «вопрошании природы», соотнесения субъекта и объекта в совокупном познавательном процессе, в акте коммуникации.

Постановка проблемы истины зависит от того, как поняты семиотические отношения.

Теория истины как референции кладет в основу сигматику – отношение знака (имени, высказывания) к объекту; теория истины как эффективности, или полезности – отношение знака к субъекту, прагматику; теория истины как согласования высказываний (и вообще

всякие оттенки конвенционализма и операционализма) – отношения знаков между собой, синтактику; теория истины как корреспонденции – отношение знака к смыслу, семантику; а та область, которую изучают совместно семиотика, логика, эпистемология, в какой-то мере и психология – отношение смысла к объекту – в зависимости от того, как решается проблема идеального, описываясь либо теорией когерентности, либо теорией рефлексии, отражения.

Термин «отнесенность» или «соотнесенность» сам по себе еще не говорит об истинности чего бы то ни было; он нуждается в видовых отличиях. Таковыми выступают (метафоры) «соответствие», «согласование», «совпадение», «совмещение» и др.

Термин же «адекватность», имеющий солидную традицию, должен быть сохранен; но его содержание должно быть описано и с точки зрения объема и структуры («изоморфизм», например), и с точки зрения содержания, с выявлением признаков *сходства* и *подобия* как необходимых экспликанд. Термин «адекватность» должен перестать ассоциироваться с согласованием («голос»), соответствием («ответ»), совмещением («место»), или «изоморфизмом» («форма») и моделью («модус», уменьшенный вид) и проч., ибо, во-первых, сам он этимологически ничего не означает, кроме приравнивания, эквиваленции; во-вторых, выступая синонимом приведенных отношений, становится неопределенным, подменяя развитые теории – референции, корреспонденции, когерентности и др.

Решение проблемы истины требует осознания более глубокого, чем «кассиреровский, символизма, описывающего человека как «животное символическое» и мир культуры как знаковый, и более широкого, чем универсализация информационных процессов, позволяющая всю природу считать колоссальной «языковой» системой.

Это решение требует от нас пересмотра качества и сущности связи между субъектом и объектом – тема, почти отмененная десятилетиями постмодернизма, трактующего не о познании, но о *понимании*...

Пояснение: «истинность» – характеристика сознания; «понятность» – характеристика объекта познания, встроенность его в данную семантическую и синтактическую систему в данных социокультурных обстоятельствах. Знание может быть истинным или ложным, а объект – понятным или непонятным. Знание отражает объект; знак его символизирует.

О том, что процесс познания – своеобразное единство отражения и обозначения, писали практически все крупные философы: Гегель и Фихте, Фреге и Пирс. Но вот 1930 г. М. Хайдеггер поставил проблему именно так: исследовал роль репрезентации не просто в актах познания,

которые всегда дополняются обозначениями, но в процессах уподобления высказывания противостоящей вещи как таковой, «в ее открытом сущем».⁶⁸

Хайдеггер рассматривает, что такое, в сущности, *подобие*, и доказывает, что подобие неподобных по природе явлений не только возможно, но оно одно только и позволяет сравнивать высказывание об объекте и самый объект. Он пишет: «Уподобление не может здесь означать вещественного процесса уравнивания между неоднородными вещами» (с. 95). Хайдеггер прав, утверждая возможность подобия вещей, различных по своей природе.

Собственно, то же говорил в «Кратиле» и Платон.

На гораздо менее индивидуализированном и поэтизированном языке об истине как представленности, имеющей «направление совпадения», пишет Дж.Р. Серль. Его *direction of fit* просто и коротко объясняет обращенность субъекта на порядок вещей или порядок сознательных состояний. Неязыковой пример, который приводит Серль, хорошо объясняет «направление адекватации»: «Вследствие того, что соответствие является симметричным отношением, существование разных *направлений* соответствия может породить недоумение... Когда Золушка идет в магазин купить себе пару новых туфель, размер своей ноги она считает данным и подбирает под него туфли. Однако когда принц ищет обладательницу хрустального башмачка, он исходит из его размеров и подбирает ногу под башмачок»⁶⁹.

§ 2. Решение проблемы истины

Ни правильность, ни согласованность, ни действительность сами по себе не являются дефинитивными признаками истины, ибо правильность появляется, когда истина уже есть, и сама через истину определяется, а согласованность и действительность характеризуют не только истину, но и другие отношения и состояния. Важно выяснить, какие именно признаки, свойства, отличия делают образ истинным. Первый признак, как известно – это объективированность. Первое условие истинности есть и первое условие образности – наличие «другого», *des Entgegens*. Надо иметь *оригинал*, чтобы быть его образом, материальным или идеальным. Второй признак – сходство с этим

⁶⁸ Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. – 1989. – № 4. – С. 95.

⁶⁹ Серль Дж. Цит. соч. – С.103.

оригиналом, и не только геометрическое или физическое, структурное или функциональное, генетическое или внешнее, но и то, и другое, и третье, и еще многие, иные, виды сходства. Когда некое отношение становится презентацией, оно тем самым становится *в сущности* подобием (а в не-сущности, т.е., в отдельных деталях и проявлениях, оно может оставаться не-подобием). Истина – идеальный образ и подобие природы.

Объективность – родовой признак отражения *вообще*. Сходство – признак истинного образа.

Разные науки по-разному представляют себе истину, ибо сходство может быть различным. Один и тот же цветок называется в ботанических определителях и «звездчатка», и «мокрица»: по разным очевидным свойствам. Какое имя больше «похоже» на цветок? В русских названиях растений встречаются полные кальки с латыни: *arenaria* – песчанка, *saponaria* – мыльнянка, *salsola* – солянка, *lunaria* – лунник, *argentea* – серебристая, *fumaria* – дымянка, и т.д. Есть и несовпадения, и их не меньше: *pumpea* – кувшинка, *fragaria* – земляника, *pulsatilla* – подснежник с официальным названием «сон-трава», и проч. Гвоздика по латыни *dianthus*, а гвоздичные – *carophyllaceae*, совершенно другой корень. Это свидетельствует о бесчисленных возможностях сознания и языка отображать бесчисленные стороны, свойства, признаки, моменты, отношения объектов.

То, что один номотетик («присвоитель имен») уловил в растении сходство с кувшином (или гвоздиком, змеей, золотом), другой – с нимфой, а не с кувшином; то, что одно и то же растение получило имя «душистая» и «земляника», – не означает истинности одних имен и неистинности других. Это результат интерпретации воздействия внешних свойств на органы чувств. Истина, конечно, субъективна, и это проявляется во многих отношениях; она, прежде всего, принадлежит субъекту и вне него не существует. И не только конструктивизация, категоризация, установки и ожидания, присущие высшим познавательным ситуациям, но и физиологические ограничения восприятий и ощущений возможностями самой нервной системы накладываются на отражение объекта, делая образ субъективным.

Что же можно признать гарантом истинности отражения?

Например, как может быть неправильным изображение в зеркале? Допустим, мы имеем неровную зеркальную поверхность. Но ведь законы оптики не изменятся, когда кривое зеркало явит нам иной образ, чем гладкое, «правильное»? Это будет истинный образ, отброшенный «неправильным» зеркалом. Их различие – дело субъективное, вопрос

интерпретации, целей использования образа. Кажимость – тоже явление, не нарушающее законов природы и не выходящее за их рамки. Считать его обманом со стороны объекта или ошибкой со стороны человека, нарекать неистинным образом в познании нельзя каким-то абсолютным способом. Просто луч дольше скользит по неровной поверхности; кажимость – явление, отраженное не кратчайшим путем от внешнего к внутреннему, а долгим, осложненным и опосредованным.

«Неистинный» образ, стало быть, получен «не тем», «не так» или «не там» – это пороки методического порядка. Человек, «мера всех вещей», устанавливает существование или несуществование референции объекта и «зеркала», а также «кривизну» или «плоскость» его поверхности, руководствуясь интуицией, конвенцией, традицией, плодотворностью, эффективностью и проч.; вспомогательных критериев истины очень много.

Особый случай: образ на зеркале с ровной поверхностью, который изображает не весь объект, а какую-либо часть. Он может быть квалифицирован как истинное изображение (в операциях анализа), как единственно доступное, а потому полезное и приемлемое (модель), или как обман, «фигура умолчания», недостаточное и неистинное (в социальных науках).

Еще более ценным, нежели методологический, всегда является мировоззренческий аспект проверки истинности высказывания и/или суждения.

Не только в разных науках, но и в самой философии существует плюрализм понимания того, что есть истина. Как категория, истина – прерогатива теории познания и логики; другие виды познания пользуются этим термином нестрого, а другие формы общественного сознания имеют свои аналоги истины: полезность, конвенция, вера, доказуемость, очевидность и пр. Истинность в гносеологическом плане характеризуется совпадением, конформностью, или конгруэнтностью, на основе существующего подобия образа и объекта; в мировоззренческом – объективированностью, генетической вторичностью; в методологическом – нормативностью, правильностью (от слова «правило»); в аксиологическом – ценностью («правда, справедливость»); в праксеологическом – полезностью и надежностью. Вообще в науке истина – это достоверность, в искусстве – типизация, в религии – вера, в политике – договор, в экономике – профит и т.д. Неистинность же в гносеологическом плане – несовпадение, расподобление образа и объекта; в мировоззренческом – фантазия или мистика; в методологическом – заблуждение, т.е. ошибка метода, или ложь; в аксиологии – вред, несправедливость; в праксеологии –

ненадежность и неэффективность и т.д. Эпистемологически, истина – это принцип научного познания; не-истинность – нарушение принципа, но она также возникает из сущности истины (М. Хайдеггер). Отступления от истины имеют разные причины, в том числе и ту, на которую указывал Ф.Бэкон: людям нравится ложь.

Поэтому все отступления должны получать разные объяснения.

Критерии истины в разных областях знания, культуры в целом, должны сильно различаться.

И отражение, и презентация, и идеальное, и истинное имеют свою историю; имеет ее и критерий истины.

Адекватность психических образов низших порядков следует выводить из их биологической релевантности.

Ощущения и восприятие были «правильны», полезны и служили продолжению рода в тех случаях, когда отображали повторяющиеся, не случайные, а необходимые связи (свойства, отношения) вещей. Они и запоминались, сохранялись вместе с эволюционирующим родом, и были «ближе» к объекту, ибо чем чаще столкновения с объектом, тем яснее, надежнее, правильное образ.

Интересна была идея немецкого психолога и философа Вильгельма Дильтея о том, что у людей изначально имеется критерий истинности: это чувство удовольствия, кратчайший путь анализа биологической релевантности ощущений, подтверждающий правильность отражения жизненно важных свойств вещи. «Знание о вреде и пользе внешних вещей, о том, что повышает и понижает благосостояние живого организма, единообразно представлено во всем животном и человеческом мире чувствами радости и страдания»⁷⁰.

Действительно, разъясняет Дильтей, без этого механизма новорожденному и грудному младенцу должно было бы для выживания быть известно, какая пища, начиная с молока матери, полезна и какая вредна, пригоден или непригоден воздух для первого вдоха, какая температура необходима для поддержания жизненных процессов, какого рода отношения к подобным себе особям для него всего выгоднее, и т.д. Очевидно, подобное существо должно было бы быть, по выражению психолога, «всезнайкой». Однако природа разрешила эту задачу со значительно меньшей затратой сил, бережливо. «Наши восприятия составляют систему знаков для выражения неизвестных нам свойств внешнего мира: таким образом, и чувства наши являются знаками.

⁷⁰ Дильтей В. Описательная психология. – М.: 1924. – С. 84–85.

Они также образуют систему знаков, а именно, для рода и степеней жизненности состояний Я и условий, воздействующих на это Я»⁷¹. Так в свое время писал В. Дильтей.

Принимая эту точку зрения, можно сказать, что чувственные образы, возникающие в нормальном, здоровом организме, в принципе «истинны». Ошибка чувства – это дисфункция системы, болезнь, при которой психика патологически меняется: например, потеря чувства боли. Конкретность истины должна быть объяснена не только как зависимость от условий существования сознания, но и, в первую очередь, как *зависимость от самостоятельного существования объектов*. В картине универсального взаимодействия Вселенной все же не теряется существенное их свойство – не вступать (релевантно для человеческой практики и науки) в осязаемое конкретное взаимодействие с бесконечно удаленными во времени и пространстве другими объектами.

Истинность – человеческое измерение представленности мира в сознании. Это наиболее полная и совершенная характеристика познания.

По природе истина идеальна. Истинность – это характеристика знания, а не вещи.

Знание можно охарактеризовать как *обнаружение и принятие* («понимание», т.е. «имение», присвоение) *бытия, участие* человека в конкретном существовании объекта так, что он (объект) оказывается замещенным, а точнее, он презентирован, *представлен* (vorgestellt), *обо-значен* идеальным образом (в обоих смыслах слова «образ» и в обоих смыслах слова «идеальное»).

Истинное знание есть идеальный образ, и как таковой он обладает свойствами презентации и объективированности, присущими любому отношению отражения. Не-истинный образ представляет собой не-сущность; но он есть, тем не менее, презентация, подобие, отражение, взаимодействие. Существенность элементов объекта познания определяется на практике.

Сущность истины – *идеальная представленность и передача (транспортиция, трансференция) порядка*, т.е. следования вещей, свойств и отношений, событий и действий одного подле другого и одного после другого. Истина сочетает процессуальность и результативность с акцентом на относительно завершенном знании – устойчивой презентации. Субъективно переживаемая, истина есть чувство удовольствия от раскрытого, воспринятого, присвоенного порядка.

⁷¹ Там же. – С. 85.

Отступления от истины имеют разные причины и потому должны получить отдельные характеристики. Некоторые свойства истины, упоминаемые здесь, относятся и к не-истине; другие не относятся. Но в главном не-истина – не атрибут идеального. Сознание – в общем и целом истинный образ. Родовые признаки истины, следовательно, – сходство с объектом, подобие ему, идеальная презентация.

Мера глубины истины – это представленность раскрытой сущности. Мера полноты – представленность раскрытого родового признака объекта познания. Мера строгости – изоморфизм (мера подобия «вообще» – «морфизм»).

Акцидентальные признаки истины – транспортиция необходимого или случайного, внешнего или внутреннего, очевидного и неочевидного, содержательного и формального и т.д.

Вопросы для самоконтроля

1. Как соотносятся проблема значения и проблема истины?
2. Зависит ли постановка проблемы истины от того, как поняты семиотические отношения?
3. Как помогает решить проблему истины семиотический подход?
4. Что такое знание?
5. Что такое истина?

Темы рефератов

1. Проблема знака и значения.
2. Проблема образа и знака.
3. Сигнификация и проблема истины.

Глава 9. СЕМИОТИКА И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Семиотика подчиняется общим философским законам: она складывается как теория познания, которая затем служит фундаментом для практических дисциплин: этики, эстетики и социальной философии, а будучи достаточно развитой, может составить и составляет своеобразную методологию. А какое социальное значение уже имеет семиотика?

«Социальная» семиотика, вообще говоря, плеоназм, так же, как и «социальная» философия; та и другая суть науки социально-гуманитарные, в широком смысле слова «социальное». Что же в семиотике «социально» в строгом, узком смысле?

Очевидно, не техническая семиотика и не синтактика; и даже позитивистская философия доказала это, почти сразу обратившись к семантике с ее проблематикой смысла и значения. Да и семантика, являясь наиболее абстрактной теоретической частью семиотики, не вполне социальна: ведь строя теорию, мы должны поначалу абстрагироваться от богатого содержания нашего предмета, чтобы прийти к *сущности*. «Ввод» в теорию должен быть абстрактным, контекстно-свободным. А вот венчающая часть семиотики, прагматика, безусловно, должна быть контекстно-связана, богата *по содержанию*. Семиотика становится социальной, когда обретает социальное значение.

Широко принятое тройственное деление семиотики, вообще говоря, не является последним шагом на пути ее формирования, развития и завершения. Можно было бы пойти путем увеличения количества составных частей семиотики, приложив усилия по конструированию *сигматики* – науки об отношении знаков непосредственно к объектам. Начинать можно было бы с анализа остенсивных определений: единственной явной связи идеального и материального мира. Однако думается, что сигматике будет трудно составить альтернативу уже имеющимся на сегодняшний день десяткам тысяч научных дисциплин, из которых каждая порознь, а все вместе, занимаются именно этим: изучением отношения знаковых систем к фрагментам реальной действительности. В этом, безусловно, состоит их эвристическая роль в познании, и не только научном.

Есть и другой путь, противоположный. Можно назвать его дефляционным: коротко говоря, лучше всего осознать семиотику как состоящую лишь из двух частей, семантики и прагматики. Ю.С. Степанов подчеркивал, что синтактика «в чистом виде», как формальный синтаксис,

семиотику никогда не интересовала: это область математики. Семиотика всегда занималась синтактикой в той или иной связи с семантикой. Однако если мы заинтересованы в изучении «социальности», мы должны обратить свое внимание и познавательное усилие на прагматику.

А поможет ли это преодолеть разобщенность этих двух основных частей семиотики и приблизить «завершение проекта»? Само по себе нет. Между семантикой и прагматикой существует качественное различие предмета, тезауруса, словаря, объяснительных приемов, синтагматики. Первая нацелена на познание; вторая на коммуникацию. Семантика строга и аскетична, как аналитическая философия; прагматика разнообразна и «оживленна», она интереснее и, безусловно, эклектичнее. Она не достигает столь высокого уровня абстрактного теоретизирования, и даже логика прагматической аргументации почти наглядно отличается от ригоризма семантики. Как средневековый реализм от номинализма, как небо неизменного движения хрустальных светил от непредсказуемой, мятущейся земли, так различаются эти две части семиотики, неразрывно взаимно связанные и противоположные. Разницу между ними легче всего понять на основе сопоставления предельных объяснительных абстракций: семантика руководствуется категорией (бедной и ясной) *сущности*, прагматика – категорией (изменчивого и богатого) *содержания*.

«Принцип наибольшего удовольствия», или, как сказал бы современный английский эпистемолог Уильям Дезмонд, принцип «наибольшего удивления»⁷², которым руководствуется семантика, – это древнее, как сама философия, изречение: *всё есть одно*. «Принцип наибольшего удовольствия» и удивления для прагматики хорошо сформулировал Вильгельм Баскервильский, герой романа «Имя розы» Умберто Эко (“Il Nome della rosa”, 1980, Engl; 1989, рус.). Его прототипом был Уильям Оккам. В коротком пересказе: не так много радости осознавать, что все есть одно; гораздо важнее и захватывающе интересно, что господь Бог в неизреченной милости своей сделал так, что этого «Одного» так *много!* Оно существует в бесконечном чарующем многообразии видов и форм...

И здесь, в заключение, можно наметить пути дальнейшего развития семиотики на пути к целостности, если не к завершенности.

Основная сложность состоит в отсутствии механизма перехода, своеобразного code-switch (переключение кода) от семантики к прагматике и обратно. Мы должны его обнаружить, что предпочтительнее, либо

⁷² Desmond, William. Are We All Scholastics Now? – P. 1; 16-18.

сконструировать, что тоже достойно. Достаточно сказать, что выдающийся философ XX века У. в.О. Куайн (обсуждая дуализм мышления и тела, mind/body problem), утверждал, что если мышление и тело должны взаимодействовать, то нам нужно искать механизм этого взаимодействия.⁷³

Начинать можно с теории и в особенности *практики коммуникации*, как они изложены в работах Деборы Таннен, американского философа и психолога. Имеется в виду её уже упоминавшаяся небольшая книга «Я не то имел в виду!» Пожалуй, именно здесь, в учении о «метасланиях», “metamessages”, содержится демонстрация работы «переключателя», объединяющего «твёрдое ядро» информации и эфемерного, но от этого не менее реального «пояса» модальностей (в нашей терминологии, «криптокомпонента» значения). Это не просто «точка бифуркации», это поле смыслов. Именно они составляют веер коммуникации.

Это мир прагматики. Коммуникативный стиль определяет фон, на котором, в когнитивном фокусе, располагаются «частицы», биты информации. Д. Таннен пишет о «двойной связи», определяющей общение людей: это одновременное стремление к независимости и к вовлеченности, необходимость в связи с другими и потребность в уединении. Социальное значение содержится не в словарях; оно живет в двойной связи коммуникации. Это не конфликт: чувство разорванности меж двух альтернатив; это не амбивалентность – осознание существования двух путей к одной цели; это именно двойная спираль, более прочная, чем днк... мы не можем разорвать этот круг, удерживающий нас среди других людей. Д. Таннен подчеркивает, что коммуникация никогда не может стать «перфектной», совершенной; мы не можем достичь «стазиса». Мы должны балансировать между свободой и безопасностью, знакомым и чуждым, близостью и дистанцией, постоянно приспособляясь к ситуации, меняя стили общения. Эти стили – не просто «пудра на торте», это сам состав, из которого выпекается торт⁷⁴. Инструментами, создающими социальность, то есть прагматику, являются, согласно теории Таннен, следующие: экспрессивная реакция, вопрос,

⁷³ Уиллард ван Орман Куайн. Вещи и их место в теориях. Пер. А. Л. Никифорова. **Источник сканирования:** Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия (составление, перевод, примечания и комментарии А.А. Печенкина). М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. Quine, W. v.O. *Things and Their Place in Theories* (1981). The Belknap Press of Harvard University Press. Camb., Mass., pp. 1-23. Transl. by A.L. Nikiforov. *Modern Philosophy: Knowledge, Rationality, Values in West Thinkers' Opera. Manual reader /comp., transl., comm. by A.A. Pechenkin / (1996). Moscow, Logos Inc.*

⁷⁴ Д. Таннен. Цит. соч., с. 33.

жалоба и извинение. Отвлекаясь от ситуационных различий их применения, зависящих от многообразия культур и традиций, можно утверждать, что комбинация этих средств составляет механизм переключения от синтактики/семантики к подлинно социальному миру прагматики.

Конечно, все они заслуживают специального изучения; однако это тема другого, специального исследования, составляющего задачу теории коммуникации.

Итак, дабы завершить семиотику как социальный проект, тем придав ей практическую силу, необходимо изучать социальные значения, которые существуют, обитая в мире прагматики, а именно, в сфере коммуникации. Дабы стать гомогенной и подлинно социальной, семиотика должна обладать инструментами социализации самых абстрактных сфер, в которых «живут» знаки и символы. Комбинация основных средств конструирования метасланий предоставляет нам необходимый и достаточный механизм перехода, или переключения, от «чистого» познания к общению, а в самом общении – установления баланса между когнитивным «ядром» информации, богатыми модальностями и скрывающимся, но от этого не менее важным стремлением к одновременному существованию и в качестве довлеющей личности – и в прочном кругу себе подобных. Это самое глубокое влечение, это, как сказал Питер Кемп, Президент XXII Всемирного Философского Конгресса, “the deepest drive we have”. (Сеул, 2008 г.).

А на XXIII Всемирном Философском Конгрессе, проходившем на исторической родине философии и семиотики, в Афинах (2013 г.), философ первой десятки Эвандро Агацци подчеркнул в своем пленарном докладе, что и для самой абстрактной позитивистской науки, аналитической философии, необходим поворот к социальным темам – культурологический поворот.

Вопросы для самоконтроля

1. Можно ли семиотику называть «социальной»?
2. Является ли семиотика «законченным проектом»?
3. Для чего семиотике необходим культурологический поворот?

Темы рефератов

1. Семиотика и ее социальное значение.
2. Творчество Д. Таннен и ее вклад в семиотику и теорию коммуникации.

МЕМФИССКИЙ БОГОСЛОВСКИЙ ТРАКТАТ

Семиотический треугольник, известный под именами немецкого математика и логика Фреге или английских семантиков Огдена и Ричардса, сложился задолго до самой семиотики.

Обратимся к важному произведению *Вяч. Вс. Иванова* ДО – ВРЕМЯ – ПОСЛЕ? – предисловию к кн.: *Генри Франкфорт, Г.А. Гройневеген-Франкфорт, Джон А. Уилсон, Торкильд Якобсен. В преддверии философии.* М.: Наука, 1984 (как, собственно, и к самой книге). Во вводной статье он рассматривает так называемый «Мемфисский богословский трактат», документ, связанный с идеей *творения*, оригинал которого обычно датируется серединой III тысячелетия до н.э. (если не полтысячелетием раньше). Это самый первый известный нам философский текст. «...Творение выражается в философских терминах в той мере, в какой египтянин был вообще на это способен: мысль, посетившая сердце бога, и произнесение повеления, воплощающего эту мысль в реальность. ...Здесь... мы вплотную подходим к подоплеке учения о Логосе в Новом завете: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». (С. 66).

Авторы уделяют трактату пристальное внимание. Памятник, о котором идет речь, – поврежденный камень, хранящийся в Британском музее и носящий имя фараона, правившего около 700 г. до н.э. Фараон утверждает, что только скопировал надпись, сделанную его предками. Его заявление подтверждается языком и типично ранним внешним оформлением текста. Перед нами документ, дошедший от самых ранних времен египетской истории, от тех времен, когда первые династии основали новую столицу в Мемфисе, городе бога Птаха. Мемфис как центр теократического государства начинался на пустом месте, до этого он не имел никакого национального значения. Хуже того, Гелиополь, традиционная религиозная столица Египта, дом бога солнца и бога-творца Рэ-Атума, находился всего в 25 милях от Мемфиса. Необходимо было как-то оправдать новое расположение центра мира. Текст, о котором идет речь, – часть теологического аргумента в пользу приоритета бога Птаха и тем самым его жилища Мемфиса. Надпись, известная под названием «Мемфисский богословский трактат», – широкая философская система взглядов на происхождение вселенной.

Эта система использует *замысел* как порождение разумом идеи и *осуществление* через произнесение созидательного приказа с помощью речи. Мысль и речь – древние атрибуты власти в Египте... в нашем мемфисском тексте эти два атрибута власти даны в материальных терминах: сердце – орган, в котором мысль зарождается, язык – орган, который эту рожденную мысль превращает в чувственную реальность. Сердце испускает “всё, что завершено”, т.е. каждую образовавшуюся мысль, а затем “язык ...возвещает то, что измысливает сердце”.

Все это приписывается деятельности Птаха, который сам есть мысль и речь в каждом сердце и на каждом языке. Он, таким образом, был первым созидательным началом, каковым является и теперь.

Птах приравнивается к Нун, первобытным водам, из которых возник Атум, обычно считающийся богом-творцом. Это само по себе делает Птаха предшественником бога солнца... “Птах, великий; он – сердце и язык Девятки богов... который зачал богов... воплотилось в сердце и воплотилось на языке [нечто] в образе Атума”. Но созидательная сила Птаха не иссякает после того, как порожден традиционный бог-творец. Всюду, где присутствует мысль и повеление, – творит Птах. Те же созидательные принципы, чье действие в первобытных водах породило Рэ-Атума, действуют и сейчас. (С. 67–68).

До сих пор остается неопровержимой характеристика трактата, данная великим русским египтологом акад. Б.А. Тураевым в его истории египетской литературы, опубликованной в 1920 г.: «Мемфисский богослов едва ли не в половине III тысячелетия до Р.Х. измыслил своеобразную монотеистическую систему и объяснил весь мир как результат мысли и слова божества! Мы не удивимся, что этот текст уже использован историками учения о Логосе и исследователями источников герметизма». (С.5). “...Так были рождены боги,... божественный порядок,... принципы существования,... различие между добром и злом,... искусства, ремесла и все виды человеческой деятельности,... провинции и города...”. (С. 68). И наконец: “так было установлено и понято, что его (Птаха) мощь более мощи (других) богов. И вот Птах отдохнул после того, как создал все, и божественный порядок (слово божие) равным образом”. (С. 69).

В египетской традиции бог Тот (точнее, Тховт) – «язык» другого бога (в частности, Птаха), его «вестник-глашатай» (недаром говорилось потом, что Тховт в Египте то же, что Гермес у греков). Само имя Тховта, возможно, образовано посредством префикса d- от того же корня, который представлен в имени Ху – бога божественного Слова, вместе с Сиа – богиней познания соотносившегося с Рэ также, как Тховт вместе

с Сердцем-мыслью соотносился с Птахом. Но Тховт – и бог, благодаря которому написанное может быть произнесено, создатель всего множества языков, которые различаются физиологически – поворачиванием языка во рту. Здесь действительно проявляется то понимание термина в конкретном физиологическом смысле, о котором писал Уилсон. (С.5).

В Египте имени (бога, фараона, любого явления) приписывалась особая магическая ценность, что при диалогической установке на собеседника... особенно наглядно проявилось в формуле “в имени твоём”, от которой зависела судьба того, к кому обращаются, ср. также в «Текстах Пирамид»: “не умер он, не исчезло его имя”. Сходным образом и в культуре шумерской... наименование, по сути, было равнозначно сотворению – созданию...

Несомненно, что египетские, как и древнемесопотамские представления о магии слова восходят к глубокой древности. И для развития самой шумерской и вавилонской мысли (и для всех окрестных областей, испытывавших их влияние) понимание значимости имени-обозначения было чрезвычайно существенным. (С. 6–7). Оно и вело к фиксации всех возможных обозначений в длинных словарных (по сути дела, уже энциклопедических) тематических списках специальных терминов (географических, зоологических, ботанических и т.п.)... по своему замыслу всеобъемлющих. Списки предполагали полный охват всего словаря и его тематических групп в сочетании с рассмотрением каждой единицы как отдельной и автономной. В этой шумерской традиции коренится уже та ориентация на ключевые слова энциклопедий, справочников, указателей и словарей, которые столько значат для современной формы хранения и передачи научного знания. ...В шумерских, эблаитских, вавилонских (а позднее ассирийских, угаритских и других древнеближневосточных, как еще позднее – древнекитайских) словарных списках можно найти зародыши и научного подхода не только к описываемым фактам, но и к самому языку, на котором они описываются. (С. 7). Это напряженное внимание к обозначению посредством имен, характерное и для ранней греческой традиции, нашло отзвук в позднейших философских спорах об именах вещей и их роли, которые созвучны новейшей науке. (С. 6).

Вот он, описанный впервые, возвеличенный языком мифа древнейшей цивилизации, семиотический треугольник: мысль–слово–мир! (Или: имя–понятие–объект. Или: знак–значение–референт. Или: знак–десигнат–денотат. Или знак–денотат–концепт. Или –...)

ПЛАТОН

Платон был близок и к пифагорейским оценкам такого символа, как число. Поэтому знак языка у Платона диалектически сложен. С одной точки зрения, он воплощает существенные стороны становления: «Мы говорили, что имена обозначают сущность вещей так, как если бы все сущее шествовало, несло и текло» (436е, с. 486). С другой стороны, знак воплощает существенные характеристики неподвижности: «Пожалуй, наиболее правильными мы сочтем имена, установленные для того, что существует вечно, для истинного» (397в, с. 433). И еще: «Но можно ли... что-либо правильно именовать, если оно всегда ускользает?... Разве могло бы быть чем-то то, что никогда не задерживается на одном состоянии?» (439е, д, с. 488).

Другая дилемма: в одной мере, знак произволен: «Если тебе угодно обратиться к числу, – откуда, думаешь ты, взять имена, подходящие каждому из чисел, если ты не согласишься, что условие и договор имеют значение для правильности имен?» (435с, с. 494). Или же: «Ведь ясно, что первый учредитель имен устанавливал их в соответствии с тем, как он постигал вещи?... Значит, если он постигал их неверно, а установил имена в соответствии с тем, как он их постигал, то что ожидает нас, доверившихся ему и за ним последовавших? Что, кроме заблуждения?» (436б, с. 485).

С другой стороны, с самого начала диалога Сократ определенно и даже резко заявляет, что прав Кратил, утверждавший, что имена у вещей от природы, а не Гермоген, считавший, что нет иной правильности имен, кроме произвольного установления. «Тогда как же? Например, если то, что мы теперь называем человеком, я стану именовать лошадью, а то, что теперь лошадью – человеком, значит, для всех человеку будет имя «человек» и только для меня – «лошадь», и наоборот?» (385а, с. 417).

Важные идеи высказывает Платон о видах и степенях сходства знака и обозначаемого. Он исходит из следующего синтеза антитезы конвенционального и обусловленного природой вещи в языковом знаке: имена дают вещам лишь специалисты в своем роде, номотетики, которые действуют, по сравнению с другими людьми, разумеемся, свободно и безусловно, но вместе с тем добросовестность ученых строжайше приковывает их к природе вещи, заставляя соотносываться с ней, а выдающийся ум позволяет сделать это. Поэтому в итоге произвольного действия тех, кто дал первые имена (Кратил считал, что это боги), сами эти имена стали образами, изображениями и выражениями вещей, подобиями

их. Полнота и тождественность изображения зависят от совести и разума номотетиков, первых присвоителей имен. Правда, один законодатель – мастер имен может оказаться хорошим, другой – плохим, так что и среди имен одни будут сделаны хорошо, другие – плохо: «Если отражены все подобающие черты – прекрасно, если же малая часть их – то плохо... Или уж поищи тогда какой-нибудь другой способ правильности и не соглашайся, что имя есть выражение вещи с помощью букв и слогов» (433в. с. 480 – 481).

Итак, конечная цель обозначения – подобие вещам. «Знаешь ли ты иной, лучший способ создать... выражения, нежели сделать их возможно более тождественными тому, что они должны выразить?» (433е, с. 481). Следовательно, знаки языка, и не только имена, но и звуки, и слоги, и буквы изображают природные свойства вещей, ибо подобны им.

Однако нельзя ли обозначить, не изображая, и всегда ли выражение есть подобие? И как далеко заходит отождествление? И единственный ли способ познания – через знаковые (языковые) выражения? «Хорошо ли говорить, что выражение состоит в подобии, а не в привычке? Ведь по привычке, видимо, можно выражать вещи как с помощью подобного, так и с помощью неподобного» (435в, с. 484). Так намечается узаконенное и повсеместно признанное впоследствии деление знаков на «иконические» (εικον – образ, изображение), т.е. имеющие картинное сходство с обозначаемым, и условные, не имеющие его и выбранные произвольно.

Очень важна мысль Платона о том, что изображение, как знак вещи, хотя и стремится к тождественности, но не может быть буквальным ее копированием. «Да ведь смешные вещи, Кратил, творились бы с именами и вещами, которым принадлежат эти имена, если бы они были во всем друг другу тождественны. Тогда все бы словно раздвоилось, и никто не мог бы сказать, где он сам, а где его имя» (432д, с. 480).

Аргументация Сократа представляет собой великолепное изложение диалектики прерывности и непрерывности. «Если к десяти или любому другому числу что-то прибавить или отнять, тотчас получится другое число. Но у изображения чего-то определенного и вообще у всякого изображения совсем не такая правильность, но, напротив, вовсе не нужно воссоздавать все черты, присущие предмету, чтобы получить образ» (432в, с. 479). И далее: «Так что видишь, друг мой, нужно искать какой-то иной правильности изображений... и не следует настаивать на том, что если чего-то недостает или что-то есть в избытке, то это уже не изображение» (433д, с. 480). «И не настаивай на том, что имя должно иметь лишь такие звуки, которые делали бы его полностью

тождественным вещи, которой оно присвоено. Допусти, что и какая-то неподходящая буква может быть тут добавлена. А если может быть добавлена буква, то и имя – в высказывании, если же имя, то и не подобающее вещам выражение может встретиться в речи, но от этого ничуть не хуже можно называть вещи и рассуждать о них, пока сохраняется основной облик вещи, о которой идет речь» (432е, с. 480).

Как видим, здесь говорится о *степенях* приближения к объекту, а степени имеет только *качество* (Гегель). Значит, сходство – качественная, а не количественная характеристика, и оно должно обязательно использоваться, когда говорится об изображении.

Эвристическая роль знаков также подробно обсуждается. «*Кратил*: Мне кажется, Сократ, они учат. И это очень просто: кто знает имена, тот знает и вещи. – *Сократ*: Наверное, Кратил, ты имеешь в виду что-то в таком роде: когда кто-то знает имя, каково оно, – а оно таково же, как вещь, – то он будет знать и вещь, если только она оказывается подобной имени» (435д, е). Однако опять мешает проблема «самых первых» имен: откуда знал учредитель (или законодатель), что данное им вещи имя есть действительно ее подобие, если первоначально он не постиг, какова сущность самой вещи? Если мы знаем вещи лишь из имен, то непонятна самоуверенность законодателя, еще не знавшего сущности безымянной до этого вещи, но тем не менее обозначавшего ее в согласии с ее природой. (Разве что он был богом?)

Здесь подняты совершенно современно звучащие проблемы полноты научной теории и особого характера «базисных», первых оснований в виде понятий, выходящих за рамки данного языка и в нем невыводимых. «Но по каким именам он изучил или исследовал вещи, если еще ни одно имя не было присвоено? Мы ведь говорили раньше, что невозможно исследовать вещи иначе, как изучив имена или исследовав их значение?» (438в, с. 487). Может быть, можно исследовать вещи не только по их именам?

Платон выступил против гипостазирования роли знаков и символов в познании, свойственного многим позднейшим эпохам. Его рассуждения удивительно тонки: «...Было бы всего справедливее: установить родство между словами и изучать одно через другое, а также через самое себя... Ведь что-то другое, от них отличное, и означало бы что-то другое и отличное от них, но не их» (439а, с. 488). «А если можно было бы с успехом изучать вещи из имен, но можно было бы и из них самих – какое изучение было бы лучше и достовернее? По изображению ли изучать самое изображение, хорошо ли оно изображает (предмет), а также истину,

которую оно отображает, или из самой истины изучать и ее самое, и ее отображение; подобающим ли образом оно сделано?» (439а, с. 488–489). Ответ Кратила: кажется, это надо изучать из самой истины; истина, стало быть, не в знаке обитает; она только отображается им. «Пансимволизм» совершенно чужд Платону. Во всяком случае, лучший источник знания – вещь. «Так вот, узнать, каким образом следует изучать и исследовать вещи, это, вероятно, выше моих и твоих сил. Но хорошо согласиться и в том, что не из имен нужно изучать и исследовать вещи, но гораздо скорее из них самих» (439в, с. 489).

В «Кратиле» обнаруживаются различия между позднее установленными коммуникативной, когнитивной (познавательной) и модальной функциями языка. Платон пишет о взаимном понимании людей, употребляющих звучащие слова, фонемы и слоги, которые обладают собственным смыслом и значением. Эти языковые знаки по природе не имеют ничего общего со своими референтами – вещами, но в то же время выразительно отражают их «смысловым образом»: «Мы не ошибемся, сказав, что Платон здесь имеет в виду наше понятие коммуникативной функции слова», – говорит в комментарии к «Кратилу» А.Ф. Лосев.⁷⁵

Когнитивная же функция есть проявление того, что имя – это органон, орудие мысли; недаром Платон сравнивает его с (цельными и нерасколотыми) буравами и челноками в ремеслах. Имя выражает сущность, но таким способом, что в нем присутствует та или иная интерпретация вещи субъектом, так, что мы рассматриваем вещи с той или иной стороны. Имя не есть абсолютное совпадение с эйдосом вещи, т.е. идеальная сущность – одно, а наша интерпретация – другое; это более-менее близкое и достоверное подражание образцу.

Языковые знаки у Платона несут экспрессивный заряд, они эмоционально нагружены; эта сфера символизации охватывается термином «модальная функция». Важно, что эта выразительность языковых знаков не просто наглядна (подражать голосам животных не значит именовать эти голоса), но и не абстрактна, как допустим, у цифр (или звуков; например, «р» указывает на резкое движение или раскат, «л» – на скольжение и пр.).

⁷⁵ Лосев А.Ф. Комментарии к «Кратилу». Платон. Сочинения. В 4-х т. – Т. I. – М.: 1994. – С. 603.

Не любое подражание есть имя; это не то, «какое бывает тогда, когда мы подражаем вещам с помощью голоса; далее, и не такое, какое бывает, когда мы подражаем тому же в вещах, чему подражает музыка; мне не кажется, что тогда мы даем имя. А утверждаю я вот что: ведь у каждой вещи есть звучание, очертания, а у многих и цвет? *Гермоген*: Разумеется. *Сократ*: Искусство наименования, видимо, связано не с таким подражанием, когда кто-то подражает этим свойствам вещей. Это дело, с одной стороны, музыки, а с другой – живописи...» (423д, 423е, с. 488). Далее следует его суждение первостепенной важности: именование есть подражание не указанным свойствам, а сущности вещи. Но это не все. Богатство разворачивающейся мысли составляют следующие вопросы: «Во-первых, у самого цвета или звука нет разве какой-то сущности? Да и у всего другого, что только заслуживает наименования бытия?» (423е).

Позвольте, это ведь было сделано, ибо мы имеем имена «цвет» и «звук»!

В другом диалоге, «Филеб», Платон описывает создание алфавита: показано искусство номотетиков в действии.

Вернемся здесь к истории семиотики. В диалогах Платона, трудах Аристотеля, стоиков находим описание столкновения двух основных точек зрения на эту проблему. Так, например, в «Кратиле» устами Гермогена высказана совершенно сосюрская идея полной произвольности имени: «Ни разу меня не убедили, будто правильность имени есть что-то другое, нежели договор и соглашение. Ведь мне кажется, какое имя кто чему-либо установит, такое и будет правильным. Правда, если он потом установит другое, а тем, прежним, именем больше не станет это называть, то новое имя будет ничуть не менее правильным, нежели старое... Но одно имя никому не врождено от природы, оно зависит от закона и обычая тех, кто привык что-либо так называть» (384д, 484е; с. 416). Эту позицию, «имена – по установлению», противостоящую старым мифологическим представлениям о значении имени как самостоятельного природного объекта, отстаивали Демокрит и Эпикур.

На другой точке зрения стоит Кратил, последователь Гераклита. «Кратил вот здесь говорит, Сократ, что существует правильность имен, присущая каждой вещи от природы...» (383в, с. 415). Сократ: «Бесценнейший мой, законодатель... должен уметь воплощать в звуках и слогах имя, причем то самое, какое в каждом случае назначено от природы. И Кратил прав, говоря, что имена у вещей от природы и что не всякий – мастер имен, а только тот, кто обращает внимание

на определенное каждой вещи природой имя и может воплотить этот образ в буквах и слогах» (390е, с. 425).

И далее на шестидесяти страницах устами Сократа Платон доказывает, что имя – это некое орудие распределения сущностей: «Имя есть подражание с помощью голоса тому, чему подражают, и имя тому, чему подражают, дается при помощи голоса» (423в, с. 468). Имя не произвольно, а подчинено идее самой вещи. В доказательство дается необычайный анализ субъективных ассоциаций звучания несравнимых с точки зрения традиционной логики слов с целью обнаружения «первичных» имен и их начал – звуков, выступающих в качестве простейших частиц (первоначал) для других имен. Например, Сократ объясняет имя Тантал от *tantaleia* – болтание камня (?) в ручье (!) и *talantaton* – бесталанный; слово *soma* (тело) от *sema*: 1) надгробная плита и 2) знак, с помощью которого «душа обозначает то, что ей нужно выразить» (400с, с. 438).

Эти первичные имена, как уже говорилось, во-первых, «обозначают сущность вещей так, как если бы все сущее шествовало, несло и текло» (436е), т.е. изменялось; во-вторых, многие другие первичные имена показывают, «что присвоитель имен обозначал не идущие или несущиеся, но пребывающие в покое вещи» (437с), Пример: «А вот воздух, Гермоген, [*aer*], разве не от того, что он воздымается [*airei*] от земли, называется воздухом? Или, может быть, от того, что он всегда и везде течет, или ходит [*aei rei*]? Или потому, что от его течения возникают ветры, а ветры поэты называют дуновениями [*aetai*]? (410в, 410с. С. 450–451). Другой пример: «Наука [*historia*] обозначает некоторым образом то, что замыкает течение реки [*histesi ton royn*]. И «достоверное», [*piston*], судя по всему, означает стояние [*histan*]. Затем память [*mneme*], скорее всего, указывает на то, что в душе «унылись [*mone esti*] какие-то порывы» (437в, 437с. С. 486).

Далее Сократ без особого перехода заявляет Кратилу: «Затем, милейший мой, – если тебе угодно обратиться к числу, – откуда, думаешь ты, взяты имена, подобающие каждому из чисел, если ты не допустишь, что условие и договор имеют значение для правильности имен?», – поддержав тем позицию Гермогена. «Необходимо воспользоваться и этим досадным способом – договором – ради правильности имен» (435в, с. 484). Затем следует важнейшая сентенция: «Ты сделал не что иное, как договорился с самим собой, и правильность (имен) для тебя оказывается договором, коль скоро выражать вещи могут и подобные, и неподобные буквы, случайные, по привычке и договору... Ведь по привычке, видимо, можно выражать вещи как с помощью подобного, так и с помощью неподобного» (435а, 435в).

Противоречивые итоги рассуждений (имя *и* конвенционально, *и* прирождено вещи; первичные имена – *и* идеи, *и* звуки; имя *и* подобно, *и* не, подобно своему объекту в качестве его образа [eikon] или отображения (см. 432б); конвенциональность – *и* интерсубъективна, *и* субъективна и др.) не смущают Сократа. Они служат поводом для предположения о том, что постижение вещей возможно и *без* помощи имен, из них самих. Сократ с величавой скромностью говорит, что узнать, каким образом следует изучить и исследовать вещи, выше его сил. Но важно и согласие в том, что никакое постижение вещей не было бы возможным, если бы они не обладали устойчивой сущностью, а тем более не была бы возможна номинация. Значит, имя выполняет познавательную функцию, фиксируя вещь в ее общем [eidos] и существенном [ousia]; или, как говорит Сократ в диалоге «Менон», связывает *мнение* (суждением о причинах) и превращает его в *знание* (98а, с. 407).

Весьма оригинальное исследование имплицитных, неосознаваемых условий построения научного знания, неявно принятых концептуальных допущения находим в работе Я. Хинтикки «Познание и его объекты у Платона»⁷⁶. Оно посвящено возможностям осмысленного существования ложного знания (ложного логоса) и отличиям знания от веры. В связи с этим возникает много эпистемологических проблем: бытия и небытия, ложного убеждения, возможности и невозможности противоречия и др. В диалоге «Софист» Платон размышляет: «В самом деле, каким образом утверждающий, что вполне возможно говорить или думать ложное, высказав это, не впадает в противоречие, постигнуть, дорогой Теэтет, во всех отношениях трудно. – Как так? – Такое утверждение имело бы смелость предположить существование небытия [τὸ μὴ οὐ εἶναι]; ведь в противном случае и самая ложь была бы невозможна» (263е – 237а). Ложь говорит о вещах, которые никак невозможно обнаружить; но ведь нельзя говорить о несуществующих вещах, потому что тогда акт высказывания не достигает своих объектов. Если бы они существовали, речь достигала бы их, а это сделало бы высказывание истинным.

Поэтому Платон пытался отыскать объекты и для ложных утверждений. «А мы не только доказали, что есть несуществующее, но выяснили, и к какому виду относится небытие. Ведь указывая на существование природы иного и на то, что она распределена по всему существующему, мы отважились сказать, что каждая часть природы иного, противопоставленная бытию, и есть действительно то самое – небытие...

⁷⁶ См.: Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: 1980.

Пусть же никто не говорит о нас, будто мы, представляя небытие противоположностью бытия, осмеливаемся утверждать, что оно существует». («Софист», 258д, е). Небытие оказалось причастным бытию, смешалось с мнением и речью.

В другом месте у Платона Сократ говорит: «Можно, значит, говорить об имени истинном и ложном, раз так можно говорить о речи? – Гермоген: Да». («Кратил», 385д).

Вопрос у Хинтикки стоит так: выявлял ли сам Платон ошибки, ведущие к *отрицанию* осмысленной ложности, удовлетворительным образом – для себя самого и для современного философа?

«Критерии успешности такого исследования являются не абсолютными, а относительными, то есть зависят от концептуальных допущений Платона, или, вообще говоря, от общих допущений греческой культуры, которые, конечно, должны отличаться от допущений нашей культуры»⁷⁷. Поэтому приписываемые Платону ошибочные рассуждения являются порождением скрытого знания, его собственных и его культурной эпохи допущений.

Рассмотрим воззрения Платона на отношение знания к его объектам. В них проявляется общий для древнегреческих философов подход ко всем видам способности к действию – *dynameis*. Утверждения Платона относительно знания – *epistēme* и веры (мнения) – *doxa* являются, по его собственным словам, частным случаем учения о *dynameis*: (в отрывке из «Государства» и то, и другое названы *dynameis*). Хинтикка указывает, что *doxa* относится к отдельному мнению конкретного человека, а *episteme* – к тому, что позволяет познавать, т.е. информации. «И вдруг *episteme* и *doxa* отождествляются со *способностью* познания и мнения. Здесь, очевидно, смешивается *способность* и *результат* ее реализации»⁷⁸. (Но: в «Кратиле» Сократ задает вопрос, имеют ли вещи и действия вещей одну и ту же природу (возникновение) или нет, – и отвечает отрицательно).

Получается так, что у греков *сами вещи*, (например, предметы искусства, объекты науки) назывались *dynameis*, что совпадает со способностью их производства, т.е. неявным образом элиминировались различия между тем, что собой представляют вещи, и тем, что они производят. Действие и его результат, способность знать и результат познания отождествлялись, даже способность и результат познания обозначались уже у досократиков одним и тем же словом *gnome*.

⁷⁷ Хинтикка Я. Познание и его объекты у Платона // Логико-эпистемологические исследования. М.: 1980. – С. 359.

⁷⁸ Там же. – С. 361.

Ср.: Сократ: «И если угодно, понимание [gnome], судя по всему, означает рассмотрение возникновения (вещей) [hones pomesis], поскольку «рассматривать» и «понимать» – одно и то же. Если же угодно, и самое имя «мышление» [noesis] означает улавливание нового [neoу hesis], а новое [nea] в свою очередь означает вечное возникновение...» («Кратил», 411e).

Выше Сократ говорил совсем бесхитростно: «Справедливо, по-моему, порождение льва назвать львом, а порождение коня – конем... Ведь от царя будет царь, от доброго – добрый, и от славного – славный» (393b, 394a).

АРИСТОТЕЛЬ

В работе «Об истолковании» сказано: «То, что в звукосочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письмена – знаки того, что в звукосочетаниях. Подобно тому, как письмена не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же, точно так же одни и те же предметы, подобия которых суть представления»⁷⁹. Это совершенно ясная формулировка семиотической ситуации и ее символа – семантического «треугольника». Аристотель подчеркивает, что сами по себе звукосочетания – имена и глаголы – хотя и обозначают что-то, но обозначение это не истинно и не ложно, ибо истина или ложь появляются при связывании и разъединении в мысли: «Ведь и “козлоолень” что-то обозначает, но еще не истинно и не ложно, когда не прибавлен [глагол] “быть” или “не быть” – либо вообще, либо касательно времени» (там же). Так Стагирит задает магистральное направление в исследовании проблемы истины: она – удел высказывания, а не имени и не глагола. Вне суждения и высказывания нет истины.

«Имя есть такое звукосочетание с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает... [Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А [возникает имя], когда становится знаком, ибо членораздельные звуки, хотя и выражает что-то, как например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя».

«Глагол есть [звукосочетание], обозначающее еще и время; часть его в отдельности ничего не обозначает, он всегда есть знак для сказанного об ином» (с. 93-94). Это важная мысль – глагол всегда есть знак для

⁷⁹ Аристотель. Сочинения. В 4-х т. – Т. II. – М.: 1976. – С. 93.

сказанного об ином, например, о подлежащем или о том, что находится в подлежащем; но Аристотель, решительно и без колебаний объявив все знаки лишь условными, теряет, кажется, по сравнению с Платоном. С другой стороны, его анализ разных видов знаков строже, чем в «Кратиле»: «Итак, глаголы, высказанные сами по себе, суть имена и что-то обозначают... однако они еще не указывают, есть ли [предмет] или нет, ибо “быть” или “не быть” не обозначения предмета...» (с. 95). «Отдельный... слог [слова]... не означает что либо, точно так же, как “ышь” в слове “мышь” ничего не означает, а есть один только звук» (там же). «Речь есть такое смысловое звуко сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание... Всякая речь что-то обозначает, но не как естественное орудие, а, как было сказано, в силу соглашения» (там же).

Итак, смысл вместе с истинностью появляется лишь на уровне речевого высказывания. Прочие виды речи оставлены без внимания (так, в мольбе, например, нет истинности), их должно рассматривать искусство красноречия или поэтика.

В «Категориях» Стагирит вводит понятия «одноименный» (омонимия), «соименный» (синонимия) и «отыменный» (паронимия): «Одноименными называются те предметы, у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности... разная, как, например, [dzoon] означает и человека и изображение... Соименными называются те предметы, у которых и имя общее, и соответствующая этому имени речь о сущности одна и та же, как, например, «живое существо» [dzoon] – это и человек и бык... Наконец, отыменными называются предметы, которые получили наименования от чего-то в соответствии с его именем, отличаясь при этом окончанием слова, как, например, от «грамматики» – «грамматик», от «мужества» – «мужественный» (с. 53). Здесь заметнее роль рассуждений Аристотеля для лингвистики и лингвосемиотики. Кроме того, в трактате «О софистических опровержениях» подробно анализируются явления омонимии, амфиболии – двусмысленности, диэреза – двусмысленности союза «и» и т.д.; без этих знаний невозможен филологический анализ.

Одна из наиболее оригинальных семиотических идей Аристотеля разворачивается в «Первой аналитике» – это определение энтимемы как силлогизма из вероятного или из *знака*.

Стагирит указывает, что энтимема может разворачиваться не из суждения, а из *знака* этого суждения. Что в таком случае он собой *представляет?*

В последней главе «Первой аналитики» философ дает такое разъяснение: «Если признать..., что такое-то свойство имеет такой-то [соответствующий] знак, и если можем принять, что каждому роду [живых существ] присуще особое свойство и [соответствующий] знак, то мы в состоянии распознать природу [этих существ]. А именно, если какому-либо роду... присуще отличительное свойство, как, например, львам – смелость, то необходимо, чтобы был и какой-то знак его» (с. 253). «...Одно свойство... имеет один знак» (с. 254). «Но если какой-либо род, взятый в целом, обладает двумя отличительными свойствами, как лев, например, смелостью и великодушием, то как можно будет распознать, который из двух знаков есть знак какого отличительного свойства?» Это возможно, говорит Аристотель, если оба свойства присущи еще какому-то роду, но не как целостности: т.е. если то или иное свойство присуще не всем. Тогда одни будут иметь соответствующий знак, другие – нет: «Если один человек смел, но не великодушен и имеет какой-то один из двух знаков, то ясно, что и у льва этот знак будет знаком смелости» (там же). Заключение по знаку возможно по первой фигуре. Знак при этом берется «тройным образом», как средний термин в фигурах силлогизма. «То, при наличии чего вещь существует или при появлении чего она раньше или позже появляется, и есть знак появления или существования. Энтимема есть именно силлогизм из вероятного или из знака» (с. 252). Во всех знаках содержится нечто истинное, но достовернее всего знак-показатель, взятый как средний термин в первой фигуре.

СЕКСТ ЭМПИРИК

А.Ф. Лосев замечает, что эллинистической философии не хватало только такой позиции скептицизма, которая отрицала бы и считала недоказуемой также и свою собственную критику догматизма. Сказать, что чего-нибудь не существует, – это ведь тоже значит высказать вполне определенное суждение, претендующее на истину. Секст Эмпирик, до конца последовательный, подверг философскому сомнению и скептическому отрицанию также и все свои собственные аргументы против догматизма.

Как строгий логик Секст необыкновенно педантичен. Его трактаты – вершина скепсиса. Например, он критикует следующее определение человека: «Человек есть живое существо, разумное, смертное, способное вмещать в себя ум и знания», и критикует его двумя различными способами. Первый можно назвать способом *содержательным*.

Начав с того, что целое больше суммы своих акциденций, Секст далее последовательно отвергает все эпитеты в данной дефиниции. «Акциденция чего-нибудь отличается от того, для чего она акциденция... если различие акциденций даст два их вида, то мы никогда не найдем ни ту, ни другую тождественной подлежащему предмету»; поэтому «живое существо» и «смертность» – не акциденции, поскольку одно не может покинуть свой субстрат, а другое всегда отсутствует. Кроме того, живы и другие существа, и некоторые из них, например, боги, – разумны; а «произносят звуки со значением» и любые попугаи... «Рассуждать и иметь знание» – хотя и человеческие акциденции, но не «всегдашние»: существуют люди и «нерассуждающие», и охваченные непробудным сном, и умалишенные... Завершаются эти страницы эмфазой, берущей в кольцо весь «содержательный аргумент»: «...как оно по сведению воедино может создать человека?.. принципиально все не может сойтись в тождество, чтобы человек составил из всех [признаков]»⁸⁰. Эта позиция очень близка современному пониманию человека как несводимого к сумме своих измерений.

Второй способ опровержения, казалось бы, несомненного определения человека можно назвать *формальным*. «Если именно человек постижим, то он исследует и постигает себя самого или как целый целое, или, будучи целым, лишь как нечто исследуемое и подлежащее постижению. Или он имеет и постигает себя отчасти, отчасти же и являясь при этом искомым и познаваемым, как если бы кто предположил, что зрение само себя видит...» При первом варианте не остается предмета для постижения. Одинаково нелепо «допустить, что человек исследует себя самого как целиком целый и мыслит себя самого одновременно с этим (с мышлением себя целиком целым)» – или что «предметом исследования является целый и одновременно мыслится как целый». При втором варианте аналогично исчезает либо исследующий, либо исследуемое. Третий вариант: «остается, чтобы он подходил к самому себе не целиком, но создавал постижения самого себя в некоторой части. Но это опять относится к сомнительному»⁸¹. И на многих страницах последовательно расписывается, что ни тело не способно к познанию ощущений и рассудка, поскольку оно неразумно, немо и не годится для исследований, ни ощущения – познавать телесную массу, себя самих («кто же узнал зрение при помощи зрения?») или логическую способность, ни рассудок,

⁸⁰ Секст Эмпирик. Против ученых. – С. 115–117.

⁸¹ Там же, с.с. 117–118 и далее, до с. 123.

взаимнообратно. Ср.: «Рассудок, приведенный ими в движение алогично, станет алогичным... если он воспринимает ощущения, он и сам должен во всех отношениях становиться ощущением. Если мышление получит чувственную аффектацию, оно окажется ощущением. ...Перестанет существовать и то, что исследует ощущения...». Ум и сам-то себя не постигает: если он весь себя постигает, то исчезает либо исследующий, либо исследуемое, если частично – etc., etc., etc., по типу вышеописанных трех вариантов.

До века веков схоластов скептик Секст приступает к тотальной систематизации и схематизации знания. Он строит градацию способов проверки истины, а также регулятивов и/или ориентиров деятельности: два трактата «Против логиков» (VII-VIII), первый раздел книги Секста «Против ученых», открываются сюжетом «О критерии». Примечателен сам путь (метод) этого систематика скепсиса: те лестницы, или та опалубка, которая позволяет ему возвести здание и остаться наверху. Помогавшие нам снаряды потом можно откинуть. (Это, кстати, один из образов-символов скепсиса: поднявшись на вершину, мы можем отбросить лестницы). И до «спиралей» Гегеля схемы Секста представляют собой триады «положение–отрицание–синтез (либо нечто третье)». Например: всякую вещь, и истину тоже, можно либо найти, либо не найти, либо только искать. Те, кто верит в истину, полагают ее критерий либо в сфере разума, либо в сфере неразумных актов, либо в том и в другом. Критерий существования может быть общим (сенсорным), частным (техническим) и самым частным («мерило восприятия неясного предмета»). Из аффекций одни приятны, другие доставляют страдание, третьи нейтральны. И т.д.

Остановимся на анализе одного доказательства (и его опровержения): скептическом рассмотрении так называемого «постигающего представления» – *καταληπτική φαντασία* – претендента на роль критерия истины со стороны философов-стоиков (и возражавших им академиков-скептиков).

Представление – отпечаток в душе. Оно находится между научным знанием и бессильным мнением, а будучи *истинным* представлением, оно есть также и критерий истины, учат стоики; в особенности если оно не встречает для себя препятствия, т.е. выступает очевидно и броско. «Постигающим... представлением является то, которое вылепливается и запечатлевается с формы реально существующего и в соответствии с реально существующим, каковое представление не могло бы возникнуть со стороны несуществующего реально». Оно имеет три определяющих свойства: *генетически* связано с порождающим его предметом («со стороны действительно существующего»); оно *диспозиционно* («в соответствии с этим действительно существующим»); оно *подобно*

породившему это представление объекту («вылепленное и отпечатанное»)⁸². [Символ «печати на воске» появился задолго до материалистической «локковской парадигмы» и его *tabula rasa*]. Полемически заостряя позицию стоиков, Секст пишет: «Да иначе невозможно и говорить; ...природа словно светом одарила нас восприимчивой способностью для познания истины и возникающим через нее представлением. Поэтому нелепо отвергать столь великую способность и отнимать у самих себя то, что является как бы светом».⁸³

Схематически Секст этот анализ излагает следующим образом: критерия не существует, а если существует, он располагается где-то в восприятии (аффекции души, неотличимой от представления, поскольку в одной мере она «указывает на себя самое», в другой мере – «на явление, которое ее вызвало»). «Однако, поскольку оно дает показания не всегда согласно с истиной и часто вводит в обман и разногласит с вещами, которые его посылают, наподобие негодных вестников, то по необходимости получился вывод о том, что не всякое представление может оставаться критерием истины...»⁸⁴, но только истинное. Далее дважды Секст подчеркивает, что критерий должен оказаться в сфере, общей для истинных и ложных (или же для постигающих и убедительных [представлений]). Но общее для истины и лжи не дает подлинного постижения; следовательно, оно не есть и критерий. В другом месте Секст критикует стоическое воззрение подробнее: «Если же уничтожится это представление, то устроятся и видовые различия представлений; и как если нет живого существа, то не существует и человека, так без представления не существует ни постигающего, ни того или иного убедительного представления».⁸⁵

⁸² «...Как следы от печати всегда в точности вылепливают на воске все ее оригинальные черты, так и осуществляющие постижение субстрата должны непосредственно следовать и за всеми его специфическими свойствами». Секст Эмпирик. Против ученых. – С. 111. Кто, читая сегодня эти строки, усомнится в том, что ему излагают *материалистическую* гносеологию вместе с ее принципом отражения? Между прочим, у Локка есть, напротив, такое утверждение: «Большая часть наших простых идей не представляет собою подобий вещей вне нас». Д. Локк. Избранные философские произведения. «Письма» к Эд. Стиллингфлиту, епископу Вустерскому. Письмо третье. – С. 428.

⁸³ Ниже еще резче: «...совершенно обезумел тот, что признает вещи, а на представление от восприятия, при помощи которого он схватывает эти вещи, клеветает и самого себя приравнивает к неодушевленным предметам». С. 113.

⁸⁴ Секст Эмпирик. Против ученых. – С. 93–94.

⁸⁵ Там же. – С. 135.

Академик-скептик Карнеад соглашается с тем, что для жизненного распорядка некое правило все же нужно. Критерием истины (по мнению сторонников Карнеада), комментирует Секст, служит представление, которое *является* в виде истинного и *выявляется в достаточной мере*. Это не абсолютно объективное, а *вероятностное представление*; оно: а) убедительное, б) нерассеянное и в) разработанное. Истинно ли оно? Оно *выказывается таковым* и потому убедительно. «Убедительное же, как направленное к реально присутствующему, высказывается в трех смыслах. В одном смысле оно истинно и является в виде истинного; в другом – оно по бытию своему ложно, но является в виде истинного; в третьем – оно истинно, но имеет общее и с тем, и с другим».⁸⁶ Принимается во внимание первый смысл. Далее, нерассеянность показана на совокупности представлений, ни одно из которых *не отвлекает* от предмета, а разработанность – на основании *исследования*, каковым оно бывает и в народных собраниях, когда народ проверяет «каждого из намеревающихся получить власть или производить суд, достоин ли он доверия во власти или в ведении суда».

Секст Эмпирик разделяется с «постигающим представлением» в три приема. Смысл таков: либо мы собираемся судить, постигающее ли оно, при помощи непостигающего, что нелепо, либо постигающего, что еще более нелепо, потому что оно не преднайдено и не установлено в качестве постигающего, либо же – что постигаемый предмет оказывается оценкой самого себя и представления. Что также абсурдно.

Собрав коллекцию и написав панораму (обозрев синтагматику) всех основных догматических и скептических рассуждений о критерии истины, Секст Эмпирик решительно опровергает их все. «Коль скоро считается, что нашедший истину в философии преуспел... благодаря или возрасту, или трудолюбию, или пониманию, или, поскольку многие свидетельствуют об его успехах, мы установили, что ни по чему из этого нельзя утверждать его в качестве критерия истины, то критерий в философии, оказывается, не может быть найден»⁸⁷. За отсутствием мудреца по необходимости остается неоткрытой истина.

Однако было бы слишком просто считать, что Секст «не заметил», увлекшись опровержениями, как они стали логически прочным и стройным *положительным* мировоззрением, и как бы в насмешку над своей философией заставил ее опровергать саму себя. Во вводной статье

⁸⁶ Там же. – С. 95.

⁸⁷ Мы вернемся к обсуждению проблемы истины в соответствующем разделе.

к трактатам «Против ученых» – против логиков и против физиков – приводятся замечательные знаково-символические образы, свидетельствующие о полной осмысленности методологического, логического и мировоззренческого скепсиса.

Зевс, являясь отцом и людей, и богов, и одновременно богом, *не является же отцом самого себя.*

Огонь, поглощая и разрушая вещи, поглотив их и разрушив, исчезает сам; *однако вещи он победно уничтожил.*

Взбираясь на вершину обзирающей мысли, философ может пользоваться многочисленными вспомогательными (логическими!) орудиями, однако, оказавшись на вершине, он *отбрасывает лестницу.* Лестницы нет; но вершина есть, она достигнута...

Вероятно, состояние этого совершенного скепсиса можно выразить, как это предварительно сделал сам Секст Эмпирик, следующим образом: «...постижение не имеет начала: или потому, что не находится никакого первого, которое создавало бы постижение, или потому, что нет ничего, что могло бы быть постигнуто»⁸⁸. Значит, нет и «конца»: результирующего знания. Хотя у Секста *есть* конечные выводы; они, однако, столь же неутешительны: «никто ничего ни о чем никогда и никак [достоверно] не знает и не может знать».

БОЭЦИЙ

Аниций Манлий Торкват Северин Боэций родился в Риме вскоре после падения Западной Римской империи.

Именно к Боэцию восходит «идуший в глубь веков» спор об универсалиях, который вылился в XVII веке в «философскую грамматику» («Логикю Пор Рояля» А. Арно и П. Николя) и из которого родились дилемма рационализма и сенсуализма, универсальная пазиграфия Лейбница, символическая логика и т.д. Возможно, Боэций не просто предвосхитил Лейбница, а явился для него «источником», давшим критерий истинности определений и правила их проверки при помощи обращения. Боэций – автор не дошедшего до нас учебника геометрии, содержавшего комментарии трудов Евклида; Ансельм Кентерберийский, вполне вероятно, опирался на его доказательство бытия бога. Но главный его труд в области логики – «Комментарий к Порфирию».

⁸⁸ Секст Эмпирик. Против ученых. – С. 123.

Порфирий, философ из Тира (III в.), написал в свое время «Введение» к сложнейшей работе Аристотеля – «Категории». Боэций же создает комментарий к этому комментарию. Цель у обоих общая: разъяснение идей Аристотеля возможно более широкой публике.

Здесь важно остановиться на некоторых рассуждениях подробнее.

Аристотель написал о десяти категориях «с той целью, чтобы посредством немногих родовых *обозначений* сделать доступным пониманию бесконечное многообразие вещей, неохватное для знания; чтобы, таким образом, то, что было непостижимо для науки из-за неохватного своего множества, с помощью немногочисленных родов подчинилось духу и стало бы предметом знания» (с. 11). Аналогичным образом объяснит потом существование общих терминов Джон Локк, сделавший необыкновенно много для становления семиотики как отдельной дисциплины. И, может быть, со следующего вопроса Боэция начался спор об универсалиях: «То ли мы мыслим виды и роды, как то, что существует и относительно чего мы можем достичь истинного понимания, или же мы разыгрываем самих себя, создавая с помощью бесплодного воображения формы того, чего нет» (с. 23).

Все десять наивысших родов *есть*, существуют, но они не имеют кроме этого друг с другом ничего общего. «Глагол "есть" говорится обо всех одинаково, но при этом им присуща не какая-то одинаковая субстанция или природа, но только имя» (с. 12). То есть символы и знаки могут обозначать мнимые вещи, и одни и те же знаки могут обозначать различные вещи. Основа знакового описания предмета – его (предмета) собственный признак, сберегающий уникальность данной вещи.

Не менее важным для понимания сущности вещи является знание ее дефинитивных – отличительных и акцидентальных – привходящих признаков. Боэций поясняет, что в «Категориях» Аристотель опустил, как заранее известное, определение «этих пяти» – рода, вида, собственного, отличительного и привходящего признака; а чтобы читатель, особенно начинающий, не остался в отношении этого в неведении, Порфирий и написал к «Категориям» Введение. В нем он построил путем скрупулезно проведенной операции деления, как бы мы сейчас сказали, иерархию категорий – классификацию родов и видов, называемую «древом Порфирия». Боэций тоже основное внимание уделяет делению понятий, но останавливается он и на определении, ибо это взаимозависимые операции.

Определение прежде всего зависит от знания отличительных признаков: «Каким образом могли бы мы догадаться о том, что качество,

субстанция и все прочие роды не одно и то же, если бы мы не знали их отличий?... Незнание отличительного признака... делает невозможным какое бы то ни было суждение о видах. Ибо все виды образованы ничем иным, как отличиями» (с. 13).

Смыслы слов (*rationes*) могут вводиться как описанием, так и определением. «Определение собственных признаков не вбирает, но само тоже становится таким признаком... Следовательно, для описания необходимо знание собственного признака, так как в описание входят исключительно собственные свойства вещи... Для определения же нужен прежде всего род, затем вид, подходящий к этому роду, и наконец – отличительные признаки, которые, будучи соединены с родом, дают определение вида» (с. 19).

Наконец, необходимо понять, что такое акцидентальный признак, не входящий в определение, но весьма важный: «Кто усомнится в этом, когда увидит, что из десяти категорий девять имеют природу акциденций?» (с. 13). Интересно, что сам Порфирий намеренно не дает общего имени для разбираемых основных понятий логики, называя их «эти пять», «вышеупомянутые» и т.д., или просто «*fonai*» – «звуки». Т.Ю. Бородай пишет в примечаниях к анализируемой работе: «Ясно, что Порфирий намеренно не дает им общего имени, а если и дает, то только самое общее, ни к чему не обязывающее [*fonai*]; почему, нетрудно понять: в рамках аристотелевской логики «эти пять» не могут быть подведены ни под какое общее родовое понятие, а следовательно, в принципе не могут иметь общего имени» (с. 292). Так акустико-артикуляционный комплекс (*fonai*) оказывается единственным адекватным знаком для «уловления», фиксации никаким иным путем не выражаемого смысла.

Но обозначают ли категории нечто телесное или бестелесное? И существуют ли род и вид в связи с телами или они обладают самостоятельным, независимым от чувственно-воспринимаемых тел существованием? «Ибо существуют две формы бестелесных вещей: одни могут существовать помимо тел и, будучи отделимы от тел, сохраняют свою целостность, как, например, Бог, ум, душа. Другие же, хотя сами и бестелесные, помимо тел существовать не могут; как линия, поверхность, число и единичные качества; тем не менее мы утверждаем, что они бестелесны, ибо они никаким образом не протяженны в трех измерениях; и в то же время они существуют в телах таким образом, что не могут быть оторваны или отделены от них, или, будучи отделены, тотчас же прекращают свое существование» (с. 24). Отдельно Т.Ю. Бородай разбирает ситуацию с «ложным мнением», а именно –

с образом кентавра (ее сейчас относят к тому разряду, в котором у Боэция расположились Бог, ум и душа).

С тех пор буквально все работы, затрагивающие семиотику, включают (и почти в такой же редакции) вопросы о том, что именно обозначает символ, если за ним не скрывается, в нем не открывается и ему не «подлежит» никакая дискретная вещь.

Боэций рассуждает следующим образом. Не любое понятие, мыслящее свое подлежащее **не так**, каково оно есть, обязательно надо рассматривать как ложное или бесплодное. Ложное мнение – результат неправильного синтеза, который соединяет то, «что не терпит соединения по природе – так, если кто, например, соединит в воображении лошадь с человеком и создаст образ кентавра» (с. 26). Но если мы совершаем логическую операцию деления, или идем путем анализа, или абстрагируемся от разных свойств и даже субстанции объекта, это **не** приводит к ложному и бесплодному пониманию. «Дело в том, что существует много вещей, которые имеют свое бытие в других; от этих других они... не могут быть отделены... Но дух, принимающий от чувств в себя все вещи нерасчлененными и перемешанными с телами, собственной своей силой и размышлением расчленяет их... так, что они предстают перед нами сами по себе в бестелесной своей природе, отдельно от тел, с которыми срослись» (с. 27). Поэтому, повторяет философ, анализ не ведет к ложному понятию; к нему приводит синтез [compositione]; деление же и абстрагирование не просто не ложно, «но одно только и может отыскать истинные свойства вещи» (с. 28). (Заметим, что в этом отношении Боэций является предшественником Декарта).

Таким образом, роды и виды существуют в единичных вещах; мыслится только общее; род – мысль, выведенная из сходства видов, причем в единичных вещах это сходство *sensibilis*, а в общих – *intelligibilis*; «и наоборот, если оно чувственно воспринимаемо, то пребывает в единичном, если же постигается умом, то становится общим, *universalis*» (там же).

Важный момент: в одном и том же «подлежащем», т.е. объекте отражения, могут существовать свойства, смысл которых различен и даже противоречив; они задаются разными определениями, мыслятся по-разному, как, например, «выгнутая и вогнутая линии», но в то же время пребывают в единстве в одном объекте. (Это «Утренняя и Вечерняя звезда» Фреге и Куайна, «Вальтер Скотт» и автор «Веверлея» Рассела и т.п.). Так Боэций дает возможность различить в дальнейшем значение и смысл.

Боэций высказывает исключительно изящную мысль: «Единичность и общность имеют одно подлежащее, но иначе мыслится общее, иначе ощущается единичное в тех вещах, в которых имеют они свое бытие» (с. 28–29). Для сравнения приведем высказывание из его трактата «Утешение философией»: «Точно так же воспринимаемое чувствами, если рассматривать его с точки зрения рассудка, будет общим, а если само по себе – единичным» (с. 289–290). Ясность этих учебных определений сделала возможной последовавшую углубленную полемику, составившую суть философии средневековья, обогатившую диалектику и эхом отзывающуюся вплоть до наших дней.

Упомянем, наконец, и такое важное для семиотики замечание: «Всякий знак то, что под ним скрывается, обозначает, хотя и не творит сущности обозначаемого». Так и «предзнание, хотя и не предопределяет с неизбежностью появление будущих событий и вещей, однако оно есть знак необходимости их осуществления в грядущем». (Утешение философией, с. 281). Это можно было бы не комментировать, если бы далее не шло: «Кроме того, если это не так, то ведь невозможно существование знака вещи, которая сама не существует». Кентавр забыт, и Боэций отклоняется от аристотелевского понимания (любого) имени как знака; именовать же можно поистине все, что угодно.

УИЛЬЯМ ОККАМ

Один из самых известных европейских мыслителей, англичанин Уильям Оккам (основные его произведения написаны на латыни: *Ordinatio*, *Quodlibeta*, *Summa totius logicae*), ученый конца XIII – начала XIV в.в., знаменитый философ и богослов, вначале учился в Оксфорде, где он слушал Иоанна Дунса Скота, а впоследствии, став магистром теологии, и сам читал лекции по Библии и Сентенциям Петра Ломбардского. Оккам пришел к своим основным идеям после так называемого «аверроистского кризиса». В то время теологи обсуждали возможность синтеза античной и арабской философии с христианством; обсуждение закончилось осуждением тех, кто признал таковую возможность (в том числе и некоторых идей «умеренного реалиста» Фомы Аквинского). Вступая в конфликты, критикуя реалистскую философию, участвуя в дискуссии об апостольской бедности, поддерживая европейских монархов против претензий папства, Оккам часто переезжал из страны в страну... В конце концов он был отлучен и умер в Германии.

В истории философии осталось громкое интеллектуальное событие: победоносное участие Оккама в возрожденном споре об универсалиях, за что он в конце концов получил в дополнение к титулу *Venerabilis Inceptor* еще один титул: *Doctor Invincibilis* – Непобедимый Доктор. (Гегель указывал, что и в его время, как музейную редкость, демонстрировали кафедру, отгороженную дощатой стеной от места, где стоял оппонент; сие было необходимо, дабы спорящие не вцепились друг другу в волосы).

Абстрактное интеллектуальное познание (*notitia abstractiva*), по Оккаму, «есть то, в силу которого относительно не-необходимой вещи не может быть с очевидностью познано, есть она или нет. ...Абстрагированное знание абстрагируется от существования и несуществования, ибо посредством него в противоположность интуитивному знанию не может быть с очевидностью познано относительно существующей вещи, что она существует, и относительно несуществующей, что она не существует».⁸⁹ (А что же представляет собой интуитивное познание? Это «простое познание, характерное для единичного и первичное по такой первичности». – С. 107). Абстрагированное познание есть «иногда, а вернее, всегда, познание общее».

Что же такое общее? Как происходит образование общих понятий? Что представляют собой и/или репрезентируют универсалии?

В сотворенных вещах (*crea*) не может быть никакого различия, кроме *реального* (логическое различие не-реально и усматривается только умом: например, между терминами «разумное животное» и «человек»). «Все, что есть в творениях, отлично друг от друга реально и является разными вещами...» Реально и «вне души» общего нет. Для Дунса Скота и Фомы Аквинского общее понятие является результатом определенного уподобления познающего ума реально существующей интеллигибельной общей природе или сущности объекта посредством принятия интеллигибельной формы объекта (*species intelligibilis*). Оккам видоизменяет эту теорию.

Универсалия есть понятие (интенция души), естественным образом предназначенное сказываться о многом, – или произвольно установленный знак (слово). Всякая универсалия есть единая единичная вещь, а поэтому является универсалией только *по обозначению*: поскольку она есть знак *многого*. (Со своей стороны, понятие «сингулярия» – это, конечно, универсалия).

⁸⁹ Уильям Оккам. Избранное / Ред. и вст. ст. А.В. Аполлонова / РАН ИФ Едиториал УРСС. – М., 2002. – С. 101.

Оккам считает акт сознания *suppositio* – подстановкой, то есть *представлением, презентацией* вещи. «Точно так же, как произносимое слово по условному соглашению подставляется вместо вещи, так и акт сознания по своей собственной природе и без всякого условного соглашения подставляется вместо вещи, к которой оно относится»⁹⁰.

Оккам принимает, что понятия суть *естественные* знаки (*signa naturalia*), а слова суть знаки, *произвольно установленные* (*signa secundum voluntarium institutionem*). Примечательно, что они имеют *тождественный денотат*, – и понятия, и слова обозначают один и тот же объект: *Voces tamquam signa eis subordinata pronuntientur exterius*. Так, например, слово «птица» и понятие «птица» обозначают один и тот же объект – пернатое живое существо. Хотя слова соотносятся с понятиями и в некотором смысле являются их знаками (Оккам приводит цитату из *Комментария к «Об истолковании» Боэция*, который пишет, что «вещь представлена в понятии, слова обозначают понятия, а буквы – слова»: PL 64, 297 В–С), в собственном смысле и первично [*primo et proprie*] слова обозначают те же объекты, что и соответствующие понятия.⁹¹ Стоит вспомнить, что известный семиолог Чарльз Уильям Моррис в XX в. своему главному философскому труду «Основания теории знаков» предпослал в качестве эпиграфа слова Готфрида Лейбница: «*Nemo autem vereri debet ne characterum contemplatio nos a rebus abducat, imo contra ad intima rerum ducet*». (Никто не должен бояться, что размышление о знаках нас уведет от вещей, наоборот, [оно] приводит к сути вещей). Этот эпиграф имеет универсальное значение для наук, в том числе для логики, эпистемологии, метафизики и даже богословия. Для того, как говорил еще Секст, чтобы выслеживать неявное при помощи знаков и доказательств.

Схоласт считает, что для истинности высказывания достаточно того, чтобы субъект и предикат подразумевали или замещали одно и то же. Можно даже было бы сказать, что такой семиотической близости к материализму не обнаруживал сам Локк... Если бы не постулат Оккама: Ни интуитивное, ни абстрагированное знание не является результатом *взаимодействия* объекта и разума! Тем не менее, истинно, что изучение знаков ведет нас к сути объекта, а метафизические сущности иначе как через символику вообще не могут быть познаны.

⁹⁰ Ockham W. *Philosophical Writings. A selection* ed. & transl. by Ph. Boehner. Nelson. – Edinburgh, 1957. – P. 43. Цит. по: Гегель. Лекции по истории философии. – С. 146 – 147.

⁹¹ Оккам. Избранное. – С. 17.

Оккам подчеркивает, что слова требуются для *выражения* понятий, которые сами по себе быть выраженными не могут (*termini concepti... in mente manent et exterius proferri non possunt*); при этом слова являются знаками, подчиненными понятиям (*voces tamquam signa eis subordinata pronuntientur exterius*). Сигнификация, обозначение есть «наложение» звука для обозначения вещи; а принятие термина, уже обозначающего вещь, вместо иного, это «суппозиция»: замещение при помощи именованного.

Суппозиция есть «свойство, присущее термину, но никогда иначе, кроме как в высказывании», как бы подстановка вместо другого. Обозначение относится к звуку, а суппозиция – к термину, уже образованному звуком и значением. Подчеркнем это: суппозиция и сигнификация анализируются Оккамом принципиально синтагматически, по принципу использования термина *в высказывании* в его (термина) *обозначающей функции*.

Основное деление суппозиций у Оккама происходит именно по этому принципу (использования/неиспользования термина в высказывании в его обозначающей функции).

Абсолюты есть среди *категорематических* терминов: а именно, те из них, что обозначают непосредственно и только свой объект и имеют реальное определение (*definitio quod rei*). Противостоящие им *коннотативные* термины *что-то* обозначают прямо и первично, *что-то* вторично; они имеют номинальное определение (*definitio quod nominis*). Ex.: «белый» (1) белая вещь; 2) сама белизна}.

Другая классификация терминов также положена догматически.

Термины бывают *абстрактные* и *конкретные*; первичной и вторичной *интенции* (1-е обозначают объекты, 2-е обозначают понятия); а также различной *импозиции*: (1-е обозначают понятия и объекты; 2-е обозначают сами слова).

Различно, разнокачественно различие между терминами первичной и вторичной интенции (первые обозначают объекты, вторые обозначают понятия) ***и первой и второй импозиции*** (первые обозначают равно объекты и понятия, вторые суть знаки слов: имя, прилагательное, существительное, склонение, и т.д.).

Примерно этому соответствует открытие в XX веке Б. Расселом объектного языка (термины первой импозиции обеих интенций) и метаязыка (термины второй импозиции).

Отдельная группа – термины *трансцендентальные*: они объединяют первичные и вторичные сигнификаты. Это возможно, поскольку все они обратимы с также трансцендентальным термином “ens” (сущее как

умопостижимое). Примеры: *res, aliquid, unum, bonum, verum* – вещь, нечто, единое, благое, истинное – все обратимы с термином “ens” (умопостижимое сущее).

Наконец, в метафизике: Первым в смысле наивысшего совершенства является Бог, а первым по общности предикации является Сущее. Оно «есть имя, которое соотносится с неким понятием, которое обще для всех вещей и может сказываться о них в ответ на вопрос: “Что это такое?” (т.н. *praedicatio in quid*)». Далее следует: Сущее не есть некое свойство, оно не предикцируется *in quale* (т.е. не отвечает на вопрос “каково это?”). В этих определениях живут и Аристотель, и Порфирий, и Боэций.

Итогом трудов Оккама и основным результатом дискуссии об универсалиях, очевидно, можно признать следующий философский «символ веры»: ***Общая природа сама по себе не является ни универсальной, ни единичной. В вещах она – единична, в уме – универсальна.*** Если философию Секста можно было назвать абсолютным скептицизмом, то, очевидно, философия Оккама – некий «релятивистский» догматизм.

«Верую, чтобы знать». Познавая сущность бытия, «сразу готового и завершенного», путем интеллектуальной интуиции или хотя бы присваивая ему имя, мы познаем одновременно и все его явления.

ДЖОН ЛОКК

ОПЫТ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗУМЕНИИ

Книга третья. Глава шестая. Об именах субстанций.

С.497. 3. *Номинальная сущность и реальная сущность отличаются друг от друга.* Если произвольное движение вместе с чувством и разумом присоединить к телу определенного облика, то получается сложная идея... «человек»⁹² ... которая является... *номинальной сущностью вида*, который мы так называем. Но никто не скажет, что эта сложная идея есть *реальная сущность* и источник всех действий, которые можно встретить у всех индивидов данного вида.

С. 522. 40. *Виды искусственных вещей менее запутаны, чем виды вещей природных.*

41. *Искусственные вещи бывают различных видов. /часы и пистолет/*

42. *Только субстанции имеют собственные имена.*

С. 527. 47. ...так как... свойств бесконечное множество, то ясно, что идея, составленная ... по *прообразу*, никогда не будет адекватной.

⁹² “animal implume, bipes, latis unguibus”

Книга третья. Глава десятая. О злоупотреблении словами.

У платоников есть своя «мировая душа», у эпикурейцев – свое «стремление к движению» в их «атомах, находящихся в покое».

С. 566. 33. Но в модусах и отношениях я не могу иметь идей, не соответствующих существующим вещам.

Книга третья. Глава одиннадцатая. О средствах против упомянутых несовершенств и злоупотреблений.

С. 577. 19. Идеи основных качеств субстанций всего лучше приобретаются путем показа.

С. 578. 23. Весь объем нашего познания и воображения не выходит за пределы наших собственных идей, ограниченных способами нашего восприятия.

С.с. 578-579. 24. Идеи субстанций также должны быть сообразны / вещам.

...при отсутствии умышленного обмана сам смысл рассуждений по большей части в достаточной мере наводит беспристрастных и понятливых читателей на его истинное значение.

Книга четвертая. Глава третья. О сфере человеческого познания.

8. ...наше познание тождества и различия простирается так же далеко, как и наши идеи.

9. ...наше познание совместного существования простирается очень недалеко. ...хотя именно в этом заключается самая большая и самая существенная часть нашего знания о субстанциях.

С. 22. 10. Потому что связь между большей частью простых идей неизвестна. 11. Особенно для вторичных качеств.

С.с.22-23. 12. ...между каким-нибудь вторичным качеством и теми первичными качествами, от которых оно зависит, нельзя обнаружить никакой связи.

С. 24. 15. Познание несовместимости идей простирается более далеко.

С. 25. 16. Познание совместного существования сил простирается весьма недалеко. <оба последних случая не идут дальше нашего опыта>

Книга четвертая. Глава пятая. Об истине вообще.

С. 51. 1. Что есть истина.

2. Верное соединение и разъединение знаков, т.е. идей или слов. На мой взгляд, истина в собственном смысле слова означает лишь соединение или разъединение знаков сообразно соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей друг с другом. Это соединение или разъединение знаков мы называем иначе «положением» («высказыванием», proposition).

С. 52. Так что, собственно говоря, истина относится только к высказываниям. А высказывания бывают двух видов – мысленные и словесные, так же как двух видов бывают и наши обычные знаки, а именно идеи и слова.

3. ...необходимо рассмотреть *истину* мысли отдельно от *истины* слов. Но рассуждать о них отдельно очень трудно: рассуждая о мысленных высказываниях, неизбежно приходится пользоваться словами, отчего <они> перестают быть чисто мысленными и становятся *словесными*.

4. ...когда мы хотим поразмыслить или составить высказывания о... сложных идеях, ...то мы обыкновенно подставляем слово на место идеи: при несовершенстве, спутанности и неопределенности большей части идей... мы размышляем о самих словах, потому что они яснее, определеннее и более отличаются друг от друга... и скорее приходят нам в голову.

С. 53. 5. [*Мысленное высказывание*] не что иное, как соединение или разъединение идей без слов.

...высказывание состоит в соединении или разъединении знаков, а истина – в соединении или разъединении этих знаков согласно соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей.

С. 54. 6. Когда идеи соединены или разъединены в уме согласно тому, соответствуют или нет друг другу они сами или обозначаемые ими вещи, то это можно назвать *мысленной истиной* [mental truth]. Но *истина слов* [verbal truth] есть нечто большее, а именно, утверждение или отрицание одного слова относительно другого согласно соответствию или несоответствию обозначаемых ими идей. И эта истина бывает двойка: либо чисто словесная и пустячная [trifling], либо реальная и поучительная...

7. *Возражение против словесной истины: она вся может быть химерой.*

С. 55. 8. *Ответ: Реальная истина касается идей, соответствующих (agreeing) вещам.* ...для истины, точно так же, как для познания, существует различие между *словесным* <безотносительным к существованию> и *реальным* <существующим>.

9. *Ложь есть соединение слов вопреки соответствию их идей.* *Истина* есть обозначение при помощи слов действительного соответствия или несоответствия идей, как оно есть. (the marking down in words the agreement or disagreement of ideas as it is).

С.с. 55–56. *Ложь* есть обозначение при помощи слов / соответствия или несоответствия идей, не отвечающего действительному положению вещей. (the marking down in words the agreement or disagreement of ideas otherwise than it is).

С. 56. 10. Обыкновенно ум ищет *общих истин*, поскольку они более всего способны расширять наше познание...

11. *Метафизическая истина*... представляет собой не что иное, как реальное существование вещей сообразно идеям, с которыми мы связали их имена. ...она включает в себя молчаливое положение, которым ум соединяет данную... вещь с идеей, установленной им раньше вместе с ее именем. *Metaphysical truth, which is nothing but the real existence of things, conformable to the ideas to which we have annexed their names.*

«В качестве представления в уме идея не бывает ни истинной, ни ложной. Так как истинность или ложность заключаются всегда в некотором... утверждении или отрицании, то наши идеи не способны быть ложными, пока ум не высказывает о них какое-нибудь суждение...» (Кн. II. XXXII. § 3. С. 439). *Истинность или ложность всегда предполагает утверждение или отрицание*. (Кн. II. Гл. XXXII. § 19. С.с. 446–447). «*Истинность или ложность никогда не бывает без некоего утверждения или отрицания*». (С. 447). «Так что, собственно говоря, истина относится только к высказываниям, а высказывания бывают двух видов – мысленные и словесные, так же как двух видов бывают и наши обычные знаки, а именно идеи и слова». (Кн. IV. Гл. V. «Об истине вообще». § 1. С. 52). «С помощью суждения ум заключает о соответствии или несоответствии своих идей, или, что то же самое, об истинности или ложности любого положения, не воспринимая демонстративную очевидность в доказательствах. [...whereby the mind takes its ideas to agree or disagree; or, which is the same, any proposition to be true or false, without perceiving a demonstrative evidence in the proofs]». (Кн. IV. Гл. XIV. «О суждении». § 3. С. 131). И т.д.

Начало главы «Об идеях истинных и ложных» содержит семиотическую аллюзию: «Будучи только простыми представлениями или восприятиями... наши идеи сами по себе не могут быть собственно и просто названы *истинными* или *ложными*, точно так же как и про *отдельное название* (курсив мой.—Э.Т.) какой-нибудь вещи нельзя сказать, что оно *истинно* или *ложно*». (Кн. II. Гл. XXXII. «Об идеях истинных и ложных». § 1. С. 438).

В этой главе фигурирует также и методологически ценный семиотический треугольник знак-смысл-объект: «...так как... *отвлеченная идея является в уме чем-то находящимся между существующей вещью и данным ей названием*, то в наших идеях заключается и правильность нашего знания, и точность и понятность нашей речи». (§ 8. С. 441). Вывод из этого положения таков: люди склонны предполагать, что отвлеченные идеи, имеющиеся в их уме, соответствуют существующим

вне их вещам, и что они также тождественны с относимыми к ним языковыми знаками. «Высказывание состоит в соединении или разъединении знаков, а истина – в соединении или разъединении этих знаков согласно соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей». (Кн. IV. Гл. V. «Об истине вообще». § 5. С. 53).

Ю.С. СТЕПАНОВ

В конце XX – начале XXI вв. Ю.С. Степанов предложил такой проект: осуществлять семиологический поиск в формате логического позитивизма. Поскольку все, что есть общего у всех знаков, – это системность, или *принципы организации знаков*, постольку важнее всего для семиотики изучать их комбинаторику. Считая лингвосемиотику центральной ветвью, и ее законы – матрицей для всех прочих семиотических систем, Степанов пишет: «Базовая ячейка этих принципов в языке – *высказывание*... Если не гнаться... за особой точностью, то высказывание можно определить как то, что в звучащей речи заключено между паузами..., а в речи письменной – между точками. Чаще всего высказывание – это предложение»⁹³. Как мы можем судить, здесь нет определения в точном смысле. Решающий логико-позитивистский шаг был сделан тогда, «когда в высказывании были различены постоянные и переменные элементы и высказывание, таким образом, было сведено к более абстрактному и более общему понятию – пропозициональной функции»⁹⁴.

Как известно, пропозициональная функция это языковое выражение, имеющее форму вид высказывания, например «*X* впадает в Каспийское море». Применяя методы аналитической философии, патриарх отечественной семиотики разъясняет: «Но в действительности оно высказыванием еще не является, так как в одном (или нескольких) из своих мест содержит обозначение переменной, *X*. Замена переменной на постоянную превращает пропозициональную функцию в настоящее высказывание, являющееся в одних случаях истинным, в других – ложным. «Волга впадает в Каспийское море» – истинно; «Днепр впадает в Каспийское море» – ложно. В общем случае высказывание содержит предикат, в данном примере «__ впадает в Каспийское море», который

⁹³ Семиотика. – М.: «Академический Проект»; Екатеринбург: «Деловая книга», 2001. – С. 7.

⁹⁴ Там же.

и является неизменной, инвариантной, частью, и термы, в данном случае – терм-субъект. Наименование «пропозициональная функция» потому и применяется к этому явлению, что предикат, т.е. сам показатель функции, указывает, что следует сделать с термом (какой признак ему надо приписать или по какому признаку его надо выбрать), чтобы в результате получилось истинное утверждение. Терм-субъект в каждом данном высказывании является чем-то определенным, именем какого-то индивида – *Волга, Днепр*, а в совокупности всех возможных высказываний образует некоторый класс, который в составе пропозициональной функции обозначается как переменная, *X*, а в обычном языке обозначается общим (нарицательным) именем, в данном примере – *река*»⁹⁵.

Этот логико-синтаксический подход оправдывается тем, что приносит плоды, легко опознаваемые за положительный результат представителями англо-саксонского современного способа философствования. Аналитико-семиотический анализ сводится к выявлению в тексте пропозициональных функций разной степени общности. В данном случае мы можем видеть, как происходит логическое обобщение возможных в данном контексте высказываний на заданную тему: пропозициональная функция «*X* впадает в Каспийское море», или «__ впадает в Каспийское море», или «Нечто впадает в Каспийское море», «__ впадает в море», «__ впадает» – цепь звеньев последовательного обобщения. Ю.С. Степанов подчеркивает, что соответственно разным ступеням обобщения можно получить разные пропозициональные функции, например «Некая река впадает в Каспийское море», «Некая река впадает в некое море», «Нечто впадает в нечто»⁹⁶.

Для выявления пропозициональных функций разной степени общности имеется два пути. Первый заключается в поиске предикатов, которыми в данном тексте наделяются субъекты (это анализ «синтагматический», указывает Степанов). Второй путь – классифицирование субъектов: «Анализ приводит к группировке индивидов, термов в классы, каждый из которых может быть обобщен – в языке исследователя, но не обязательно в языке исследуемого текста – посредством какого-либо общего имени (...этот анализ называют «парадигматическим»)»⁹⁷. Люди и конкретные вещи – это «постоянные», а общие имена – это «переменные». Один из важнейших предварительных выводов статьи, бросающий свет на слово-пароль, по которому во время

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Цит. Соч., с. 8.

⁹⁷ Там же.

постмодернизма опознаются «свои» и отлучаются «инакомыслящие», таков: «Отыскание «переменных» – более важная задача анализа, чем перечень «постоянных», потому что в классификациях постоянных, в подведении индивидов под общие разряды как раз и вскрывается... картина глубинного устройства мира, как она предстает с точки зрения данного текста или данного писателя. Рассматриваемый таким образом текст – это уже *дискурс*»⁹⁸.

Дискурс. Это магическое слово постмодернизма, к которому в англосаксонских странах философы относятся иначе, нежели на континенте. Общая идея, или карта-путешествие основной идеи логических позитивистов хорошо известна: создание для науки языка двух типов: «объектного» и «теоретического». Цепочки анализа с целью терапии тоже известны: 1) «термины наблюдения» и «диспозициональные предикаты»; → протокольные высказывания; 2) редуцируемые термы, предикаты и высказывания; → отсутствие «псевдоутверждений»; → отсутствие «псевдопроблем»... Довлеет всему термин «эпистемология». Однако это теория *научного* познания, и она, при всем пиетете по отношению к науке, не заменяет собою *все* существующие виды познавательной деятельности (что значительно сужает предмет философии). И хотя *от постмодернизма эпистемологи, а тем более, логики держатся подалее* (В.А. Бажанов), сам факт существования упомянутого общекультурного явления, как и большой литературы, возникшей в его лоне, непреложен.

ТРЕУГОЛЬНИК ФРЕГЕ

Известная эмблема семиотической ситуации, так называемый треугольник Фреге, носит имя известного немецкого логика и математика XIX в., первым связавшего проблему формального единства содержания математики с принятыми в ней способами рассуждения. Им была осуществлена одна из первых аксиоматизаций логики высказываний и логики предикатов. Г. Фреге заложил основы логической семантики, отделив в логической теории средства выражения (синтаксис) от того, что они обозначают.

Новое понимание основано на том, что язык начинает рассматриваться как исчисление, аналогичное математическим теориям.

«Язык как вычислительная процедура представлен Г. Фреге в первой крупной работе *Begriffsschrift (Шрифт понятий)*, где он разрабатывает

⁹⁸ Там же.

формальный язык, позволяющий явным образом представить систематическую связь теоретических истин. Своеобразие данной программы заключается в том, что она никогда не была ориентирована на прояснение сущности языка в том смысле, что она не отталкивается от общей предпосылки: язык функционирует, описывая реальность или в каком-либо отношении указывая на нее. Рассматривая мысль как содержание предложения, Г. Фреге никогда не ставил перед собой задачи выяснения того, каким образом мысль относится к действительности. Главная проблема, стоящая перед ним, – это проблема логического вывода, следовательно, все импликации его теории оправданы только в перспективе объяснения последнего»⁹⁹.

Имеет смысл выделить следующие варианты треугольника Фреге, возникающие в зависимости от сферы применения знаков.

Структурные различия должны найти различия терминологические.

Понятия «референт», «денотат», «сигнификат», «концепт», «номинант», «репрезентат» и «репрезентант» и прочие подобные часто путаются между собой и противоречиво употребляются. Полагаем, необходимо более строго подойти к терминам, обозначающим элементы знакового отношения, так, чтобы различия терминологические

⁹⁹ В.А. Суровцев. О логико-философских взглядах Готлоба Фреге // Готлоб Фреге. Логико-философские труды. Логические исследования. Основоположения арифметики. Пер. В.А. Суровцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.

отражали бы содержательные различия между представлением (или понятием)-денотатом и предметом-денотатом. Было бы правильно закрепить за первым термин “сигнификат”, а термин “денотат” лучше оставить за объективно-реальным предметом или явлением, потому что “денотат” значит “обозначаемый”, а “сигнификат” – “означаемый”. Это будет соответствовать отразившейся в нашей литературе тенденции различения объективно-реального и идеального существования языка (по аналогии с дихотомией язык/речь). Следует четче разграничить и употребление терминов-синонимов “десигнат” и “концепт”. Первый лучше употреблять в знаковых ситуациях обыденного познания, потому что в них он может обозначать не обязательно понятие, но и представление, вообще любой чувственный образ. Второй же термин лучше закрепить за элементом знаковой ситуации научного познания, потому что он как правило оказывается именно понятием, что будет соответствовать лексическому значению этого слова (“концепт” – понятие).

Таким образом, знаковая ситуация обыденного познания будет состоять из следующих элементов: коммуниканты, контекст и знак (имя-денотат-десигнат), а знаковая ситуация научного познания будет состоять из таких элементов: коммуниканты, контекст и знак (имя-сигнификат-концепт). Нетрудно установить совпадение числа этих элементов и различие их содержания. Это является следствием того, что нет никакой непроходимой грани между видами и уровнями человеческого познания.

ДЖ.Р. СЕРЛЬ

Семантический треугольник этот английский философ и логик строит таким образом: «Существует различие между (интенциональным) состоянием и тем, на что оно направлено или чем оно вызвано»¹⁰⁰. И это не призрачная «идеальная сущность» Гуссерля: у нее нет какого-то обособленного онтологического статуса. «Так, например, если Билл восхищается президентом Картером, то Интенциональным объектом его восхищения будет сам президент Картер, реальный человек, а не некая призрачная промежуточная сущность между Биллом и человеком» (там же). Это первая ступень репрезентации. Вторая ступень – знаковая репрезентация. «Поскольку Интенциональное состояние является репрезентацией, постольку... утверждение оказывается репрезентацией репрезентации». (С. 120).

¹⁰⁰ Серль Дж.Р. Природа интенциональных состояний. – С. 113.

Здесь имеет место описанная выше терминологическая путаница: первую ступень, по справедливости, надо бы назвать просто презентацией, а знаковую – репрезентацией. Но, видимо, для Серла важно, что по содержанию это одно и то же отношение: представительство, т.е. то, что некоторые метальные состояния могут представлять объект точно так же, как на этой основе могут представлять его знаки.

Серл приводит примеры интенциональных состояний: вера, страх, надежда, желание, любовь, ненависть, симпатия, неприязнь, сомнение, удивление, удовольствие, восторг, уныние, тревога, гордость, скорбь и еще несколько десятков. Этот автор выходит еще на одну важную проблему: взаимосвязь сущности и явления, или, в нашей семиотической терминологии, когнитивного и модального компонентов значения. «Для интенциональных состояний существует различие между репрезентативным содержанием “...что вы выйдете из комнаты” и тем психологическим модусом, будь то вера, страх или надежда, в котором дано это репрезентативное содержание» (с. 101).

Плодотворны для семиотики следующие рассуждения Дж.Р. Серла: «Интенциональность веры является *внутренней*, Интенциональность звуковой речи является *производной*. ...Ключ к значению состоит в том обстоятельстве, что оно может быть частью условий выполнимости ... моей интенции, направленной на то, чтобы условия ее выполнимости ... сами обладали условиями выполнимости ... Понятие «значение» в своем буквальном смысле относится к предложениям и речевым актам, но не к Интенциональным состояниям» (с. 125). И в связи с этим: «Значение присутствует только там, где имеется различие между Интенциональным содержанием и формой его воплощения, и спрашивать о значении – значит спрашивать об Интенциональном содержании, сопровождающем данную форму воплощения» (с. 126). «Джон не может подразумевать, что *p*, если не говорит и не делает чего-то, *посредством чего* он и подразумевает, что *p*» (там же). «Формы реализации Интенционального состояния столь же безразличны для его логических свойств, как формы реализации речевого акта безразличны для логических свойств последнего» (с. 112). Значит, образ (например, понятие) и с точки зрения Серла может *становиться* значением.

Эти рассуждения проливают свет на содержание связи знака и значения, ибо сказать, что оно «эксклюзивно», как это делали некоторые отечественные авторы, значит сказать не все: мы только отмечаем, что эта связь не органическая, но агрегатная (суммативная), не упоминая о том, каковы содержательные ее признаки, позволяющие качественно различить

отношение «значение/понятие–объект» («образ–объект») и отношение «значение–знак». Кроме того, что у них разная интенция, различны направления совмещения, у них еще и разная валентность, разная природа связей и разная роль. Обозначение первоначально есть вид переоформления образа, смена формы его воплощения и одновременно сигнификационный лифт, возвышение степени абстрактности, переход от общего представления к понятию, вообще от чувственной ступени познания к рациональной. Когда мы называем словом свое ощущение, мы превращаем его этим в понятие. Строго говоря, точка или область «бифуркации», где происходит переход от «хаоса» чувственных впечатлений к порядку мысли, – не понятие, а общее представление; затруднения связаны с тем, что это еще не мысль. Еще не мысль, но уже смысл. Именно в представлении сознание в полной мере обретает презентативность, поэтому этот образ есть онто- и фило-генетически первый претендент на то, чтобы считаться когнитивным компонентом (сущностью) значения и актуально *стать* им, как только явится соответствующий знак. Вероятно, нет необходимости подчеркивать, что актом обозначения представленного предмета мы превращаем, как и в случае с образами более низких ступеней, представление в значение/понятие. Важнее акцентировать, что между значением и объектом не остается никакого дополнительного «образа-понятия». Смысловая «небула» приобретает логическую форму, интенциональное содержание и имя (знак) одновременно.

А.Ф. ЛОСЕВ. ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ

Безусловно, справедливо мнение, что связь между именем и объектом представляет собой не одно какое-то отношение, но поле, пронизанное веером отношений; *переход* от проявления знания на уровне *фонемы*, т.е. известного звучания человеческого голоса, организованного в членораздельные звуки, ко все более глубокой сущности включает такие ступени: *семема* (фонематическая), *этимон* (наделенный значением, выходящим за пределы звучания), *морфема* (связанный этимон, варианты смысла), *синтагма* (смысловая энергия всего предложения), *пойема* (варианты смысла, зависящие от выразительности – рифмы, размеры, расположения слов). Вся эта группа (после фонемы) объединяется на достигнутом уровне в символическую семему, или первое символическое единство слова.

Второй, потенциальный уровень символичности – полное и общее символическое единство семемы. Например, «если какое-то имя стоит в дательном падеже, это значит, что имеется какая-то высшая форма этого имени, включающая в себя все падежи вместе с дательным, содержащая потенциально высшую общность парадигмы склонения. Каждое *hic et nunc* значения слова, каждое «так-то и так-то» указывает, во-первых, на то, что возможны другие «так-то и так-то», а во-вторых, на то, что все эти «так-то и так-то» предполагают некое потенциальное единство их в общем и полном значении. Это и есть второй симболон»¹⁰¹.

Но читатель ошибется, если решит, что это самая глубокая сущность значения: данного уровня достигает любой учебник по общему языкознанию. Философ же предпринимает дальнейший анализ: значения (слова) самого по себе, независимо от фонемы. Это так называемый ноэматический пласт. Чистая ноэма – редукция полной символической семемы, она связана с приведением многообразных вариантов смысла к одному, центральному признаку. Это уже чистая смысловая стихия, некий коррелят предмета в сфере понимания. «Чистая ноэма есть понимаемая предметность, понимание предметности, взятое как смысловой снимок с познавательных актов, необходимых для перенесения данного предмета в сферу понимания вообще». (С. 36).

Таким образом, семема – поле субъективно индивидуальных отношений к предмету, ноэма – вне-индивидуальных, общих для всех людей, входящих в языковой коллектив, отношений (понимания, интенций и т.д.). На этом уровне склонно останавливаться популярное сознание. «Так и определяется в большинстве ходячих университетских курсов слово – как звуковой комплекс, объединенный каким-нибудь определенным значением». (С. 37). Да ведь такое определение подходит к любому предмету и процессу: лай, гром, скрипение, кашель, музыка... И трактовать без дальнейших околичностей чистую ноэму как значение слова, его последнее основание, – значит, как душевнобольной, ограничить себя самим собой, своими психическими процессами. А тайна слова состоит в том, что оно есть «орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью». (С. 39). Эта арена интимной и сознательной встречи – *идея*, полный сформулированный смысл, встреча адекватного понимания с адекватно понимаемым. В идее взаимоопределяются предметная сущность и *нечто иное* – не-сущее, [τὸ μὴ οὐ], – меон. «Если что-нибудь одно – сущее,

¹⁰¹ Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Академический проект, 2009. – С. 27–32.

то чистое «иное» будет не просто другое сущее же, но *не-сущее*, меон... *утверждение факта оформления предмета... Меон есть момент в сущем же, не-сущее есть необходимое слагаемое жизни сущего же*. (С. 42). Он не имеет никакой самостоятельной природы, это не качество, не количество, не бытие и не отношение, не покой и не движение – он есть только в связи со всем перечисленным, а именно, *иное*. Это – начало иррационального в самой рациональности, начало без-образного в образности сознания. Предметная сущность присутствует в слове не сама по себе, но в некоем своем качестве. И оформить это качество, оттенить и тем выразить его помогает меон. Идея – это максимально полное и адекватное отражение в слове предметной сущности, это сама вещь, но «данная в своем максимальном присутствии в инобытии» – и в ней достигается подобие неподобных по природе образа и объекта. «Имя вещи есть выраженная вещь. Слово вещи есть понятая вещь. Имя, слово вещи есть разумеваемая вещь, в разуме явленная вещь, вещь как разум и понятие, как сознание и следовательно, разум, понятие и сознание как вещь». (С. 47).

Эта грандиозная диалектическая конструкция выигрывает в сравнении со схемами Фреге и даже Пирса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России: тез. пленар. докл. и секцион. выступлений Всерос. науч. конф. с международ. участием. – СПб.: Изд-во филос. ф-та СПбГУ, 2012. – 220 с.
2. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Философия древности и средневековья / Под ред. В.В. Соколов [и др.]. – М.: Изд-во «Мысль», 1969. – Ч. 1–2. – (Сер. «Антология мировой философии»).
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Изд-во «Мысль», 1984. – Т. 1–4. – (Сер. «Философское наследие»).
4. Беркли, Джордж. Трактат об основах человеческого познания. Сочинения. – М.: «Мысль», 2000.
5. Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты / отв. ред. И автор статьи д-р филос. наук Г.Г. Майоров. – М.: Изд-во «Наука», 1990. – 414 с. – (Сер. «Памятники философской мысли»).
6. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М.: Изд-во Иностран. лит-ры, 1958. – 136 с.
7. Волков, А.Г. Язык как система знаков / А.Г. Волков. – М.: Из-во Моск. ун-та, 1966. – 88 с.
8. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт [и др.]. – М.: Наука, 1984. – 238 с.
9. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Изд-во «Наука», 1994. – Кн. 1–3.
10. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 2. Философия природы / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Изд-во «Мысль», 1975. – 695 с.
11. Гоббс, Т. Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс. – М.: Изд-во «Мысль», 1991. – Т. 1–2.
12. Дэвид Юм и современная философия: матер. Междунар. конф. / под общ. ред. И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2012. – Т. 1–2.
13. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – М.: Прогресс, 1983. – 302 с.
14. Философская мысль в прошлом и настоящем (некоторые сюжеты): учеб. пособие / А.П. Косарев [и др.]. – Казань: КГЭУ, 2011. – 208 с.
15. Субъект. Познание. Деятельность: к 70-летию В.А. Лекторского. – М.: Канон: Реабилитация, 2002. – 720 с.
16. Локк, Д. Сочинения: в 3 т. / Д. Локк. – М.: Изд-во «Мысль», 1985. – Т. 1–3.
17. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 960 с.

18. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Академический Проект, 2009. – 300 с.
19. Труды по знаковым системам: / отв. ред. Ю.М. Лотман. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1965. – 361 с.
20. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемиические главы / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
21. Никоненко, С.В. Реальность, символы и анализ. Философия по ту сторону постмодернизма / С.В. Никоненко. – СПб.: Изд-во РХГА, 2012. – 283 с.
22. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Платон; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во «Мысль», 1994. – Т. 1–4.
23. Портнов, А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. / А.Н. Портнов. – Иваново: ИвГУ, 1994. – 367 с.
24. Семиотика: сборник / ред., вступит. ст. Ю.С. Степанов. – М.: Радуга, 1983. – 627 с.
25. Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. – 2-е изд. испр. И доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
26. Тайсина, Э.А. Теория познания. Интродукция и рондо кашпрчиозо / Э.А. Тайсина. – СПб.: Алетейя, 2013. – 608 с.
27. Тайсина, Э.А. История и философия социально-гуманитарного познания: учеб. пособие / Э.А. Тайсина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2012. – 220 с.
28. Тайсина, Э.А. Теория познания: коллекция статей / Э.А. Тайсина. – СПб.: Алетейя, 2014. – 261 с.
29. Тайсина, Э.А. Философские вопросы семиотики / Э.А. Тайсина. – СПб.: Алетейя, 2014. – 208 с.
30. Оккам, У. Избранное / ред. и вст. ст. А.В. Аполлонова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 222 с.
31. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
32. Петров, В.В. Философия, логика, язык / В.В. Петров, Д.П. Горский; сост. и предисл. В.В. Петрова; общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.
33. Философия, язык, познание: сб. матер., посвященных 10-летию кафедры ТОК и юбилею д-р филос. наук, проф. Э.А. Тайсина / под ред. Н.М. Мухарьямов [и др.]. – Казань: КГЭУ, 2011. – 132 с.

34. Готлоб, Ф. Логико-философские труды. Логические исследования. Основоположения арифметики: сб. тр. / Ф. Готлоб; пер. с нем. В.А. Суровцева. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008. – 287 с.
35. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М.: 1980. – 448 с.
36. Швейцер, А. Иоганн Себастьян Бах / А. Швейцер. – М.: Музыка, 1965. – 724 с.
37. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. А.Г. Погоняйло, В.Г. Резник; отв. ред. М.Г. Ермакова. – СПб.: ТООТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
38. Давид, Ю. Трактат о человеческой природе. В 2 т. / Ю. Давид; пер. С.И. Церетели; прим. И.С. Нарского; вступит. ст. А.Ф. Грязнова. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: «Мысль», 1996. – Т. 1–2.
39. Chandler, D. Semiotics for Beginners [Electronic resource] / D. Chandler. – Access mode: <http://www.visual-memory.co.uk/daniel/Documents/S4B/> (date of treatment: 29.04.19).
40. Chamber's 20th Century Dictionary. – London: W. & R. Chambers Ltd, 1965. – 1396 p.
41. Chomsky, N. Language and Mind / N. Chomsky. N.Y., Chicago, San. Fr., Atlanta, 1972.
42. Desmond, W. Are We All Scholastics Now? On analytic, dialectical and post-dialectical thinking / W. Desmond // Yearbook of the Irish Philosophical Society, 2010–2011. – P. 1–24.
43. Derrida: a Classical Reader / ed. by David Wood. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1996.
44. Eco, U. A Theory of Semiotics / U. Eco. – London, 1976.
45. Greimas, A. On Meaning: Selected Writings in Semiotic Theory / A. Greimas. – London, 1987.
46. Internalism and Externalism in Semantics and Epistemology / ed. by Sanford C. Goldberg. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
47. Peirce, Ch.S. Collected Papers / Ch.S. Peirce. – Cambridge, 1932.
48. Pritchard, D. What is this Thing called Knowledge? / D. Pritchard. – 2-nd ed. – London & New York, 2009.
49. Psillos, S. Philosophy of Science A–Z / S. Psillos. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
50. Tannen, D. That's Not What I Meant! How conversational style makes or breaks relationships / D. Tannen. – New York: Ballantine Books Edition, 1987.

51. US mirror site for Semiotics for Beginners [Electronic resource] / run by Martin C. Messer. – Access mode: <http://www.argyroneta.com/s4b/> (date of treatment: 29.04.19).

52. XXII World Congress of Philosophy “Rethinking Philosophy Today”: Book of Abstracts. – Seoul: Seoul Nat. Univ. Press, 2008.

53. XXIII World Congress of Philosophy: Book of Abstracts. – Athens: University of Athens, 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Предмет и задачи семиотики	4
Глава 2. Философские истоки семиотики	11
§ 1. Семиотические идеи в античной философии	11
§ 2. Развитие символизма в эпоху средневековья	14
§ 3. Обогащение семиотической концепции в эпоху Возрождения и Новое время.....	20
Глава 3. Современный этап развития семиотики	25
Глава 4. Знак как объект семиотики	32
§ 1. Общая характеристика семиотической ситуации	32
§ 2. Основные подходы к определению знака	37
Глава 5. Семиотические характеристики знака	42
§ 1. Основные свойства знака	42
§ 2. Основные разновидности знака	46
Глава 6. Значение как объект семиотики	54
§ 1. Типы теорий значения	54
§ 2. Сущность и структура значения	59
Глава 7. Философские характеристики значения	69
§ 1. Значение и концепция скрытого знания	69
§ 2. Значение как аспект проблемы идеального	75
Глава 8. Синтез теории познания и семиотики	83
§ 1. Сигнификация и проблема истины	83
§ 2. Решение проблемы истины	86
Глава 9. Семиотика и фундаментальные законы социального познания	92
Приложение	96
Мемфисский богословский трактат	96
Платон	99
Аристотель	107
Секст Эмпирик	109
Бозций	114
Уильям Оккам	118
Джон Локк	122
Ю.С. Степанов	126
Треугольник Фреге	128
Дж.Р. Серль.....	130
А.Ф. Лосев.....	132
Список литературы.....	135

Учебное издание

Эмилия Анваровна Тайсина

С Е М И О Т И К А

Учебное пособие

Кафедра философии и медиакоммуникаций КГЭУ

Авторская редакция
Компьютерная верстка *Т.И. Лунченкова*

Подписано в печать 14.06.2019.

Формат 60×84/16. Бумага «Business». Гарнитура «Times». Вид печати РОМ.
Усл. печ. л. 8,14. Уч.-изд. л. 7,50. Заказ № 247/эл.

Издательство КГЭУ, 420066, Казань, Красносельская, 51